

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 11 декабря 2012 г. ПИ № ФС77-52135
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76216 от 12.07.2019 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глазьев С.Ю. – д-р экон. наук, профессор, академик РАН,
председатель редакционной коллегии
Азоев Г.Л. – д-р экон. наук, профессор
Акаев А.А. – иностранный член РАН
Афанасьев В.Я. – д-р экон. наук, профессор
Ашмарина С.И. – д-р экон. наук, профессор
Буренко В.И. – д-р полит. наук, профессор
Волох В.А. – д-р полит. наук, доцент
Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, профессор,
председатель редакционной коллегии
Джордж Филлипп – д-р экон. наук, президент Ксавьерского
института менеджмента и предпринимательства (Индия)
Егоршин А.П. – д-р экон. наук, профессор
Коротков Э.М. – д-р экон. наук, профессор
Крыштановская О.В. – д-р социол. наук, профессор
Латфуллин Г.Р. – д-р экон. наук, профессор
Морозова Е.Г. – д-р полит. наук, профессор
Мюллер-Штевенс Гюнтер – д-р экон. наук, профессор
Международного института менеджмента Университета г. Сент-
Галлен (Швейцария)
Перетти Жан-Мари – д-р экон. наук, профессор Высшей школы
экономики и коммерции Парижа (ESSEC)
и Университета Корсики
Першуков В.А. – д-р техн. наук, профессор, академик РАЕН
Райченко А.В. – д-р экон. наук, профессор
Святов С.А. – д-р экон. наук, профессор
Синг Анеш – д-р экон. наук, профессор университета
Квазулу-Наталь (ЮАР)
Сороко А.В. – д-р экон. наук
Уколов В.Ф. – д-р экон. наук, профессор
Хорин А.Н. – д-р экон. наук, профессор
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук, профессор
Шабров О.Ф. – д-р полит. наук, профессор
Шамшиев Ч.Б. – д-р экон. наук
Шольц Маркус – д-р экон. наук, декан школы бизнеса
Университета Пфорцхайм (ФРГ)
Шомова С.А. – д-р полит. наук, профессор
Щербинин А.И. – д-р полит. наук, профессор
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юр. наук,
канд. ист. наук, профессор
Яковлев А.Ю. – д-р полит. наук, доцент
Язев В.А. – д-р экон. наук, профессор

Founder:

Federal Government Budget Education Institution of Higher
Education “State University of Management”

Registration mass-media license PI № FS77-52135
December 11, 2012.

Changes have been made to the registration record
Registration number PI № FS 77-76216 from 12.07.2019

EDITORIAL BOARD

Glaz'ev S.Yu. (Glaziev S.) – Doctor of Economic Sciences, prof.,
RAS academician, Chairman of the Editorial Council
Azoev G.L. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Akaev A.A. – RAS foreign member
Afanasyev V.Ya. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Ashmarina S.I. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Burenko V.I. – Doctor of Political Sciences, prof.
Volokh V.A. – Doctor of Political Sciences, associate prof.
Groshev I.V. – Doctor of Economic Sciences, Doctor of Psychology
Sciences, prof., Chairman of the Editorial Board
Philip J. – Ph.D. (Economy), President of Xavier Institute
of Management and Entrepreneurship (India)
Egorshin A.P. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Korotkov E.M. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Kryshstanovskaya O.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Latfullin G.R. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Morozova E.G. – Doctor of Political Sciences, prof.
Mueller-Stewens Guenter (Müller-Stewens, Günter) – Ph.D. (Economy),
Professor of the International Institute of Management
at San-Gallen University (Switzerland)
Peretti J.M. – Ph.D. (Economy), Professor of the Higher School
of Economics and Commerce Paris (ESSEC)
and the Corsica University
Pershukov V.A. – Doctor of Technical Sciences, prof., RAS academician
Raichenko A.V. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Svyatov S.A. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Anesh Maniraj Singh – Ph.D. (Economy), Professor of the University
KwaZulu-Natal (SAR)
Soroko A.V. – Doctor of Economic Sciences
Ukolov V.F. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Khorin A.N. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Chudnovskii A.D. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Shabrov O.F. – Doctor of Political Sciences, prof.
Shamshiev Ch.B. – Doctor of Economic Sciences
Scholz Marcus – Ph.D. (Economy), Head of Business School
at Pforzheim University (Germany)
Shomova S.A. – Doctor of Political Sciences, prof.
Shcherbinin A.I. – Doctor of Political Sciences, prof.
Eriashvili N.D. – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal
Sciences, Candidate of Historical Sciences, prof.
Yakovlev A.Yu. – Doctor of Political Sciences, associate prof.
Yazev V.A. – Doctor of Economic Sciences, prof.

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Статьи доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования.

Главный редактор

Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Ответственный за выпуск

Алексеева Л.Н.

Редактор

Таланцева Е.В.

Редактор перевода

Меньшиков А.В.

Выпускающий редактор и компьютерная верстка

Малыгина Е.А.

Технический редактор

Дегтярёва О.А.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям:

- 08.00.01 «Экономическая теория»;
- 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»;
- 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит»;
- 08.00.12 «Бухгалтерский учет, статистика»;
- 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»;
- 08.00.14 «Мировая экономика»;
- 23.00.01 «Теория и философия политики, история и методология политической науки»;
- 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»;
- 23.00.03 «Политическая культура и идеологии»;
- 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»;
- 23.00.05 «Политическая регионалистика. Этнополитика»;
- 23.00.06 «Конфликтология».

Подписано в печать 20.12.2019

Формат 60х90/8

Объем 19,25 печ. л.

Бумага офсетная

Тираж 1000 экз.

(первый завод 100 экз.)

Заказ № 1328

Подписной индекс в электронном каталоге

ОАО Агентство «Роспечать» – Я5961

<http://press.rospechat.ru/publications/view/%D0%AF5961/>

Издательство: Издательский дом ГУУ (Государственный университет управления)

Издается в авторской редакции

Ответственность за сведения, представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли обязательную процедуру рецензирования

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский просп., д. 99, ГУУ, главный учебный корпус, кабинет 345А.

Тел.: (495) 377-90-05.

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.upravlenie.guu.ru>

Articles are available under a Creative Commons "Attribution" 4.0. license, according to which unlimited distribution and reproduction of these articles is possible in any medium, provided the author's name and links to the original article publication in this journal in accordance with the rules of scientific citation.

Editor-in-Chief

Groshev I.V. – Doctor of Economic Sciences, Doctor of Psychology Sciences, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation

Responsible for issue

Alekseeva L.N.

Editor

Talantseva E.V.

Translation editor

Menshikov A.V.

Executive editor and desktop publishing

Malygina E.A.

Technical editor

Degtyareva O.A.

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission (Russia) of peer-reviewed scientific publications, where a basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences must be published in the fields:

- 08.00.01 «Economic theory (economic sciences)»;
- 08.00.05 «Economics and management of the national economy (by branches and fields of activity) (economic sciences)»;
- 08.00.10 «Finance, money circulation and credit (economic sciences)»;
- 08.00.12 «Accounting, statistics (economic sciences)»;
- 08.00.13 «Mathematical and instrumental methods of economics (economic sciences)»;
- 08.00.14 «World Economy (Economics)»;
- 23.00.01 «Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science (political sciences)»;
- 23.00.02 «Political institutions, processes and technology (political sciences)»;
- 23.00.03 «Political culture and ideology (political sciences)»;
- 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development (political sciences)»;
- 23.00.05 «Political regionalism. Ethnopolitics»;
- 23.00.06 «Conflictology (political sciences)».

Signed to print 20.12.2019

Format 60х90/8

Size is 19,25 printed sheets

Offset paper

Circulation 1000 copies

(the first factory 100 copies)

Print order № 1328

Subscription index in the online catalog

OJSC Agency «Rospechat» – Я5961

<http://press.rospechat.ru/publications/view/%D0%AF5961/>

Publishing: Publishing house of the State University of Management

Published in author's edition

Responsible for the information presented in the publication are the authors

All published articles have undergone a mandatory review process

Editor office:

99 Ryazanskii Prospect, Moscow, 109542, Russia, State University of Management, the main academic building, office 345A.

Тел.: (495) 377-90-05.

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.upravlenie.guu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Информационно-методическая поддержка
эколого-технологической модернизации
экономики Российской Федерации
Скобелев Д.О. 5

О зарубежном опыте подготовки специалистов
по государственным закупкам на примере США,
Великобритании и Китая
Цибиков В.А. 16

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Характеристика структуры перевозок транспортно-
логистического комплекса и его динамика
Абдюшева Д.Р., Степанов А.А. 24

Корректировка пруденциальных нормативов,
определяющих вектор развития банковского сектора
Грызунова Н.В. 32

Эффективность формирования инновационной
экосистемы как элемента стратегического развития
территории
Корчагина И.В., Сычёва-Передеро О.В. 44

История зарождения и развития клиентского сервиса
Сакульева Т.Н., Тромбетта С. 54

УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Приоритизация факторов, влияющих на нефтегазовой
экспорт Ирана с использованием группового подхода
к принятию решений на основе иерархического анализа
*Мохаммадбеиги Х.Ф., Даниали С.,
Мохаммадбеиги Я.* 60

Место и роль России в мировой системе
трансграничных денежных переводов
Нарбут В.В. 67

Концептуальные подходы к образованию региональных
экономических кластеров
Ракута Н.В., Ситохова Т.Е. 76

Структурные уровни национальной
экономической системы: аспект управления
Рязанова Г.Н., Толкачев П.С. 84

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ

Проблемы разработки методологии стратегического
планирования для региональных
социально-экономических систем
Атаева А.Г. 90

Особенности доходной политики как важнейшего
направления социальной политики
Биганова М.А. 100

Проблемы и противоречия международной
статистики по миграции
Логинов Б.Б. 106

Развитие трансграничных территорий как индикатор
эффективности интеграционных процессов
Мищенко И.В., Шустова Е.П., Милькина И.В. .. 113

CONTENTS

STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT

Information and methodological support to the
implementation of Best Available Techniques in the
Russian Federation
Skobelev D.O. 5

The foreign experience in training public procurement
specialists on the example of the USA,
Great Britain and China
Tsibikov V.A. 16

MANAGEMENT IN VARIOUS INDUSTRIES

Characteristics of the transportation structure
of the transport-logistical complex and its dynamics
Abdyusheva D.R., Stepanov A.A. 24

Adjustment of prudential norms, determining vector
of the banking sector development
Gryzunova N.V. 32

The effectiveness of an innovation ecosystem formation
as territory strategic development element
Korchagina I.V., Sychjova-Peredero O.V. 44

History of origin and development of customer service
Sakulyeva T.N., Trombetta S. 54

MANAGEMENT IN ECONOMY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Prioritizing factors affecting Iranian non-oil export
using group decision making approach based
on hierarchical analysis process
*Mohammadbeigi Kh.F., Daniali S.,
Mohammadbeigi Y.* 60

Russia's place and role in the remittances world system
Narbut V.V. 67

Conceptual approaches to the formation of regional
economic clusters
Rakuta N.V., Sitokhova T.E. 76

Structural levels of the national
economic system: management aspect
Ryazanova G.N., Tolkachev P.S. 84

PROCESS MANAGEMENT

Problems of developing a strategic planning
methodology for regional socio-economic systems
Ataeva A.G. 90

Revenue policy features as an important direction
of social policy
Biganova M.A. 100

Problems and contradictions of international
migration statistics
Loginov B.B. 106

Cross-border territories development as an indicator
of the integration processes effectiveness
Mishchenko I.V., Shustova E.P., Milkina I.V. 113

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Опыт Швейцарской Конфедерации по приему
мигрантов

Воронина Н.А. 123

Международная образовательная миграция как
«ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации

Суворова В.А., Бронников И.А. 131

Миграционная преступность в современном
мегаполисе: управление рисками

Юдина Т.Н., Бормотова Т.М. 140

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

О проблемах современной модели формирования
и реализации государственной инновационной
политики России

Гусарова А.Н., Знаменский Д.Ю. 149

CONTENTS

THREATS AND CHALLENGES

Swiss Confederation experience on reception
of migrants

Voronina N.A. 123

International educational migration
as a “soft power resource” in the globalization era

Suvorova V.A., Bronnikov I.A. 131

Migration criminality in the modern
megapolis: risk management

Yudina T.N., Bormotova T.M. 140

POLITICAL DISCOURSE

Challenges of the modern model of formation
and implementation of the Russian state
innovation policy

Gusarova A.N., Znamenskiy D.Yu. 149

Информационно-методическая поддержка эколого-технологической модернизации экономики Российской Федерации

Скобелев Дмитрий Олегович

канд. экон. наук, ФГАУ «Научно-исследовательский институт «Центр экологической промышленной политики»,
г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-8067-7016, e-mail: training@eipc.center

Аннотация

В статье проанализированы цель, задачи и основные направления осуществления информационно-методической поддержки эколого-технологической модернизации экономики России и перехода к наилучшим доступным технологиям в ключевых отраслях хозяйства. Показано, что эколого-технологическая модернизация отвечает национальным целям и стратегическим задачам развития Российской Федерации и направлена на формирование высокопроизводительной, экспортно ориентированной, ресурсоэффективной промышленности, развивающейся на основе современных технологий.

Рассмотрено новое направление развития промышленной политики России — экологическая промышленная политика. Представлен опыт разработки и реализации инструментов информационно-методической поддержки, в том числе информационных семинаров, деловых игр и программ повышения квалификации кадров. Проанализирована роль экспертного сообщества в области наилучших доступных технологий в реализации экологической промышленной политики. Подчеркнуто, что задачи информирования заинтересованных сторон, повышения квалификации кадров, создания экспертного сообщества наилучших доступных технологий, обсуждения проектов нормативных правовых актов, оценки затрат на модернизацию и обоснования последовательного совершенствования требований к технологиям, их экологической и ресурсной эффективности, должны решаться в тесной взаимосвязи друг с другом. Продемонстрировано, что исследовательские проекты, выполняемые в рамках информационно-методической поддержки модернизации экономики, позволяют получить и систематизировать информацию, необходимую для эколого-экономического обоснования новых требований к ресурсной и экологической эффективности производства. Определены направления совершенствования инструментов общественного диалога, информационной работы, программ повышения квалификации кадров, подходов к обсуждению проектов нормативных актов с регуляторами, регулируемым сообществом, а также с заинтересованными сторонами на национальном и региональном уровнях.

Ключевые слова: экологическая промышленная политика, эколого-технологическая модернизация, управление промышленностью, наилучшие доступные технологии, оценка затрат, информационно-методическая поддержка, повышение квалификации кадров.

Цитирование: Скобелев Д.О. Информационно-методическая поддержка эколого-технологической модернизации экономики Российской Федерации//Управление. 2019. № 4. С. 5–15.



Information and methodological support to the implementation of Best Available Techniques in the Russian Federation

Skobelev Dmitriy

Candidate of Economic Sciences, Research Institute "Environmental Industrial Policy Centre",
Moscow, Russia, ORCID: 0000-0002-8067-7016, e-mail: training@eipc.center

Abstract

The aim, objectives and main directions of the information and methodological support for environmental and technological modernisation of Russian economy and its transfer to Best Available Techniques in key economic sectors have been analysed in the article. It has been indicated, that the environmental and technological modernisation corresponds with the national goals and strategic development objectives of the Russian Federation, namely: establishing highly-productive, export oriented, resource efficient industry on the basis of modern technologies.

The new direction of development of industrial policy of Russia – environmental industrial policy has been considered. The experience in developing and applying information and methodological support instruments, including information workshops, role games and professional qualification enhancement programmes has been described. The role of expert society on Best Available Techniques in the implementation of the environmental industrial policy has been analysed. It has been emphasised, that objectives of informing a wide range of interested parties, improving professional qualifications, forming the expert society on Best Available Techniques, considering development of norms and standards, assessing modernisation costs and establishing the rationale for setting new technological parameters, their resource efficiency and environmental performance, – all these issues should be regarded as inter-related net of cross-linked solutions. It has been demonstrated, that research projects implemented within the framework of the information and methodological support for the modernisation of the economy, provide for obtaining and systematising information needed to set environmental and economic rationale for new requirements to the resource efficiency and environmental performance of key production processes. Practical approaches have been determined for enhancing public discussion and information dissemination tools, professional qualification improvement programmes, approaches to the discussion of draft norms in the field of Best Available Techniques and resource efficiency for economic entities with regulators and regulated community, as well as other stakeholders, at the national and regional levels.

Keywords: environmental industrial policy, environmental and technological modernization, industry management, Best Available Techniques, cost assessment, information and methodological support, professional development of personnel.

For citation: Skobelev D.O. Information and methodological support to the implementation of Best Available Techniques in the Russian Federation (2019) *Upravlenie*, 7 (4), pp. 5–15. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-5-15



Экологическая промышленная политика становится сегодня одним из основных направлений промышленной политики Российской Федерации (далее – РФ) [3; 11]. В 2014 г. принят так называемый Закон о наилучших доступных технологиях (далее – НДТ), а далее последовал каскадный эффект: были разработаны и приняты десятки нормативных правовых актов, внесены изменения в федеральные законы, даны поручения федеральным органам исполнительной власти и органам власти субъектов РФ [2]. В 2018 г. получил развитие национальный проект «Экология», а федеральный проект (далее – ФП) «Внедрение наилучших доступных технологий» стал его неотъемлемым компонентом, реализация мероприятий которого вносит вклад также в решение задач других ФП («Чистый воздух», «Чистая вода», «Оздоровление Волги») [7].

В выполнении национального проекта «Экология» примут (и уже принимают) участие тысячи организаций самых разных отраслей экономики, и достижение поставленных целей зависит от уровня информированности заинтересованных сторон, подготовленности их к реализации первоочередных мероприятий и взаимодействию при переходе ключевых отраслей экономики к НДТ. Это определяет актуальность работы, цель которой состоит в анализе реализуемых мер и разработке рекомендаций по совершенствованию подходов информационно-методической поддержки эколого-технологической модернизации (далее – ЭТМ) экономики.

Формирование условий эколого-технологической модернизации экономики: первоочередные задачи

Ренессанс государственного управления промышленным развитием проявляется все ярче в самых различных странах; это обстоятельство отмечают многие исследователи [13; 16; 17]. В России формируется новое направление промышленной политики – экологическая промышленная политика, направленная на формирование конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики страны от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития, и одновременное повышение эффективности использования ресурсов, сокращение негативного воздействия на окружающую среду [12]. Авторы ряда работ подчеркивают, что ужесточение требований природоохранного законодательства, требований к ресурсоэффективности экономики, к созданию замкнутых водооборотных циклов не только не препятствует росту производства (как это считалось раньше), но способствует внедрению моделей рационального производства и потребления и, тем

самым, достижению целей устойчивого развития [14]. Эколого-технологическая модернизация экономики направлена на совершенствование обсуждаемых показателей развития; в России модернизация осуществляется на основе распространения НДТ в ключевых отраслях экономики [5]; при этом наилучшие доступные технологии понимаются как совокупность экономически целесообразных технологических, технических и управленческих решений, применение которых обеспечивает высокий уровень экологической и ресурсной эффективности производства [15].

В 2019–2024 гг. около 7 тысяч крупнейших предприятий страны (объекты негативного воздействия, отнесенные к I категории) должны будут продемонстрировать соответствие требованиям НДТ и получить комплексные экологические разрешения (далее – КЭР), подтвердив тем самым свою приверженность принципам ответственного производства и устойчивого развития в целом. Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (далее – Росприроднадзор) уполномочена в сфере выдачи КЭР, а Министерство промышленности и торговли (далее – Минпромторг) – в сфере отнесения технологий к НДТ. Таким образом, ЭТМ экономики предполагает совершенствование межведомственного взаимодействия, слаженной работы федеральных и региональных органов исполнительной власти, развития общественного диалога.

Первоочередные задачи, которые необходимо решить для достижения цели обеспечения информационно-методической поддержки эколого-технологической модернизации экономики страны, таковы:

- информирование широкого круга заинтересованных сторон, продвижение концепции НДТ и ресурсосбережения в российских регионах;
- повышение квалификации кадров, подготовка представителей промышленных предприятий, федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов РФ, вузов, научно-исследовательских организаций, которые должны принимать (и уже принимают) активное участие в ЭТМ экономики;
- создание экспертного сообщества в области НДТ, формирование корпуса экспертов и единой системы оценки технологических процессов, технических решений и систем менеджмента, применяемых на отечественных предприятиях на предмет выполнения требований НДТ;
- обсуждение и доработка проектов нормативных правовых актов в сфере НДТ и ресурсосбережения с участием представителей деловых кругов, экспертов, вузов, научно-исследовательских организаций, консультационных компаний, общественности;

- оценка затрат на внедрение НДТ в ключевых отраслях экономики и создание эколого-экономического обоснования последовательного совершенствования требований наилучших доступных технологий в РФ.

Перечень задач будет изменяться, на смену решенным будут приходить новые, так как требования к ресурсоэффективности и экологичности экономики развиваются все более динамично; об этом свидетельствует опыт ведущих индустриальных держав.

Задача 1: продвижение идеи эколого-технологической модернизации экономики

Спектр заинтересованных сторон эколого-технологической модернизации экономики и перехода к НДТ очень широк: рост промышленного производства и регионального валового продукта при одновременном снижении негативного воздействия на окружающую среду – сфера ответственности органов власти субъектов РФ и область интересов местных жителей, вузовского и научного сообщества, общественных организаций (рис. 1).

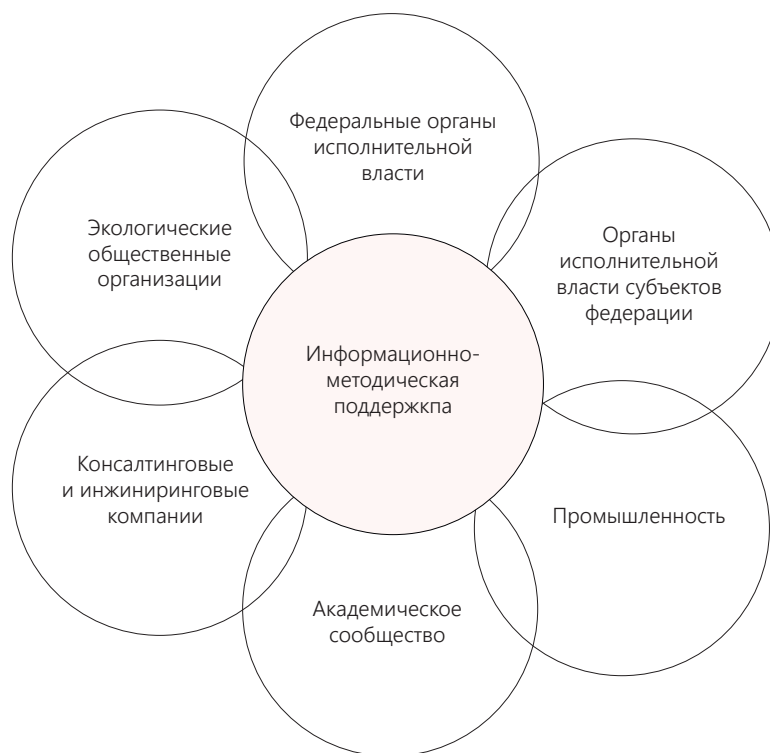
Не случайно решению задачи «... организации обучения сотрудников органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и взаимодействия по вопросам перехода на использование наилучших доступных технологий» уделено

внимание в Поручениях Президента, данных по итогам заседания Государственного совета по вопросу «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений» [6]. К 2019 г. эта задача не только не потеряла своей актуальности, но приобрела новое звучание, в том числе, в связи с реализацией национального проекта «Экология».

ФГАУ «Научно-исследовательский институт «Центр экологической промышленной политики» (далее – ЦЭПП), выполняющий функции Бюро НДТ, проводит информационные семинары, круглые столы и вебинары по тематике, связанной с ЭТМ экономики и переходом к НДТ, с 2015 г.

Информационная и научно-методическая поддержка востребована регионами: в 2015–2019 гг. проведены десятки семинаров и консультаций, активное участие в которых приняли сотрудники территориальных органов Росприроднадзора, региональных министерств и департаментов экономического развития, промышленности, образования и науки, природопользования и охраны окружающей среды.

Для обеспечения устойчивости достигнутых результатов и развития взаимодействия с регионами



Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 1. Заинтересованные стороны информационно-методической поддержки эколого-технологической модернизации экономики

Figure 1. Stakeholders of information and methodological support of environmental and technological modernisation of the economy

используются онлайн-ресурсы: методические материалы, тематические публикации, научные статьи размещаются на сайтах ЦЭПП, Бюро НДТ и их партнеров (таких, как «ЭнергоАтлас» и «Эколайн»), продвигаются в социальных сетях [18].

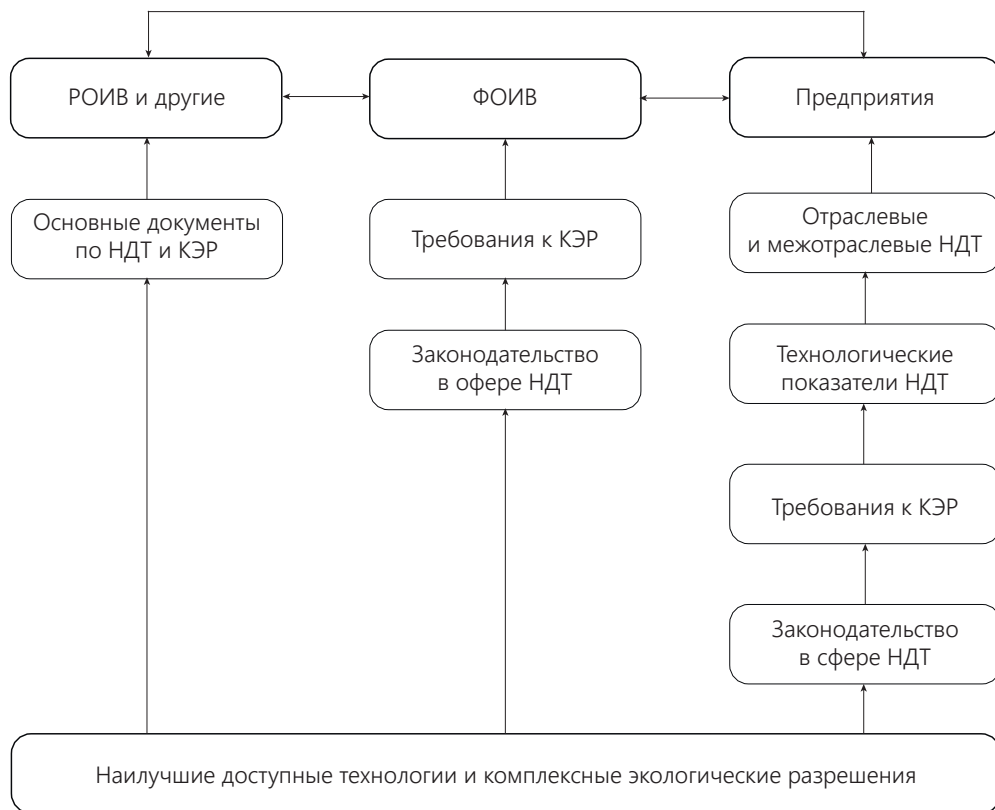
Задача 2: подготовка кадров и повышение квалификации

«Создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами» — национальная цель, поставленная Президентом РФ в 2018 г. [4]. В системе высшего образования соответствующие компетенции необходимо формировать в рамках подготовки кадров по таким направлениям, как «Экономика и управление», «Электро- и теплоэнергетика», «Машиностроение», «Химические технологии», «Промышленная экология и биотехнологии», «Технологии материалов». Безусловно, этот процесс не может проходить одновременно во всех организациях, и лидеры высшей школы в сфере НДТ хорошо

известны. В разработке информационно-технического справочника (далее — ИТС) НДТ приняли активное участие сотрудники ведущих энергетических, политехнических, химико-технологических, строительных вузов [20; 21].

Повышение квалификации приобретает особое звучание в информационном обществе: технологические процессы, средства коммуникации развиваются стремительно. С позиций ЭТМ экономики требование обеспечения результативности повышения квалификации продиктовано уже тем, что применение всеми объектами, оказывающими значительное негативное воздействие на окружающую среду, системы экологического регулирования, основанной на использовании НДТ, — приоритетная задача ФП «Внедрение наилучших доступных технологий».

В 2015–2018 гг. разработана, апробирована, обсуждена с вузовским сообществом и утверждена Федеральным учебно-методическим объединением вузов дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Наилучшие доступные технологии и комплексные экологические разрешения. Общие принципы» (рис. 2).



Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 2. Структура модульной программы повышения квалификации
Figure 2. Structure of the module advanced training programme

Общая трудоемкость программы 72 часа, в том числе, не менее 32 часов аудиторной работы и практических занятий. В ряде случаев программа разбивается на 2–3 модуля, включающих работу на промышленных площадках, образовательные поездки (практики) и другие виды занятий. Для каждого обучающего курса программа модифицируется с учетом отраслевой и региональной специфики, состава группы, а также в связи с тем, что нормативная правовая база в области НДТ и КЭР продолжает совершенствоваться.

Отраслевые программы осуществляются в сотрудничестве с крупнейшими компаниями – ОК «РУСАЛ», ПАО «Газпром», ПАО «Полус»; региональные проводятся при поддержке различных доноров и проектов. Так, в 2016–2018 гг. эксперты Бюро НДТ приняли участие в разработке и реализации программ повышения квалификации (72 часа), организованных на базе ФГБОУ ВО «Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации» в рамках международного проекта «Климатически нейтральная хозяйственная деятельность: внедрение наилучших доступных технологий в России».

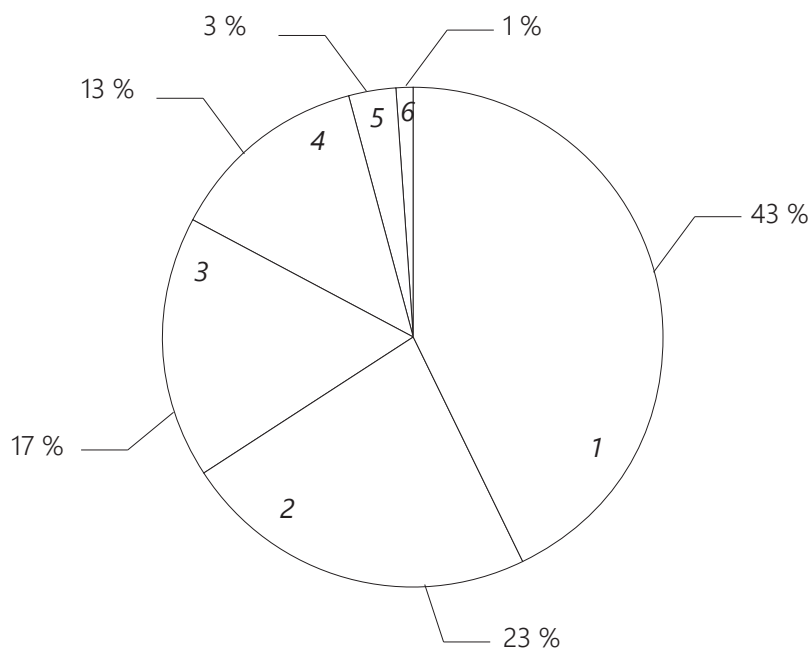
С 2018 г. ЦЭПП организует при поддержке Северной экологической финансовой корпорации серию обучающих семинаров по тематике НДТ. В этих курсах повышения квалификации приняли

участие около 40 сотрудников Центрального аппарата и территориальных органов Росприроднадзора (рис. 3). С учетом слушателей, присоединившихся к трансляции семинаров, аудитория составила более 500 человек. В 2020 гг. программа получит дальнейшее развитие; основное внимание будет уделено подготовке проектов программ повышения экологической эффективности (далее – ППЭЭ) и оценке затрат предприятий на внедрение НДТ.

Региональные программы повышения квалификации никогда не реализуются в «чистом виде», в них присутствует исследовательский компонент, к ведению занятий привлекаются местные специалисты, слушатели рассказывают об опыте работы с исследовательскими организациями, постепенно расширяется круг профессионалов, которые могут войти в состав экспертного сообщества НДТ.

Задача 3: формирование экспертного сообщества в сфере наилучших доступных технологий

Формирование системы оценки и экспертного сообщества в сфере НДТ – одна из задач ФП «Внедрение наилучших доступных технологий» [7]. Именно эксперты должны давать объективные, обоснованные и однозначные ответы на вопросы о том, являются ли технологические процессы,



1 – предприятия; 2 – вузы/НИИ/консалтинг; 3 – Федеральные и региональные органы;
4 – Росприроднадзор; 5 – ассоциации/НКО; 6 – другие

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 3. Состав групп слушателей курсов повышения квалификации по тематике наилучших доступных технологий
Figure 3. Composition of groups of participants of advanced training courses on the subject of Best Available Techniques

технические решения и системы менеджмента наилучшими доступными технологиями, обеспечивает ли их применение выполнение требований НДТ. Квалифицированные ответы на эти вопросы необходимы при принятии решений о выдаче КЭР, об одобрении ППЭЭ, об определении условий выпуска «зеленых облигаций» [8].

Экспертная поддержка принятия указанных решений может быть обеспечена в рамках функционирования экспертного сообщества НДТ — объединения специалистов, обладающих научными и практическими знаниями, квалификацией и деловой репутацией в области наилучших доступных технологий. Ядро сообщества *de facto* уже сформировано в процессе разработки ИТС НДТ: в 2015–2017 гг. выпущены 39 отраслевых и 12 межотраслевых справочников, создающих основу для установления требований КЭР для 7 тысяч российских предприятий, подготовлены десятки национальных стандартов, обеспечена реализация программ повышения квалификации. Для межведомственного признания результатов экспертной оценки НДТ необходимо обеспечить закрепление в федеральном законодательстве правового статуса экспертного сообщества НДТ (внесение соответствующих изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» [1]).

Все эти позиции неоднократно обсуждались с российскими и зарубежными специалистами в 2015–2019 гг. в ходе информационных семинаров и при проведении курсов повышения квалификации. Позиции заинтересованных сторон постепенно сближаются, но аргументы *pro* и *contra* высказываются как практиками промышленных предприятий, так и сотрудниками федеральных органов исполнительной власти. Преподаватели вузов, научные работники и представители общественности полагают, что экспертная поддержка принятия экологически значимых решений необходима, и при технологическом нормировании на основе НДТ без опытных технологов невозможно обойтись.

Промышленники разделились на три группы:

- «группу поддержки», полагающую, что именно эксперты НДТ смогут профессионально и объективно оценить обосновывающие документы, представленные предприятиями;
- «группу оппозиции», считающую, что система экспертной оценки может осложнить процедуру выдачи КЭР или по крайней мере увеличить ее длительность;
- «группу нейтралитета», просто ожидающую (выжидающую) принятия соответствующих нормативных правовых актов; на одном из семинаров представители интересов этой группы предположили, что территориальные управления Росприроднадзора

сумеют найти решение, найдут экспертов, привлекут их к оценке заявок на КЭР, если это потребуется, а может быть, в этих управлениях окажется достаточно специалистов-технологов.

Повторим, что КЭР предстоит получить примерно 7 тыс. российских предприятий — объектам I категории, относящимся к 39 областям применения НДТ всех основных отраслей и подотраслей экономики, для которых разработаны ИТС НДТ и установлены технологические показатели НДТ. Эти объекты расположены в 8 федеральных округах; число объектов в регионах варьирует в широких пределах, достигая 208 (в Белгородской области) и 285 (в Тюменской области). Ни в коей мере не подвергая сомнению компетентность специалистов Росприроднадзора, отметим, что в условиях оптимизации структуры этого органа вероятность того, что в Центрально-Черноземном (г. Воронеж) или Северо-Уральском (г. Тюмень) межтерриториальных управлениях действительно могут работать специалисты в области технологий черной, цветной металлургии, энергетики, химической и нефтехимической промышленности, нефте- и газодобычи и переработки и многих других отраслей, очень мала.

Задача 4: обсуждение и доработка проектов нормативных правовых актов

Общественный диалог — инструмент эколого-экономического развития, который требует постоянного внимания и профессиональной поддержки. Участие представителей заинтересованных сторон в разработке, обсуждении, совершенствовании проектов нормативных правовых актов — одно из актуальных направлений такого диалога. Оценить готовность различных заинтересованных сторон к работе в новых условиях, выявить потенциальные сложности и обозначить «узкие» места в системе государственного регулирования помогают деловые игры [19].

В 2016–2017 гг. деловые игры проводились Минприроды и Бюро НДТ на площадках предприятий различных отраслей. С помощью деловых игр была предпринята попытка подготовки к изменениям, управления ими. Такое происходило впервые: обычно регулируемое сообщество вынуждено было приспособиваться к уже произошедшим изменениям природоохранного законодательства *post factum* и практически не имело возможности повлиять на формирование нормативных правовых актов. При подготовке изменений, которые были внесены и вносятся по сей день в законодательство о КЭР, были учтены многие рекомендации, сформулированные участниками деловых игр.

В 2018–2019 гг. деловые игры приобрели иной характер: необходимо было разработать принципиально новые для России правила создания и эксплуатации систем автоматического контроля эмиссий загрязняющих веществ, а также определить процедуру одобрения программ повышения экологической эффективности промышленных предприятий. В интерактивном режиме выявляются позиции отраслей, обсуждаются сложные технологические, технические, экономические вопросы установки систем измерений, разрабатываются рекомендации по порядку принятия чрезвычайно значимых решений. Действительно ли предприятие является ответственным, соблюдает установленные требования? Разработан ли проект ППЭЭ так, что в результате реализации программы экологическая эффективность производства повысится, а затраты на модернизацию, установку новых технологических линий и оборудования не будут чрезмерными? С одной стороны, новые нормативные правовые акты должны сформировать своеобразную систему координат, определить граничные условия для руководителей промышленности и проектировщиков, а с другой — способствовать росту законопослушности регулируемого сообщества, обеспечению доступа к экологической информации как для надзорных органов, так и для общественности [22].

Деловые игры, моделирующие порядок рассмотрения проектов ППЭЭ, проводятся в рамках уже упомянутой программы семинаров «Экологические «горячие точки» Баренцева региона». В играх принимают участие представители Минпромторга, территориальных управлений Росприроднадзора, промышленных предприятий, научного сообщества и др. Особенность этих мероприятий состоит в том, что сценарий игры строится вокруг промышленных площадок, включенных в перечень экологических «горячих точек», многие фигуранты которого в Баренцевом Евро-Арктическом регионе входят также в список объектов, которые должны получить КЭР в первую очередь, в 2019–2022 гг.

Задача 5: оценка затрат эколого-технологической модернизации

Оценке затрат на внедрение НДТ, повышению ресурсоэффективности экономики, предотвращению негативного воздействия на ОС посвящено значительное число работ отечественных и зарубежных авторов; хороший обзор можно найти в отчете Организации экономического сотрудничества и развития; в последние годы предложен ряд отраслевых методик, разработаны национальные стандарты [10; 23]. Задача оценки затрат имеет как


макроэкономическое, так и микроэкономическое измерение. Пессимисты макроуровня утверждают, что затраты настолько велики, что распространение более экологичных технологий представляет собой не только вызов, но и угрозу экономическому развитию страны [9]. Оптимисты макро- и микроуровня полагают, что ЭТМ и внедрение НДТ — драйверы экономического развития. Прагматики оценивают затраты, риски, связанные с невыполнением установленных требований, и возможности, открывающиеся перед ответственными компаниями.

Не вдаваясь в обсуждение различных методик оценки затрат, подчеркнем некоторые позиции, особенно значимые в контексте информационно-методической поддержки ЭТМ экономики.

1. Накопление информации о выполняемых или завершенных предприятиями программах и проектах позволяет оценить отраслевые затраты. Приоритет имеют технологические, «встроенные» в процесс производства меры, а не средозащитная техника, и комплексные, стратегические программы гораздо более значимы для достижения целей ЭТМ экономики. Информацию о таких программах специалисты предприятий предоставляют в ходе информационных семинаров и курсов повышения квалификации, вынося на суд коллег реальное соотношение затрат и выгод в части повышения ресурсоэффективности производства, снижения негативного воздействия на окружающую среду, повышения качества продукции и услуг, укрепления рыночной позиции и улучшения деловой репутации (рис. 4).

2. Бенчмаркинг, выполненный в ходе подготовки ИТС, позволил определить требования НДТ, установив для каждой отрасли количественную «планку». Наступил период проведения обратной оценки: предприятия сопоставляют показатели эффективности с отраслевыми технологическими показателями (показателями «планки»), рассчитывают затраты на реализацию неотложных мер и перспективных («на вырост», с учетом объективного направления развития технологий и вероятного ужесточения законодательных требований). Анализ доступной информации позволяет постепенно формировать базу данных, необходимую для принятия решений о предоставлении мер государственной поддержки, уточнения отраслевых требований, создания следующего поколения ИТС НДТ.

3. Оценка результатов применения концепции НДТ проводится различными государствами и международными организациями. Интернализация затрат общества (экстерналий), перенос акцента от оценки ущербов от загрязнения окружающей среды и обсуждения порядка их компенсации к внедрению

ЦЕЛИ:	
Замена основных фондов ТЭЦ	
Полное использование отходов коры и осадка сточных вод	
Замещение природного газа в энергобалансе: мощность «зелёной» генерации 170 МВт	
НДТ переработки кордревесной массы и очистки дымовых газов	
Совершенствование системы электроснабжения предприятия	
Передача 20 % электроэнергии в энергосистему Республики Коми; обеспечение теплоснабжения Эжвинского района	
ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ:	
Сумма инвестиций – 8 миллиардов рублей	
Объём замещаемого природного газа – более 120 миллионов кубометров	
Увеличение объёма сжигаемого биотоплива на 20 %	
Увеличение установленной мощности ТЭЦ на 45 МВт	

Составлено автором по материалам презентации, представленной Д.П. Очеретенко (главный эколог АО «Монди Сыктывкарский ЛПК») в рамках проекта по наилучшим доступным технологиям / Compiled by the author based on the materials of the presentation presented by D.P. Ocheretenko (Chief ecologist JSC "Mondi Syktvykar LPC") within the project on the best available technologies

Рис. 4. Реконструкция теплоэлектроцентрали: ключевые показатели проекта эколого-технологической модернизации АО «Монди СЛПК» (проект 2017/03 – 2019/03)

Figure 4. Reconstruction of the heat and power plant: key indicators of the environmental and technological modernisation project of JSC "Mondi SLPK" (project 2017/03-2019/03)

современных решений, рационализации использования ресурсов и предотвращению негативного воздействия — таково настоящее содержание принципа «загрязнитель платит», которое получило отражение в российском законодательстве в 2014 г. Финансовое обеспечение ФП «Внедрение наилучших доступных технологий» составляет 2 427 300,0 млн рублей, при этом из внебюджетных источников предполагается затратить 2 400 000,0 млн рублей (98,87 %); эти средства будут израсходованы на ЭТМ предприятий ключевых отраслей экономики и на развитие отечественного экологического машиностроения и приборостроения [7].

Заключение

Реализация экологической промышленной политики, осуществление эколого-технологической модернизации экономики требуют информационно-методической и экспертной поддержки органов исполнительной власти, деловых кругов, академического сообщества, населения в целом. Такая поддержка призвана, с одной стороны, содействовать формированию атмосферы понимания, принятия обществом принципов эколого-технологической модернизации, а с другой — внести вклад в достижение поставленных целей формирования конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики страны от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития и одновременное повышение эффективности

использования ресурсов и сокращение негативного воздействия на окружающую среду.

Задачи информирования широкого круга заинтересованных сторон, повышения квалификации кадров, создания экспертного сообщества наилучших доступных технологий, обсуждения нормативных правовых актов на стадии их разработки, оценки затрат и обоснования последовательного совершенствования требований к технологиям, их экологической и ресурсной эффективности, должны решаться в тесной взаимосвязи друг с другом. Каждый образовательный проект должен иметь исследовательскую составляющую, а каждое ситуационное исследование, выполненное на уровне производственной площадки, отрасли или региона, должно получать отражение в информационно-методических и обучающих материалах.

Экспертное сообщество наилучших доступных технологий играет ключевую роль не только в процессах определения НДТ и оценки применяемых на предприятиях технологий, но и в решении задач информационно-методической поддержки эколого-технологической модернизации экономики в целом. Экспертное сообщество должно формироваться из профессионалов, обладающих знаниями, практическим опытом, деловой репутацией, и строиться по отраслевому принципу (по областям применения наилучших доступных технологий в Российской Федерации).

Задачи информационно-методической поддержки последовательно уточняются и усложняются, а методы их решения разрабатываются и совершенствуются

с участием ведущих ученых и практиков — инженеров, разработчиков технологий, систем управления, методов измерений. Спектр будет расширяться, и решение каждой новой задачи потребует определения

интересов целевых групп, разработки специфических методов решения, проведения научных исследований и практической апробации их результатов.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 27.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 15.10.2019).
2. Федеральный закон от 21 июля 2014 № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 25.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 15.10.2019).
3. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (ред. от 27.06.2018) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 15.10.2019).
4. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (ред. от 19.07.2018) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 15.10.2019).
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2015 г. № 1029 «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 15.10.2019).
6. Перечень поручений по итогам заседания Госсовета от 27 декабря 2016 № Пр-140 ГС [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53775> (дата обращения: 15.10.2019).
7. Паспорт Национального проекта «Экология». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 15.10.2019).
8. Гусева, Т. В., Чечеватова, О. Ю. Наилучшие доступные технологии: аспекты оценки соответствия // Компетентность. 2017. № 3 (144). С. 34–37.
9. Зименкова, Е. Н. Влияние экологических изменений на формирование экономической безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 7. С. 53–63.
10. Кондратьева, О. Е., Росляков, П. В., Скобелев, Д. О., Гусева, Т. В., Локтионов, О. А., Микаэльсон, О. Разработка методики оценки затрат при переходе на наилучшие доступные технологии энергетической отрасли // Теплоэнергетика. 2019. № 7. С. 68–76.
11. Мантуров, Д. В. Переход на наилучшие доступные технологии в аспекте современной промышленной

References

1. Federal'nyi zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ "Ob okhrane okruzhayushchei sredy" (red. ot 27.12.2018) [*Federal Law of the Russian Federation dated on 10 January 2002 No. 7-FZ on environmental protection (Ed. of 27.12.2018)*], SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "Consultant Plus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/> (accessed 15.10.2019).
2. Federal'nyy zakon ot 21.07.2014 № 219-FZ "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "Ob okhrane okruzhayushchei sredy" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii" (red. ot 25.12.2018) [*Federal Law of the Russian Federation dated on 21 July 2014 No 219-FZ on amending Federal Law on Environmental Protection and other legislative acts of the Russian Federation (Ed. of 25.12.2018)*], SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "Consultant Plus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/> (accessed 15.10.2019).
3. Federal'nyi zakon ot 31.12.2014 № 488-FZ "O promyshlennoi politike v Rossiiskoi Federatsii" (red. ot 27.06.2018) [*Federal Law of the Russian Federation of 31 December 2014 No. 488-FZ "On industrial policy" (Ed. of 27.06.2018)*], SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "Consultant Plus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/> (accessed 15.10.2019).
4. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 07.05.2018 № 204 "O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda" (red. ot 19.07.2018) [*Russian President's Decree No. 204 dated on May 7, 2018 on the National Development Goals and Strategic Objectives of the Russian Federation in the Period until 2024 (Ed. of 19.07.2018)*], SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "Consultant Plus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/> (accessed 15.10.2019).
5. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 28.09.2015 № 1029 "Ob utverzhdenii kriteriev otneseniya ob'ektov, okazyvayushchikh negativnoye vozdeystvie na okruzhayushchuyu sredyu, k ob'ektam I, II, III i IV kategoriy" [*Decree of the Russian Federation Government dated on 28 September 2015 No. 1029 on setting criteria to categories I, II, III and IV of installations causing negative environmental impacts*], SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "Consultant Plus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/> (accessed 15.10.2019).
6. Perechen' poruchenii po itogam zasedaniya Gossoвета ot 27.12.2016 № Pr-140 GS [*List of instructions drafted following a State Council meeting on Russia's environmental development for the benefit of future generations, December 27, No. Pr-140GS*]. Available at: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53775> (accessed 15.10.2019).
7. Pasport Natsional'nogo proekta "Ekologiya". Utverzhden prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po strategicheskemu razvitiyu i natsional'nym proektam (protokol ot 24.12.2018 № 16 [*Passport of the National project "Ecology". Approved by the Presidium Council for Strategic Development and National Projects under the President of the Russian Federation (Protocol No. 16 of 24 December 2018)*], SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "Consultant Plus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/> (accessed 15.10.2019).
8. Guseva T. V., Chechevatova O. Yu. Nailuchshie dostupnye tekhnologii: aspekty otsenki sootvetstviya [*Best Available*

- политики Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2018. № 4. С. 25–35.
12. Никитин, Г. С., Осьмаков, В. С., Скобелев, Д. О. Согласование экологической и промышленной политики: глобальные индикаторы // Компетентность. 2017. № 7/148. С. 20–28.
 13. Шаститко, А. Е. Зачем конкурентная политика, если есть промышленная? // Экономическая политика. 2014. № 4. С. 42–59.
 14. CEFIC: Facts and Figures of the European Chemical Industry [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cefic.org/app/uploads/2018/12/Cefic_FactsAnd_Figures_2018_Industrial_BROCHURE_TRADE.pdf (дата обращения: 15.10.2019).
 15. Guseva, T., Molchanova, Y., Averochkin, E., Begak, M. Integrated Pollution Prevention and Control: Current Practices and Prospects for the Development in Russia // Proceedings of the International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM 14. 2014. P. 391–398.
 16. Hausmann, R., Rodrik, D., Sabel, C. Reconfiguring Industrial Policy: A Framework with an Application to South Africa // CID Working Paper 168. Harvard: Centre for International Development, 2008.
 17. Rodrik, D., Sabel, C. Industrial Policy for the Twenty-First Century, 2004 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vedegylet.hu/fejkrjt/szvgyujt/rodrik_industrial_policy.pdf (дата обращения: 15.10.2019).
 18. Бюро наилучших доступных технологий (социальная страница) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.facebook.com/burondt/> (дата обращения: 10.10.2019).
 19. Бюро наилучших доступных технологий — официальный вебсайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://burondt.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).
 20. Национальный исследовательский университет «МЭИ» — официальный вебсайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.mpei.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).
 21. Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева — официальный вебсайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://muctr.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).
 22. Экология производства. Новости экологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://news.ecoindustry.ru/2019/03/utverzhdenny-trebovaniya-2/> (дата обращения: 10.10.2019).
 23. OECD [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.oecd.org/> (дата обращения: 10.10.2019).
 9. Zimenkova E. N. Vliyaniye ekologicheskikh izmenenii na formirovaniye ekonomicheskoi bezopasnosti [The Impact of Environmental Changes on the Formation of Economic Security], Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional problems of transforming the economy], 2017, no. 7, pp. 53–63.
 10. Kondrat'eva O. E., Roslyakov P. V., Skobelev D. O., Guseva T. V., Loktionov O. A., Mikael'son O. Razrabotka metodiki otsenki zatrat pri perekhode na nailuchshie dostupnye tekhnologii energeticheskoi otrasli [Developing the Cost-Estimation Technique when Switching to Best Available Power Technologies], Teploenergetika [Heat power industry], 2019, no. 7, pp. 68–76.
 11. Manturov D. V. Perekhod na nailuchshie dostupnye tekhnologii v aspekte sovremennoi promyshlennoi politiki Rossiiskoi Federatsii [The Implementation of Best Available Techniques as The Aspect of the Modern Industrial Policy of the Russian Federation], Vestnik Moskovskogo universiteta, vol. 6, Ekonomika [Economy], 2018, no. 4, pp. 25–35.
 12. Nikitin G. S., Os'makov B. C., Skobelev D. O. Soglasovanie ekologicheskoi i promyshlennoi politiki: global'nye indikatory [Harmonization of environmental and industrial policy: global indicators], Kompetentnost' [Competency], 2017, no. 7/148, pp. 20–28.
 13. Shastitko A. E. Zachem konkurentnaya politika, esli est' promyshlennaya? [Why Competition Policy, if there is Industrial?], Ekonomicheskaya politika [Economic policy], 2014, no. 4, pp. 42–59.
 14. CEFIC: Facts and Figures of the European Chemical Industry. Available at: https://cefic.org/app/uploads/2018/12/Cefic_FactsAnd_Figures_2018_Industrial_BROCHURE_TRADE.pdf (accessed 15.10.2019).
 15. Guseva T., Molchanova Y., Averochkin E., Begak M. Integrated Pollution Prevention and Control: Current Practices and Prospects for the Development in Russia. In: Proceedings of the International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM 14, 2014, pp. 391–398.
 16. Hausmann R., Rodrik D., Sabel C. Reconfiguring Industrial Policy: A Framework with an Application to South Africa. CID Working Paper 168. Harvard, Centre for International Development, 2008.
 17. Rodrik D., Sabel C. Industrial Policy for the Twenty-First Century, 2004. Available at: http://www.vedegylet.hu/fejkrjt/szvgyujt/rodrik_industrial_policy.pdf (accessed 15.10.2019).
 18. Byuro nailuchshykh dostupnykh tekhnologii (sotsial'naya stranitsa) [Bureau of the best available technologies (social page)]. Available at: <https://www.facebook.com/burondt/> (accessed: 10.10.2019).
 19. Byuro nailuchskikh dostupnykh tekhnologii — ofitsial'nyi vebсайт [Bureau of the best available technologies-official website]. Available at: <http://burondt.ru/> (accessed: 10.10.2019).
 20. Natsional'nyi issledovatel'skii Universitet "MEI" — ofitsial'nyi vebсайт [National research University "MEI" (official website)]. Available at: <https://www.mpei.ru/> (accessed: 10.10.2019).
 21. Rossiiskii khimiko-tekhnologicheskii Universitet imeni D. I. Mendeleeva (ofitsial'nyi vebсайт) [Russian chemical-technological University named by D. I. Mendeleev (official website)]. Available at: <https://muctr.ru/> (accessed: 10.10.2019).
 22. Ekologiya proizvodstva. Novosti ekologii [Ecology of production. Ecology news]. Available at: <https://news.ecoindustry.ru/2019/03/utverzhdenny-trebovaniya-2/> (accessed: 10.10.2019).
 23. OECD. Available at: <http://www.oecd.org/> (accessed: 10.10.2019).

О зарубежном опыте подготовки специалистов по государственным закупкам на примере США, Великобритании и Китая

Цибиков Виктор Александрович

канд. пед. наук, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-2351-033X, e-mail: rleah@yandex.ru

Аннотация

В статье раскрыты особенности подготовки специалистов по государственным закупкам в странах с различным типом экономики и формами государственной власти с точки зрения системы обучения, применяемых педагогических форм, методов и средств. Проанализированы учебные программы подготовки иностранных образовательных учреждений, отличающиеся достаточной вариативностью и адаптивностью в соответствии с потребностями обучающихся, интенсивностью использования различных форм обучения: очной (аудиторной), дистанционной (в режиме видео-конференц-связи при проведении вебинаров), а также через пересылку учебного материала и контроль успеваемости через электронную почту. Учтено содержание иных учебно-методических документов и официальных публикаций в средствах массовой информации, а также результаты переписки (через общение в чатах и по электронной почте) с представителями учебных курсов и ведущих учебных центров, ответы на информационные запросы в органы государственной власти, ответственные за функционирование контрактной системы.

По итогам анализа выделены следующие ключевые позиции, позволяющие выделить принципиальные различия в подготовке специалистов по государственным закупкам в государствах Запада и Востока: степень государственного участия в регулировании системы подготовки и степень выраженности воспитательной функции при формировании необходимого уровня правосознания специалистов в сфере закупок. Установлено, что в США и Великобритании обучением специалистов по государственным закупкам занимаются частные лицензированные организации, конкурирующие между собой в сфере предоставления желающим такого рода образовательных услуг. В Китае по причине наличия проблем в сфере борьбы с коррупционными проявлениями в действиях государственных заказчиков самое пристальное внимание уделяют вопросам формирования необходимых качеств личности должностных лиц, способствующих минимизации рисков совершения ими правонарушений в контрактных правоотношениях.

Ключевые слова: специалист по государственным закупкам, контрактная система, управление контрактами, обучение, воспитание, сертификация специалистов, уровни подготовки, учебные сборы специалистов.

Цитирование: Цибиков В.А. О зарубежном опыте подготовки специалистов по государственным закупкам на примере США, Великобритании и Китая // Управление. 2019. № 4. С. 16–23.



JEL H57

DOI 10.26425/2309-3633-2019-4-16-23

Received: 21.10.2019

Approved: 20.11.2019

Published: 20.12.2019

The foreign experience in training public procurement specialists on the example of the USA, Great Britain and China

Tsibikov Viktor

Candidate of Pedagogical Sciences, Ural State University of Economics,
Ekaterinburg, Russia, ORCID: 0000-0003-2351-033X, e-mail: rleah@yandex.ru

Abstract

The article reveals the features of the training of specialists in public procurement in countries with different types of economies and forms of state power in terms of the training system, applied pedagogical forms, methods and tools. The training programs for training foreign educational institutions, which are characterized by sufficient variability and adaptability in accordance with the needs of students, the intensity of the use of various forms of training: full-time (classroom), distance (in the mode of video conferencing during webinars), as well as by sending educational material and monitoring performance via email have been analyzed. The content of other educational documents and official publications in the media, as well as the results of correspondence (through chatting and e-mail) with representatives of training courses and leading training centers, answers to information requests to state authorities responsible for functioning contract system, — have been taken into account.

Based on the results of the analysis, the following key positions, allowing us to observe fundamental differences in the training of public procurement specialists in the West and East countries: the degree of state participation in the regulation of the training system and the degree of severity of the educational function in the formation of the necessary level of legal awareness of procurement specialists have been highlighted. It has been established, that in the United States and Great Britain, private licensed organizations compete with each other in providing such educational services to those involved in the training of public procurement specialists. In China, due to the presence of problems in the fight against corruption in the actions of state customers, the closest attention is paid to the formation of the necessary personality traits of officials to minimize the risks of committing offenses in contractual legal relations.

Keywords: public procurement specialist, contract system, contract management, training, education, certification of specialists, training levels, training fees of specialists.

For citation: Tsibikov V.A. The foreign experience in training public procurement specialists on the example of the USA, Great Britain and China (2019) *Upravlenie*, 7 (4), pp. 16–23. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-16-23



В ведущих странах мира подходы к подготовке специалистов в сфере закупок для обеспечения государственных нужд концептуально различаются. При этом используемые формы, методы и средства обучения, обусловленные современным уровнем развития науки и технологий, практически идентичны.

Современный механизм госзакупок США в основном сложился к 1984 г., когда был принят свод законодательных и подзаконных актов, в совокупности именуемый «Правила закупок для федеральных нужд» (FAR – Federal Acquisition Regulations) [1]. Подготовку специалистов в области государственных закупок осуществляют ряд ведущих учебных заведений, в том числе Гарвардский университет, Federal Acquisition University, Defense Acquisition University, Institute for Public Procurement и др. Всего более 70 образовательных учреждений [6]. Государственное участие ограничивается изданием законов и подзаконных актов в сфере закупок, обобщением и систематизацией судебной практики. Предлагаемые учреждениями учебные программы предусматривают подготовку как по общим, так и по узкоспециальным вопросам в зависимости от уровня квалификации (наличия квалификации как таковой) у обучающегося и его персональных пожеланий. К примеру, Национальный институт государственных закупок (Institute for Public Procurement, далее – NIGP) предлагает более 100 вариантов курсов либо в режиме онлайн, в том числе в форме ежемесячных виртуальных конференций, вебинаров, либо в плановых традиционных аудиторных формах и ежегодных научно-практических конференций, а также курсов по требованию (вне плана – по запросу клиента) [7]. Ежемесячные виртуальные конференции проводятся в течение трех дней. Вебинары проводятся еженедельно в течение одного часа (четыре вебинара в месяц – всего 4 учебных часа). Возможна как индивидуальная, так и групповая регистрация. Продолжительность аудиторных курсов в зависимости от учебных планов различается и составляет от одного до двадцати пяти учебных часов [8]. При обучении в классе с преподавателем, как правило, используются интерактивные доски и тематические презентации. По итогам учебного курса проводится зачет с последующей выдачей сертификата о прохождении обучения, который направляется по электронной почте или вручается лично на руки.

В целях более эффективной подготовки специалистов NIGP совместно с Национальной ассоциацией должностных лиц по государственным закупкам (NASPO) в 1978 г. создали Универсальный совет по сертификации государственных закупок (Universal Public Procurement Certification Council,

далее – UPPCC) [9]. UPPCC – независимая организация, обучающая специалистов по программам Certified Public Procurement Officer (далее – CPPO) и Certified Professional Public Buyer (далее – CPPB). Уровень CPPO необходим лицам, занимающим руководящие должности в сфере закупок, в то время как уровень CPPB необходим участникам закупок, чья работа не связана с управлением контрактной системой. Программы UPPCC применимы ко всем сотрудникам государственных закупок в федеральных, штатных и местных государственных организациях и агентствах. Выдаваемые в рамках реализации образовательных программ CPPO и CPPB сертификаты являются наиболее престижными среди специалистов по закупкам в государственном секторе и их работодателей. На сегодняшний день UPPCC сертифицировал более 10 тысяч специалистов не только в США и Канаде, но и в других странах мира.

Обучение закупкам для обеспечения государственных нужд предлагает и Всемирный банк (США) по программе, позиционируемой как наиболее передовой в данной области (Certificate Program in Public Procurement, далее – CPPP) и предлагаемой бесплатно в онлайн-формате (Massive Open Online Course) [10]. Курс, сочетает электронное обучение, самостоятельное обучение и социальное обучение (практику). CPPP состоит из восьми разделов в составе трех основных модулей: введение в систему государственных закупок; операции по государственным закупкам; управление контрактами. Продолжительность обучения составляет 13 недель. По окончании каждого модуля кандидату необходимо сдать зачеты. Сертификат выдается в случае, когда совокупный балл в сумме правильных ответов по всем модулям превышает 60 %. Данный курс предназначен для специалистов по государственным закупкам, желающих актуализировать свои знания, специалистов, отчасти участвующих в реализации закупочной функции, а также специалистов по закупкам со стороны поставщика, подрядчика, исполнителя.

В Великобритании государственный орган – регулятор контрактной системы был создан в 1833 г. Современная система государственных закупок сложилась здесь после принятия в 1984 г. Рекомендаций по конкурсным закупкам» [2]. Британская контрактная система носит централизованный характер и регулируется не только национальным законодательством, но и законодательством Европейского Союза (далее – ЕС) [3]. Подготовка специалистов в сфере закупок для обеспечения государственных нужд ведется как в высших учебных заведениях, так и на краткосрочных курсах. К примеру, образовательные услуги по данному профилю

предлагают King's College London, Chartered Institute of Procurement and Supply, SR Supply Chain Consultants, Innovento и др. [11]. Всего более 20 организаций.

Целями курсов являются формирование у обучающихся:

- знаний законодательства Великобритании и ЕС по вопросу государственных закупок и судебной практики;
- знаний юридических процедур закупок, умений использовать знания применительно к специфике своей организации — места работы, обеспечивая при этом справедливое и равное отношение к потенциальным поставщикам;
- умений и навыков оценки тендеров, присуждения денежных средств согласно цене контрактов поставщикам (подрядчикам, исполнителям) и навыков управления контрактами в ходе выполнения обязательств контрагентов.

В частности, в King's College London прохождение стандартного образовательного курса осуществляется в дистанционной форме путем пересылки учебных материалов по электронной почте. Учебный план состоит из 2-х модулей и 10 блоков, рассчитан на обучение в течение 8 месяцев с октября 2019 г. по май 2020 г. (цена курса 6,180 фунтов) [12]. Итоговая форма контроля — экзамен с последующей выдачей диплома (проводится очно в Лондоне).

Первый модуль включает основные положения в сфере закупок, обучение закупочным процедурам. Модуль состоит из пяти блоков:

- блок 1 — политика, сфера и принципы правового регулирования, основные нормативные правовые акты о закупках;
- блок 2 — сфера применения закона о закупках и типы заключаемых контрактов;
- блок 3 — оценка тендера, критерии и подходы, информирование участников закупок о результатах;
- блок 4 — отбор участников тендера, их защита от предвзятости заказчика и возможного конфликта интересов;
- блок 5 — основные принципы закупочного законодательства ЕС.

Второй модуль включает особенности применения контрактного законодательства в современных условиях, возможные проблемы и пути их разрешения. Модуль состоит из двух блоков:

- блок 6 — государственные закупки в разрезе достижения политических целей закупочной деятельности;
- блок 7 — способы проявления гибкости при назревании проблемных ситуаций в сфере закупок в рамках правового поля контрактных отношений;

- блок 8 — центральные органы управления сферой закупок и другие системы государственных закупок, модели рамочных соглашений по проведению совместных тендеров в ЕС, вопросы электронных тендеров;

- блок 9 — государственная помощь и обеспечение конкуренции. Точки соприкосновения законодательства о государственных закупках, государственной помощи и конкурентном праве;

- блок 10 — а) осуществление государственных закупок в отдельных отраслях экономики и экономической деятельности; б) особенности проведения закупок оборонной сфере, анализ мирового опыта реализации госзаказа, закупок в рамках деятельности межгосударственных организаций (на примерах военных альянсов и др.).

Chartered Institute of Procurement and Supply (Лондон, далее — CIPS) предлагает образовательные программы по 5 уровням от начального до профессионального. Кроме того, CIPS является организацией, осуществляющей аккредитацию учебных программ по подготовке специалистов в сфере закупок. Так, при ООН действуют аккредитованные CIPS образовательные программы для сотрудников системы ООН, неправительственных организаций, международных учреждений, правительств государств [13]. Они разработаны с учетом общих правил, политики и процедур ООН в сфере государственных закупок. Программы, состоящие из нескольких модулей, обеспечивают соответствие уровня подготовки специалиста общепринятым международным квалификационным стандартам, а также предоставляют обучающимся возможность вступить во всемирное сообщество профессионалов в области государственных закупок. Каждый учебный модуль начинается с обзора правил, политики, передового теоретического и практического опыта применительно к целям и задачам модуля. Затем следуют практические занятия — тематические исследования, групповое обсуждение и упражнения. Занятия по данной системе способствуют формированию группы единомышленников, способных применять теорию и изученные методы на практике, продуктивно обмениваясь знаниями и опытом. Реализация образовательных программ в форме учебных курсов проводится на регулярной основе в Бангкоке, Нью-Дели, Дубае, Найроби, Абудже, Риме, Вене, Копенгагене, Нью-Йорке, Вашингтоне, округе Колумбия и Панаме.

Политика государственных закупок в Китае проводится в целях уменьшения технологической и финансовой зависимости от импорта иностранных товаров, работ, услуг, а также для поддержания национального экспорта [5]. При этом упор сделан

на экономию ресурсов, выражающихся в приобретении энергоэффективной, водосберегающей продукции, применении экомаркировок [4] Обучение специалистов в сфере государственных закупок организуют органы государственной власти, в частности, министерство финансов с подведомственными органами — финансовыми департаментами на уровне провинций и выше, а также подконтрольные им некоммерческие организации. По взглядам китайского руководства предприятию, которое участвует в торгах, необходимо иметь обученных сотрудников — специалистов в сфере закупок, уровень квалификации которых позволяет справиться с размером и уровнем сложности проекта закупки.

Ведущим организационно-методическим центром по подготовке и повышению квалификации специалистов по государственным закупкам является Сектор государственных закупок в составе Китайской федерации логистики и закупок (далее — CFLP), являющейся некоммерческой организацией и основанной решением Госсовета Китая в 2001 г. Организация систематически проводит обучающие мероприятия во всех регионах. Представители органов государственной власти, подведомственных министерству финансов КНР, также проводят сборы и тренинги с подчиненными руководителями местных тендерных отделов и их специалистами по государственным закупкам, подводят итоги отчетного периода и ставят задачи на следующий период. Обучающие мероприятия, как правило, проходят в форме трехдневных сборов по регионам в несколько этапов, в ходе которых изучаются вновь принятые нормативные акты и отраслевые правила по государственным закупкам. Сборы включают официальную часть — собственно занятия, и не официальную часть — совместные обеды и неформальное общение лекторов-экспертов и обучающихся [14].

На текущий момент в Китае достаточно актуальны проблемы реализации принципов «справедливости» при определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей), «снижения себестоимости и повышения эффективности закупок» согласно целям расходования бюджетных средств, определенным законом (эффективность — соответствие проведенных закупок целям контрактной системы, — прим. автора), «соответствия нормативных требований» при определении фактических объемов и качества закупаемых товаров, работ, услуг, а также «снижения затрат» без потери количественно-качественных характеристик закупок [15]. Необходимость решения данных проблем обусловлена также необходимостью обеспечения чистоты в партийных рядах Коммунистической партии

Китая и неподкупности должностных лиц государственных предприятий, борьбы с коррупцией, а также достижения общего прогресса в сфере закупок, в связи с чем органами контроля выдвигаются все более строгие требования к соблюдению государственными предприятиями принципов и процедур закупок. Органы власти и государственные предприятия, в свою очередь, создают условия и способствуют всеми доступными формами и средствами повышению уровня квалификации подчиненных специалистов по закупкам. Проблемы реализации указанных принципов и повышения общего уровня правосознания заказчиков решаются путем систематического проведения семинаров. К примеру, цикл обучающих семинаров проведен с момента принятия CFLP в мае 2019 г. «Операционных стандартов государственных закупок» (далее — Стандарты). Ответственные за обучение органы оперативно реагируют на издание подобного рода документов, дополняющих контрактное законодательство. Чтобы помочь всем специалистам изучить Стандарты, Сектор государственных закупок CFLP в этом же месяце провел трехдневный учебный сбор под названием «Комментарии к операционным стандартам государственных закупок». Сбор по повышению квалификации специалистов по государственным закупкам стал четвертым по счету после аналогичных мероприятий, проведенных с мая по июнь в Пекине, Чжухае и Иньчуане. Аналогичным образом в целях оказания методической помощи большинству государственных предприятий в обучении специалистов-практиков и управленческого персонала Стандартам, Сектор государственных закупок CFLP в июне 2019 г. издал методическое пособие «Руководство по эксплуатации государственных предприятий» [16].

На подобных мероприятиях также проходит толкование последних изменений законодательства, практические занятия, вопросы и ответы, обмен опытом и выдача сертификатов [17]. Сертификаты однообразия не отличаются, поскольку единого государственного стандарта к их форме и основаниям выдачи на данный момент нет. Но по окончании обучения, если предусмотрено регламентом, специалисты проходят аттестацию. Прошедшие аттестацию включаются в пул экспертов по государственным закупкам конкретной провинции, в которой проводился учебный сбор. В последующем они могут получить квалификацию эксперта по государственным закупкам [18].

Подготовка специалистов по государственным закупкам осуществляется также разветвленной сетью

учебных центров. Они предлагают всем желающим пройти подготовку «с нуля» как по очной форме, так и в форме онлайн обучения [19]. Структурно учебные программы существенно не отличаются от программ, по которым проводится обучение в США и Великобритании. Они также включают как общие вопросы управления контрактной системой, так и специальные вопросы по отдельным ее аспектам. Продолжительность учебных программ до одного года. Лекторы представлены авторитетными экспертами в области осуществления торгов, имеющими богатые теоретические знания и практический опыт, признанными на уровне Китайской ассоциации торгов.

Исходя из существующих проблем контрактной системы самое пристальное внимание в Китае, помимо обучения специалистов, уделяется реализации воспитательной функции, способствующей снижению коррупционных проявлений в сфере закупок:

«...вопросы социальной справедливости и повышения эффективности, борьба с коррупцией – вот основные задачи, стоящие перед государственными закупками» [20];

«Лу Цзе, заместитель директора Аппарата окружного правительства, подчеркнул, что... необходимо и дальше повышать уровень идеологического понимания специалистами по закупкам государственной политики в данной сфере...» [21].

Таким образом, образовательные программы США, Великобритании и Китая отличаются достаточной вариативностью и ориентированностью на клиента: по количеству учебных часов (от однодневных до двухнедельных и многомесячных), специализацией (общеобразовательной, обучение процедуре закупок

отдельными способами, порядку заключения и управления контрактами и пр.), а также формами проведения занятий (аудиторными, онлайн и дистанционными формами). Курсы ведутся практикующими юристами и авторитетными учеными, которые составляют основу преподавательского состава.

В США и Великобритании, в отличие от России, утвержденных государственных профессиональных стандартов специалиста в сфере закупок нет (профессиональные стандарты «Специалист в сфере закупок» и «Эксперт в сфере закупок» утверждены приказом Минтруда России от 10 сентября 2015 г. № 625н и № 626н – прим. автора). Участие органов государственной власти в учебном процессе минимизировано. Обучением и сертификацией специалистов в сфере закупок занимаются лицензированные организации по корпоративным учебным программам. При составлении учебных программ учитывается действующее контрактное законодательство страны и складывающаяся практика. Учреждения конкурируют между собой на рынке образовательных услуг и заинтересованы в повышении качества обучения и, как следствие, своего престижа.

В Китае управление обучением специалистов осуществляется через государственные органы и подконтрольные им некоммерческие организации, при этом носит системный характер. Его особенностью является то, что в рамках обучения специалистов успешно реализуется воспитательная функция, направленная на формирование у руководителей и подчиненных высокого уровня правосознания и профилактику коррупции в контрактных правоотношениях.

Библиографический список

1. Коношко, Л. В., Сураева, А. Ю. Зарубежный опыт организации государственных закупок // Сборник материалов IV международной научно-практической конференции «Экономика и управление: проблемы, тенденции, перспективы развития». 2016. С. 27–30.
2. Мубаракшина, Э. Р. Зарубежный опыт организации государственных закупок // Вестник науки и образования. Часть 1. 2018. № 16(52). С. 69–73.
3. Семенова, Ф. З., Борлакова, М. Б., Боташева, Л. С. Зарубежный опыт организации государственных закупок // Фундаментальные исследования. 2016. № 6 (часть 2). С. 465–469.
4. Шадрин, Е. В., Ромодина, И. В. Государственные закупки для устойчивого развития: международный опыт // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 1. С. 149–172.
5. Экономика, управление, финансы: материалы X Международной научной конференции. (г. Краснодар,

References

1. Konoshko L. V., Suraeva A. Yu. Zarubezhnyi opyt organizatsii gosudarstvennykh zakupok [*Foreign experience in public procurement*], Sbornik materialov IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “*Ekonomika i upravlenie: problemy, tendentsii, perspektivy razvitiya*” [Proceedings of the IV international scientific and practical conference: “*Economics and management: problems, trends, development prospects*”], 2016, pp. 27–30.
2. Mubarakshina E. R. Zarubezhnyi opyt organizatsii gosudarstvennykh zakupok [*Foreign experience in public procurement*], Vestnik nauki i obrazovaniya [*Bulletin of science and education*], 2018, no. 16 (52), part 1, pp. 69–73.
3. Semenova F. Z., Borlakova M. B., Botasheva L. S. Zarubezhnyi opyt organizatsii gosudarstvennykh zakupok [*Foreign experience in public procurement*], Fundamental'nye issledovaniya [*Fundamental research*], 2016, no. 6, part 2, pp. 465–469.
4. Shadrina E. V., Romodina I. V. Gosudarstvennye zakupki dlya ustoichivogo razvitiya: mezhdunarodnyi opyt [*Public*

- октябрь, 2019 г.). Научное издание. Краснодар: Новация, 2019. 42 с.
6. Public Procurement in Higher Education [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nigp.org/home/your-learning-journey/education/higher-education-procurement> (дата обращения: 18.10.2019).
 7. Coursework [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nigp.org/home/your-learning-journey/education/take-a-course> (дата обращения: 11.10.2019).
 8. Coursecatalogue [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nsite.nigp.org/coursecatalog/course-catalog> (дата обращения: 17.10.2019).
 9. Welcome to the UPPCC Website [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.uppcc.org/> (дата обращения: 18.10.2019).
 10. Certificate Program in Public Procurement [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.procurementlearning.org/certificate-program-public-procurement-cppp/> (дата обращения: 10.10.2019).
 11. Public Procurement Training Courses [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.findcourses.co.uk/search/public-procurement-training-courses> (дата обращения: 18.10.2019).
 12. Postgraduate Diploma in Public Procurement Regulation in the EU and in its Global Context [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.courses.knect365-learning.com/event/eu-public-procurement-regulation-postgraduate-diploma-distance-learning-course-from-kings-college-london-kcl?utm_source=findcourses&utm_medium=referral&utm_content=listing (дата обращения: 17.10.2019).
 13. Procurement training [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.undp.org/content/undp/en/home/procurement/procurement-training.html> (дата обращения: 17.10.2019).
 14. 《国有企业采购操作规范》培训班在北京开班! [Учебный курс по закупочной деятельности государственных предприятий начался в Пекине!] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.chinawuliu.com.cn/office/50/500/14497.shtml> (дата обращения: 19.10.2019).
 15. 夷陵区召开公共资源招标采购业务培训会 [В районе Илья состоялась тренинговая встреча по закупкам для общественности] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.10.gov.cn/content-636-525716-1.html> (дата обращения: 19.10.2019).
 16. 国采公司协办《国有企业采购操作规范》专题培训班 [Китайская корпорация по государственным закупкам выступила организатором специального учебного курса «Регламент проведения операций по закупкам государственных предприятий»] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cppchina.cn/yaowenzixun/19961.html> (дата обращения: 19.10.2019).
 17. 公共采购分会举办“采购招标最新法律适用”培训班 [Сектор государственных закупок провел учебный курс на тему «Последнее применение закона о закупках»] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.sohu.com/a/204890198_646767 (дата обращения: 19.10.2019).
 18. 常州: 举办2018年度政府采购评审专家培训 [Чанчжоу: проведение ежегодного обучения экспертов по оценке государственных закупок в 2018 г.] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ggzy.gov.cn/info/procurement-for-sustainable-development-international-experience>, *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Public Administration Issues]*, 2017, no. 1, pp. 149–172.
 5. *Ekonomika, upravlenie, finansy: materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Krasnodar, Oktyabr', 2019) [Proceedings of the X International scientific conference "Economics, management, finance", Krasnodar, October, 2019]*, Krasnodar, Novatsiya, 2019, 42 p.
 6. Public Procurement in Higher Education. Available at: <https://www.nigp.org/home/your-learning-journey/education/higher-education-procurement> (accessed 18.10.2019).
 7. Coursework. Available at: <https://www.nigp.org/home/your-learning-journey/education/take-a-course> (accessed 11.10.2019).
 8. Coursecatalogue. Available at: <https://nsite.nigp.org/coursecatalog/course-catalog> (accessed 17.10.2019).
 9. Welcome to the UPPCC website. Available at: <https://www.uppcc.org/> (accessed 18.10.2019).
 10. Certificate Program in Public Procurement. Available at: <https://www.procurementlearning.org/certificate-program-public-procurement-cppp/> (accessed 10.10.2019).
 11. Public Procurement Training Courses. Available at: <https://www.findcourses.co.uk/search/public-procurement-training-courses> (accessed 18.10.2019).
 12. Postgraduate Diploma in Public Procurement Regulation in the EU and in its Global Context. Available at: http://www.courses.knect365-learning.com/event/eu-public-procurement-regulation-postgraduate-diploma-distance-learning-course-from-kings-college-london-kcl?utm_source=findcourses&utm_medium=referral&utm_content=listing (accessed 17.10.2019).
 13. Procurement training. Available at: <https://www.undp.org/content/undp/en/home/procurement/procurement-training.html> (accessed 17.10.2019).
 14. A training course on procurement of state-owned enterprises began in Beijing. Available at: <http://www.chinawuliu.com.cn/office/50/500/14497.shtml> (accessed 19.10.2019).
 15. A public procurement training meeting was held in Il Yin district. Available at: <http://www.10.gov.cn/content-636-525716-1.html> (accessed 19.10.2019).
 16. The Chinese Corporation for public procurement organized a special training course "Regulation of procurement operations of state enterprises". Available at: <http://www.cppchina.cn/yaowenzixun/19961.html> (accessed 19.10.2019).
 17. The public procurement sector conducted a training course on "The latest application of the procurement law". Available at: http://www.sohu.com/a/204890198_646767 (accessed 19.10.2019).
 18. Changzhou: conduct annual training of experts on public procurement evaluation in 2018. Available at: http://www.ggzy.gov.cn/info/localns/2019-01/25/content_45f292f782f24139b1783689823bf8da.shtml (accessed 19.10.2019).
 19. Notice of the start of the online training "Lecture hall for bidding and procurement". Public bidding service platform in China. Available at: <http://www.cebpublishservice.com/monitorindustry/monitorplat/2017/12/9600.shtml> (accessed 19.10.2019).
 20. The department of public procurement held a seminar "Management and practice of public procurement". Available at: <http://www.chinawuliu.com.cn/office/50/498/14074.html> (accessed 19.10.2019).

- localns/2019-01/25/content_45f292f782f24139b1783689823bf8da.shtml (дата обращения: 19.10.2019).
19. 关于中国招标采购公共服务平台“招标采购大讲堂”网络培训开课的通知 [Уведомление о начале онлайн-тренинга «Лекционный зал по проведению торгов и закупок» Платформы обслуживания публичных торгов в Китае] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cebpservice.com/monitorindustry/monitorplat/2017/12/9600.shtml> (дата обращения: 19.10.2019).
20. 公共采购分会举办“国企采购管理与实务”培训班 [В отделе государственных закупок прошел семинар «Управление и практика государственных закупок»] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.chinawuliu.com.cn/office/50/498/14074.shtml> (дата обращения: 19.10.2019).
21. 夷陵区召开公共资源招标采购业务培训会 [В районе Илья Инь состоялась тренинговая встреча по закупкам для общественности] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.10.gov.cn/content-636-525716-1.html> (дата обращения: 19.10.2019).
21. A public procurement training meeting was held in Il Yin district. Available at: <http://www.10.gov.cn/content-636-525716-1.html> (accessed 19.10.2019).

Характеристика структуры перевозок транспортно-логистического комплекса и его динамика

Абдюшева Динара Рамилевна¹, Степанов Алексей Алексеевич²

¹аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0001-6784-3262, e-mail: d.abdyusheva@gmail.com

²д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация, e-mail: astepanov@guu.ru

Аннотация

В статье приведена характеристика структуры перевозок транспортного логистического комплекса и его динамика. Анализ современного состояния рынка транспортно-экспедиционного обслуживания позволяет выделить существенные изменения рынка в сторону совершенствования технологий и модернизации логистических схем. В современном мире транспорт, связь, интернет-технологии, системы управления взаимоотношениями с клиентами и экспедиционная инфраструктура являются частью человеческой жизни, элементом международного взаимодействия на всех уровнях – глобальном, региональном и межстрановом. Структура рынка транспортно-экспедиционного обслуживания представляет собой сложный механизм причинно-следственных связей, которые обеспечивают плотность рынка в условиях макроэкономической среды. В систему транспортно-экспедиционного обслуживания входит ряд подсистем, взаимодействующих между собой: отраслевая, рыночная, организационная, ассортиментная, производственно-технологическая, территориальная, институциональная, социальная и другие.

Современная Россия обладает мощным, многоотраслевым транспортным комплексом: на ее территории функционируют основные виды транспорта. Между тем Россия не является лидером мирового рынка транспортно-логистических услуг, уступая позиции по доле стран в мировом грузообороте США, Китаю и европейским странам. Структура перевозки грузов во всем транспортно-экспедиционном комплексе России достаточно неоднородна. Выделен факт того, что в структуре перевозимых грузов наблюдается тенденция роста объемов перевозки низкодходных грузов на фоне стабильного уровня объемов перевозки высокодходных. По складским помещениям Россия также не является лидером. В области транспортно-экспедиционного обслуживания Россия уступает всем европейским странам, но современное развитие цифровых технологий поможет России выйти на мировой уровень.

Ключевые слова: транспорт, транспортно-экспедиционное обслуживание, грузооборот, развитие цифровых технологий, грузоперевозки, транспортная система, экономика.

Цитирование: Абдюшева Д.Р., Степанов А.А. Характеристика структуры перевозок транспортно-логистического комплекса и его динамика // Управление. 2019. № 4. С. 24–31.

Characteristics of the transportation structure of the transport-logistical complex and its dynamics

Abdyusheva Dinara¹, Stepanov Aleksey²

¹Postgraduate student, State University of Management, Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0001-6784-3262, e-mail: d.abdyusheva@gmail.com

²Doctor of Economic Sciences, State University of Management,
Moscow, Russia, e-mail: astepanov@guu.ru

Abstract

The structure and dynamics of the transport and logistics complex transportation have been described in the article. The analysis of the current state of the transport-forwarding service market allows to distinguish significant market changes in terms of improving technologies and modernizing logistics schemes. Today, transport, communications, Internet technologies, systems of customer relationship management and expeditionary infrastructure are part of human life and are type of international interaction at the global, regional and intercountry levels. The structure of the market of freight forwarding services is a complex mechanism of relations between factors and structures, that can ensure the density of the market under the influence of factors of the macroeconomic environment. In the structure of the studied forwarding, services there is a number of small systems, that fully interact with each other: industrial, market, organizational, assortment, production and technological, territorial, institutional, social and other structures.

Modern Russia has a powerful, diversified, transport complex; all types of transport are represented on its territory. However, Russia is not the leader in the world market of transport and logistics services, in terms of the share of countries in world freight turnover. Russia is inferior to the positions of the United States, China and other European countries. The structure of the cargo transportation throughout the transport and forwarding complex of Russia is quite heterogeneous. The fact has been highlighted, that in the structure of transported goods a trend of growth in the volume of transportation of low-income goods against the background of a stable level of transportation volumes of high-yield cargo is observed. In terms of warehouses, Russia is also not in the lead; for expeditionary services. Russia is inferior to all European countries, but the modern development of digital technologies will help Russia reach the world level of service.

Keywords: transport, freight forwarding services, cargo turnover, development of digital technologies, cargo transportation, transport system, economics.

For citation: Abdyusheva D.R., Stepanov A.A. Characteristics of the transportation structure of the transport-logistical complex and its dynamics (2019) *Upravlenie*, 7 (4), pp. 24–31. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-24-31

Современная Россия обладает мощным многоотраслевым транспортным комплексом. На ее территории представлены все виды транспорта. На сегодняшний день транспорт, связь, интернет-технологии, системы управления взаимоотношениями с клиентами и экспедиционная инфраструктура представляют собой часть человеческой жизни, являются элементом международного взаимодействия на глобальном, региональном и межстрановом уровнях. Цель статьи – выявление структуры перевозок и исследование динамики транспортно-логистического комплекса.

Проводя анализ актуального состояния рыночной отрасли транспортно-экспедиционного обслуживания (далее – ТЭО), мы можем определить концептуальные изменения рынка в области совершенствования технологий, модернизации логистических схем и системы взаимоотношений между звеньями всего логистического потока. Изучив понятийный аппарат экспедиционного обслуживания, мы можем обнаружить, что структура рынка ТЭО представляет собой сложный механизм связей между факторами и подсистемами, которые обеспечивают плотность рынка под влиянием условий макроэкономической среды. В структуре ТЭО имеется ряд подсистем, полностью взаимодействующих между собой:

отраслевая, рыночная, организационная, ассортиментная, производственно-технологическая, территориальная, институциональная, социальная и другие.

Проанализируем место России в мировом рынке ТЭО.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в 2016 г. Россия занимала первое место среди выделенных стран по железнодорожным перевозкам и последние места – по морскому и автомобильному грузообороту (табл. 1) [8].

Доли в общем объеме мирового рынка транспортно-логистических услуг (далее – ТЛУ) составляют: США – 23 %; европейские страны – 19 %; Китай – 15 %; Россия – 4 % от общего объема рынка. На рисунке 1 представлен объем рынка ТЭО за период 2012–2016 гг.

Из рисунка 1 следует, что в 2016 г. объем ТЛУ составил более 3 270,5 млрд руб., при этом прослеживается тенденция к увеличению данного показателя. В свою очередь, на протяжении 2012–2015 гг. объем рынка ТЛУ в денежном выражении неизменно увеличивался: с 2 516,6 до 2 985,1 млрд руб. Положительная динамика обусловлена, прежде всего, повышением тарифов при минимальных темпах роста объема грузоперевозок и грузооборота [2].

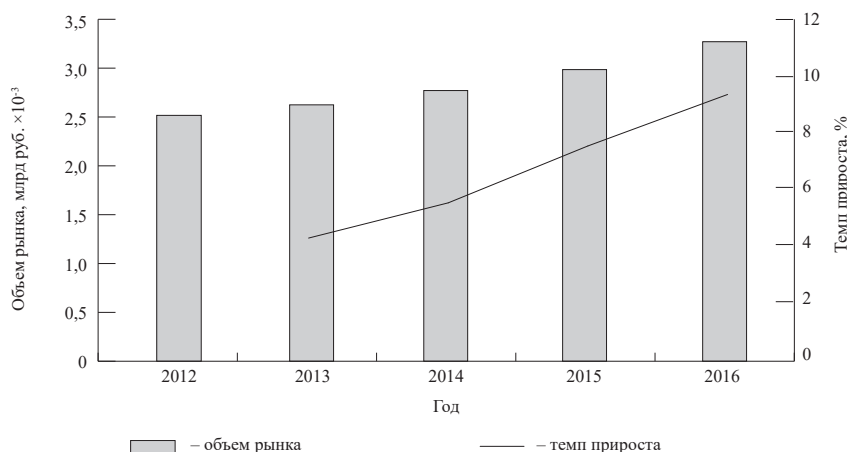
Таблица 1

Доля стран в грузообороте в 2016 г.

Table. 1. Share of countries in freight turnover in 2016

Страна	Грузооборот по видам транспорта, %			
	железнодорожный	автомобильный	морской	воздушный
Россия	55	4	12	1,5
США	30	25	27	2,0
Франция	10	21,5	50	1,0
Япония	0,5	7,5	91	0,5

Источник: [8] / Source: [8]



Составлено авторами по материалам источника [1] / Compiled by the authors on the materials [1]

Рис. 1. Объем рынка транспортно-экспедиционного обслуживания по состоянию на 2012–2016 гг., млрд руб.

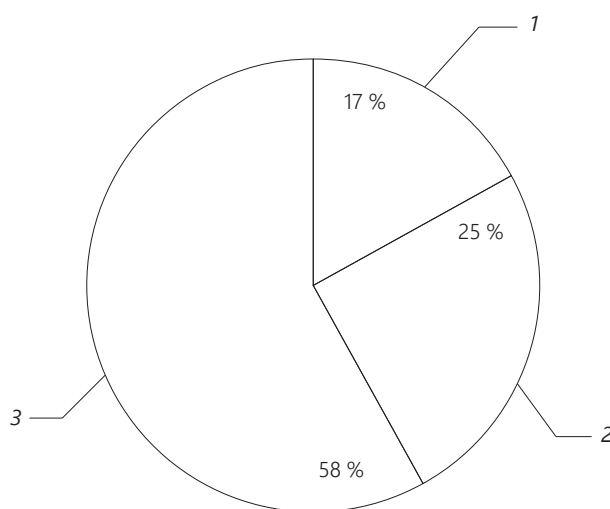
Figure 1. The volume of the freight forwarding services market in 2012–2016, billion rubles

В 2017 г. доли в мировом транспортно-логистическом рынке (далее – ТЛР) услуг по данным Росстата составили: Европа – 19,1 %; США – 23,0 %; Китай – 15,2 %; Япония – 11,2 %; Германия – 8,9 %; Россия – 4,1 % [8]. В России объем ТЭО за 2017 г. составил 4 %, однако, как следует из рисунка 1, объем ТЛУ возрастает, что подразумевает положительную тенденцию.

Рассмотрим структуру мирового рынка ТЭО на 2017 г. (рис. 2).

На исследуемом рынке преобладают компании, которые оказывают услуги:

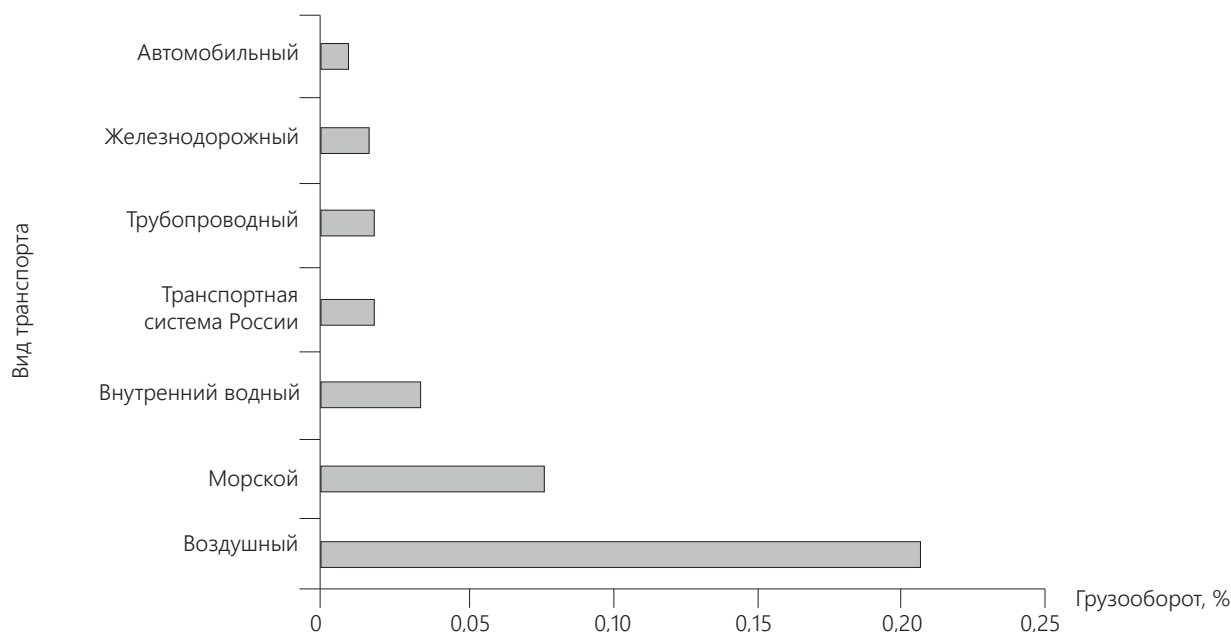
- 2PL (англ. SecondPartyLogistics). Это простая форма аутсорсинга, оператор организует транспортировку и складское размещение груза. Провайдерами такого уровня является большинство отечественных грузоперевозчиков. Они имеют материальную базу в виде парка техники различной грузоподъемности и занимаются обеспечением перевозок – это управленческая логистика с долей в 17 %.



1 – управленческая логистика; 2 – комплексная логистика; 3 – грузоперевозки и экспедирование

Источник: [8] / Source: [8]

Рис. 2. Структура рынка транспортно-экспедиционного обслуживания
Figure 1. Freight forwarding services market structure



Источник: [7] / Source: [7]

Рис. 3. Динамика экономического роста в стране и грузовых перевозок по видам транспорта, 2016 г. к 2015 г.
Figure 3. Dynamics of economic growth in the country and freight traffic by modes of the transport, 2016 to 2015

• 3PL (ThirdPartyLogistics) – провайдер оказывает комплексные услуги по доставке. В этот перечень входит: перевозка, маркировка, упаковка, перегрузка и другие операции – сюда относится комплексная логистика с долей в общей структуре 25 %.

• 4PL (ForthPartyLogistics) – оператор с самой высокой степенью вовлечения в бизнес клиента. Происходит интеграция всех компаний, имеющих отношение к цепи поставки груза. Оператор управляет всеми процессами и контролирует их качество. Это грузоперевозки и экспедирование с долей 58 % [4].

Изучая сведения рынка ТЛУ за 2016 г., видим, что российский валовой продукт на затраты на выполнение логистических операций насчитывает 20 %, а мировой – 11, 4 %. Главным показателем функционирования экономики страны традиционно являлся и остается валовой внутренний продукт (далее – ВВП). Он способен отразить все изменения и процессы в совокупности, которые происходят в деятельности хозяйствующих субъектов страны. По материалам Росстата, с III квартала 2011 г. ВВП

России снижается. Также отметим, что если до 2014 г. происходило только сокращение темпов роста, то во второй половине 2014 г. и далее ВВП страны стал снижаться (рис. 3).

На наш взгляд, основными факторами для такого снижения стали:

- введение санкций со стороны стран Евросоюза и США;
- ослабление курса валюты, ценовое снижение нефти;
- ухудшение уровня благосостояния населения, платежеспособности большей части населения страны.

Из-за перечисленных факторов происходит значительное подорожание импорта товаров. По данным Росстата динамика цен на товары в 2014 г. к уровню 2013 г. возросла более чем на 11 %. Ценовой барьер в этот же период на продовольственные товары вырос на 15,4 %, на непродовольственные – на 8,1 %. [8]. Все перечисленные выше факторы по снижению темпов роста, снижению ВВП страны отразились на ТЭО России.

Таблица 2

Основные показатели деятельности транспортной системы России по видам транспорта за период 2014–2016 гг., млн т.

Table 2. Key performance indicators of the Russian transport system by mode of transport for the period 2014–2016, million tons

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Железнодорожный	1 375	1 329	1 227
Автомобильный	5 417	5 041	5 138
Магистральный трубопроводный (нефть и нефтепродукты)	1 078	1 071	1 088
Морской	16	19	25
Внутренний водный	119	121	118
Воздушный	1,3	1,2	1,1

Источник: [6] / Source: [6]

Таблица 3

Перевозки грузов по видам транспорта России за 1 полугодие 2017–2018 гг., млн тонн

Table 3. Freight transportations by modes of Russian transport for the 1st half of 2017–2018, million tons

Отрасли	Перевозки		
	Январь–июнь 2017 г.	Январь–июнь 2018 г.	Январь–июнь 2018 г. в % к аналогичному периоду 2017 г.
Транспорт всех отраслей экономики	3 657,9	3 744,2	102,4
В том числе:			
транспорт отраслей Минтранса России	3 088,8	3 153,7	102,1
железнодорожный общего пользования	623,2	644,5	103,4
автомобильный	2 414,7	2 458,5	101,8
морской	11,73	9,78	83,4
внутренний водный	38,62	40,42	104,7
воздушный	0,532	0,534	100,4
трубопроводный	569,1	590,5	103,8

Источник: [6] / Source: [6]

В докладах Министерства транспорта Российской Федерации (далее — Минтранс) объем грузоперевозок в 2016 г. в стране составил не более 6 776,5 млн т, произошло снижение данного показателя к уровню 2015 г. на 3,5 %. Объем коммерческих грузоперевозок в 2016 г. составил 2 978,6 млн т, что на 3,3 % ниже относительно уровня 2015 г.

К тенденциям развития рынка ТЛУ России эксперты относят:

- снижение объемов коммерческих перевозок и грузооборота;
- снижение стоимостных и физических показателей международных перевозок;
- повышение и обострение конкурентной борьбы [1].

В таблице 2 представлены основные показатели деятельности транспортной системы России по видам транспорта за период 2014–2016 гг. в соответствии с данными Росстата [6].

В таблице 3 представлены данные перевозки грузов по видам транспорта за первые полугодия 2017–2018 гг.

Проанализируем исполнение перевозок грузов: из таблицы 3 следует, что перевозка грузов увеличивается практически по всем исследуемым отраслям. Исключение составляет лишь морской транспорт — здесь процент снижения составляет 16,6 % в 2018 г. к аналогичному периоду 2016 г. [5].

Отметим, что структура перевозки грузов во всем транспортно-экспедиционном комплексе России достаточно неоднородна. Также выделим факт, что в динамике грузоперевозок наблюдается тенденция роста объемов перевозки низкодходных грузов на фоне стабильного уровня перевозок высокодходных грузов.

Рассмотрим ниже структуры грузоперевозок и экспедирования в России по основным видам транспорта.

Структура экспедирования железнодорожным транспортом. Отметим основные положительные

моменты грузооборота на железнодорожном транспорте:

- регулярность движения;
- скоростной фактор;
- массовые потоки грузов и пассажиров;
- низкая себестоимость перевозок.

Железнодорожный транспорт предлагает клиентам различные способы пакетирования для перевозок (табл. 4).

Структура экспедирования морским транспортом за период 2015–2017 гг. Отметим, что экспортные грузы из года в год занимают лидирующие положения в составе экспедирования морским транспортом России. Так, в 2017 г. они составили более 35 % от общей структуры экспедирования морским транспортом. На втором месте транзитные грузы, в общей структуре перевозок морским транспортом на 2017 г. они составили более 30 %. Импортные и каботажные грузы по структуре перевозок за 2015–2016 гг. распределились почти одинаково, но в 2017 г., составив более 15 % и 5 % соответственно.

Структура перевозок воздушным транспортом по состоянию на 2017 г. Несмотря на положительную динамику, российские перевозчики на 2017 г. занимали лишь 45 % рынка международных автомобильных перевозок (в начале 2000 г. — 25 %). Задачу повышения конкурентоспособности для отечественных перевозчиков правительство России решает комплексно, при плотном взаимодействии с Союзом транспортных России и отраслевыми ассоциациями.

Наиболее крупный объем перевозок рынка России за 2017 г. пришелся на автомобильный (5,14 млрд т.) и железнодорожный транспорт (1 227 млрд т по общему пользованию, промышленного пользования — 3,073 млрд т).

По статистическим данным Минтранса за 2017 г. объем перевозок грузов в России составил 5 213,1 млрд т/км, что на 1,8 % больше, чем за аналогичный период 2016 г. В 2019 г. Минтранс планирует подписать межправительственное соглашение с Китаем,

Таблица 4

Перевозки грузов и грузооборот железнодорожного транспорта общего пользования за период 2013–2017 гг.

Table 4. Freight transportation and cargo turnover of public railway transport for the period 2013–2017

Показатель (перевезено грузов)	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Всего, млн т	1382	1421	1381	1375	1329
Из них:					
в контейнерах	26,7	28,1	28,6	30,4	28,6
пакетами	19,4	21,9	22,4	22,1	25,7
Удельный вес контейнеров массой брутто 20 т и более в общем отправлении грузов в контейнерах, %	85,0	97,9	99,8	100,0	99,9

Источник: [6] / Source: [6]

в рамках которого автомобильным перевозчикам будет разрешено доставлять груз до пункта назначения, а не только до приграничной зоны. Расширению торговых отношений с приграничными государствами и уменьшению доли транспортных расходов в цене перевозимых грузов послужит также открытие автомобильного коридора «Россия – Монголия – Китай» в 2019 г. К 2020 г. объем товарооборота между двумя странами достигнет отметки в 200 млрд долл. США.

Структура грузоперевозок автомобильным транспортом в 2017 г. По данным статистического агентства России среди перевозок грузов некоммерческого характера, автомобильный транспорт занял более 68 % от общего числа перевозок некоммерческих грузов, в оставшиеся 32 % вошли перевозка железнодорожным, водным и авиационным (воздушным) транспортом.

Структура и динамика российского рынка складских услуг. Российский рынок складских услуг по показателю индивидуального хранения является высоко конкурентным. Вхождение на данный рынок новых игроков признано затруднительным. Отметим, что в данной среде присутствует большое количество 3PL-провайдеров, которые имеют международный опыт.

Рынок России по складским помещениям неоднороден. Предложения в Москве и области достигают 18 000 тыс. кв. м., в С.-Петербурге до 2,8 млн кв. м, в целом по России – 8,4 млн кв. м [3]. По статистическим данным независимого маркетингового агентства AGT, сделки на рынках регионального масштаба, заключенные между собственниками и арендаторами складских площадей по территории России,

за 2018 г. составили 35 % от общего спроса рынка складирования. Такие города России, как Екатеринбург, Новосибирск и Челябинск, являются лидерами по объемам складских помещений, сдаваемых в аренду. Эти города забирают львиную долю от общих сделок на федеральном уровне – 73 %, за исключением прямых сделок между собственниками и агентами. Основные проблемные моменты складского комплекса России в системе транспортно-экспедиционного обслуживания: перепроизводство; лишние операции в перемещении, отсутствие адресного хранения грузов.

Заключение

Обобщая сказанное выше, отметим, что в России накопился ряд проблем в транспортно-экспедиционном обслуживании: неразвитость инфраструктуры, отсутствие четкого постпродажного обслуживания и квалифицированных специалистов логистического обслуживания. Лидером мирового рынка транспортно-логистических услуг Россия не является, по доле стран в мировом грузообороте Россия уступает позиции США, Китаю и другим европейским странам. По складским помещениям Россия не лидирует, по экспедиционному обслуживанию Россия уступает всем европейским странам, однако, по мнению автора, современное развитие и внедрение цифровых технологий в эту область поможет оптимизировать логистические процессы и вывести Россию на мировой уровень [1].

Библиографический список

1. Абдюшева, Д. Р. Анализ современного состояния транспортного комплекса России // Вестник университета. 2018. № 8. С. 56–61.
2. Степанов, А. А. Формирование маркетинговой системы транспортно-экспедиционного обслуживания в современной России: монография. М.: Каталог, 2005. 164 с.
3. Плужников, К. И., Чунтомова, Ю. А. Транспортное экспедирование. М.: Транслит, 2006. 528 с.
4. Горин, В. С. Концептуальные основы транспортно-экспедиционного обслуживания бизнеса и населения // Вестник университета. 2009. № 11. С. 25–26.
5. Свиридчук, Г. П. Перспективы развития пассажирских и технических станций на железных дорогах России // Материалы 21-й Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы управления – 2016». М.: ГУУ, 2016. С. 79–82.
6. Транспорт и связь в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/transp-sv16.pdf (дата обращения: 09.10.2019).

References

1. Abdysheva D. R. Analiz sovremennogo sostoyaniya transportnogo kompleksa Rossii [Analysis of the current state of the transport complex of Russia], Vestnik Universiteta, 2018, no. 8, pp. 56–61.
2. Stepanov A. A. Formirovanie marketingovoi sistemy transportno-ekspeditsionnogo obsluzhivaniya v sovremennoi Rossii: monografiya [Formation of the marketing system of forwarding services in modern Russia: a monograph], Moscow, Katalog, 2005, p. 164.
3. Pluzhnikov K. I., Chuntomova Yu. A. Transportnoe ekspedirovanie [Transport forwarding], Moscow, Translit, 2006, p. 528.
4. Gorin V. S. Kontseptual'nye osnovy transportno-ekspeditsionnogo obsluzhivaniya biznesa i naseleniya [Conceptual foundations of forwarding services for business and the public], Vestnik Universiteta, 2009, no. 11, pp. 25–26.
5. Sviridchuk G. P. Perspektivy razvitiya passazhirskikh i tekhnicheskikh stantsii na zheleznikh dorogakh Rossii [Prospects for the development of passenger and technical stations on the

7. Бюллетень социально-экономического кризиса в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/7400.pdf> (дата обращения: 09.10.2019).
8. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) (официальный сайт) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 01.10.2019).
6. *Transport i svyaz' v Rossii* [*Transport and communication in Russia*]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/transp-sv16.pdf (accessed 09.10.2019).
7. *Byulleten' sotsial'no-ekonomicheskogo krizisa v Rossii* [*Bulletin of the socio-economic crisis in Russia*]. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/7400.pdf> (accessed 09.10.2019).
8. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki (Rosstat) (ofitsial'nyi sait)* [*Statistics rei publicae Federal Service (Rosstat), official website*] Available at: <https://www.gks.ru/> (accessed 01.10.2019).

Корректировка пруденциальных нормативов, определяющих вектор развития банковского сектора

Грызунова Наталья Владимировна

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», Москва, Российская Федерация,
e-mail: Gryzunova.NV@rea.ru, ORCID: 0000-0001-8582-7389, Scopus Author ID: 56439978500

Аннотация

В настоящее время Банк России проводит радикальные преобразования в системе администрирования банковского надзора и регулирования. Можно наблюдать взаимодействие денежно-кредитной политики и макропруденциальной политики. Цель мегарегулятора – традиционная защита капитала инвесторов, акционеров, клиентов. Основными проблемами российской экономики являются дефицит инвестиций и собственных оборотных средств у некредитных организаций и сложности получения плацдарма кредитования. Основная цель реформирования банковской системы – создать дополнительные источники инвестиций для некредитных организаций. Ужесточение надзорных требований хотя и нивелирует совокупные банковские риски, но снижает деловую активность и маневренность банковской системы. Кривая инвестиционного спроса российской экономики является пологой, что характеризует низкую доходность инвестиционных вложений и слабую зависимость от политики процентных ставок. В связи с этим предложено рассматривать инвестиции компании как основной критерий конкурентоспособности и главный аргумент в принятии решений о предоставлении кредитной линии.

В статье показана целесообразность выделения инвестиционного критерия в монетарном правиле, обоснована актуальность пропорционального регулирования – распределения нормативных показателей банковского надзора по ярусам банковской системы, которые формируются исходя из функциональной и региональной специфики. Разработан механизм обеспечения ценовой стабильности на основе кластеризации финансовых организаций. Предложено использовать инвестиционные критерии в качестве обоснования перевода обслуживания некредитной организации в другой банковский кластер. Проанализированы возможные тенденции и последствия основных планируемых преобразований банковской системы с учетом банковских ярусов и распределение по ярусам полномочий и функций.

В результате мер превентивного надзора и кластеризации банков возможно ожидать: региональную сегментацию рынка; улучшение эффективности систем внутреннего контроля на основе распределения функций контроля по банковским ярусам упрощение управления рисками и приведение в соответствие с профилем деятельности компаний и уровнем операций банка. В работе доказано, что целенаправленное сегментирование кредитного рынка позволяет снизить кредитные риски для банков, а также связать характеристики рынка с бизнес-моделями каждого кластера.

Ключевые слова: монетарное правило, пруденциальные нормативы, пропорциональное регулирование, кластер, инвестиции, кластерный анализ, кредитный риск, бизнес-модель, регион, мезо-экономика.

Цитирование: Грызунова Н.В. Корректировка пруденциальных нормативов, определяющих вектор развития банковского сектора // Управление. 2019. № 4. С. 32–43.



Adjustment of prudential norms, determining vector of the banking sector development

Gryzunova Natalia

Doctor of Economic Sciences, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation,
e-mail: Gryzunova.NV@rea.ru, ORCID: 0000-0001-8582-7389, Scopus Author ID: 56439978500

Abstract

Currently, the Bank of Russia carries out radical reforms in the administration system of banking supervision and regulation. You can observe the interaction between monetary policy and macro prudential policy. The purpose of the traditional regulator is protection of investors', shareholders', customers' capital. The main problem of the Russian economy is the shortage of investment and working capital from non-credit institutions and the difficulty to get a foothold lending. The main objective of the banking system reform is to create additional sources of investment for non-credit institutions. The tightening Supervisory requirements although eliminate the total bank risks, but reduce business activity and agility of the banking system. The curve of investment demand in the Russian economy is flat, that characterizes the low profitability of investments and the weak dependence on interest-rate policy. In this connection, it has been suggested to consider investment companies as the main criterion of competitiveness and the main argument in decision-making about granting a credit line.

The feasibility of the allocation of investment criteria in the monetary rule has been shown in the article. The urgency proportional distribution of regulatory indicators of banking supervision by tier banking system, which are formed from the pacing of functional and regional specificity, — has been substantiated. The mechanism of price stability based on the clustering of financial institutions has been offered. It has been suggested to use the investment criteria as justification for a transfer service of non-bank organization to another bank cluster. Possible trends and implications of key planned reforms of the banking system including the bank's tier and the distribution tier of powers and functions have been analysed.

Due to measures of preventive supervision and bank clustering, it is possible to expect regional market segmentation, improving the effectiveness of internal control systems, based on the distribution of the control functions in bank tiers, simplify management and risk reduction in accordance with the profile of the company and the level of the bank's operations. It has been proved in the paper that a focused segmentation of the credit market allows us to reduce the credit risks for banks, as well as to link market characteristics with the business models of each cluster.

Keywords: monetary rule, prudential regulations, proportional control, cluster, investment, cluster analysis, credit risk, business model, region, mezo-economics.

For citation: Gryzunova N.V. Adjustment of prudential norms, determining vector of the banking sector development (2019) *Upravlenie*, 7 (4), pp. 32–43. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-32-43

Монетарная политика постоянно эволюционирует, что проявляется и в целях, и в ее функциях (можно вспомнить недавнюю реформу 2007 г., когда преобладали цели таргетирования инфляции и ускорения научно-технического прогресса и текущие изменения, связанные с процессами кластеризации фиатных сделок). Мягкая монетарная политика, проводимая с 2007 г., помогла стабилизации, но время ее действия истекло, и ее пролонгирование может привести к потерям для держателей институциональных облигаций, что создаст дополнительные риски финансовой дестабилизации, поскольку самый высокий риск инфляции несут фиатные сделки. Кластеризация банковских организаций изменяет сферу действия фидуциарных свойств. Базельским комитетом по банковскому надзору рекомендовано усилить взаимодействия монетарной и пруденциальной политик.

Этимология слова «пруденциальный» восходит к англо-саксонскому праву с его атеньюированием и аллокацией экономических прав. В данный момент краеугольный камень — аллокация прав в пределах «банковской пруденциальной осмотрительности» [10, с. 650]. Мировые мегарегуляторы стремятся создать новые инструменты надзора и оценки, усилить традиционные пруденциальные практики с целью создания буфера новым совокупным рискам макросреды и свести к минимуму дефицит ликвидности [14]. Цель надзорных новаций заключается в создании стимулов экономического роста, очистке балансов кредитных организаций от «технически проблемных» и непрофильных кредитов.

Главная доминанта — обеспечение финансовой стабильности — создает ряд императивов применения пруденциальных инициатив [20]. Так, в результате применения методики кластерного анализа Базельским комитетом сформированы пять групп банков (в России пока сформировались три группы) и соответственно пять уровней регулирования: требований к величине капитала и имплицитным инструментам монетарного правила, например таким, как NSFR (норматив чистого стабильного фондирования), индекс DTI, модели оценки волатильности и дюрации и др. Разработаны пруденциальные динамические ряды, например, повышение норматива достаточности капитала или норматива краткосрочной ликвидности, определяемого как отношение совокупного долга рыночного субъекта к его годовому доходу. Индексы автоматически ограничивают доступ проблемным клиентам к источникам инвестирования и новым займам. Их распространение позволит сократить количество проблемных

банков, в результате увеличится финансовая безопасность всей банковской системы [12]. В Российской Федерации (далее — РФ) NSFR введен с 2017 г. и до сих пор осуществляется наблюдение его адекватной практики. Также Центральный банк (далее — ЦБ) РФ создал контрциклический буфер капитала — инструмент макропруденциального регулирования, рекомендованный консультативным документом Базельского комитета по банковскому надзору (Базель III). Аналогично вышеперечисленным используется индекс финансового развития, который применяют иностранные инвесторы. В настоящий момент можно наблюдать его рост и, соответственно, рост иностранных кредиторов в государственном долге России. Этот индекс характеризует комфортность банковской системы для иностранных инвесторов: доступность; эффективность функционирования; глубину и скорость банковской трансмиссии.

Под пруденциальными нормами деятельности понимаются установленные регулятором обязательные нормативы, обеспечивающие безопасность для инвесторов и клиентов банков, поэтому пруденциальность — это, «прежде всего, благоразумие» [4; 6].

Пруденциальный надзор, как инструмент монетарной политики, был введен в РФ еще в 1999 г. Письмом Банка России № 829. Совместно с Министерством финансов России, Министерством по налогам и сборам (Федеральная налоговая служба сейчас) и ЦБ были введены стандарты МСФО, ISO, BASEL [2]. Одновременно были разграничены функции банковских и кредитных организаций, и их различие нашло закрепление в Налоговом кодексе РФ. Были предусмотрены требования, обязывающие банки выполнять пруденциальные требования:

- заполнять форматы отчетов (о финансовых результатах) в определенной цифровой системе;
- обеспечивать условия доступности информации для потенциальных партнеров по банковским нормативам: коэффициент достаточности капитала, резерв на возможные потери по ссудам (далее — РВПС), прибыли;
- создавать систему внутреннего и внешнего аудита.

В настоящий момент мы наблюдаем постепенное ужесточение пропорционального регулирования и требований к лицензированию банков, что выражается в:

- разработке различных подходов к оценке движения начального капитала, требований к процессам его накопления;
- изменении надзорных требований к банковским холдингам и форматам их отчетов (рекомендации по включению в них актуальных показателей);

- изучении жизнеспособности бизнес-планов банков и создании новых бизнес-моделей в рамках банковского яруса или региона;
- обеспечении и оценке прозрачности деятельности банков для инвесторов, акционеров, клиентов;
- усилении нормативных основ банковского надзора через предъявление кредитным организациям требований покрытия собственным капиталом величины кредитного риска по финансовым инструментам, включая операции с производными инструментами.

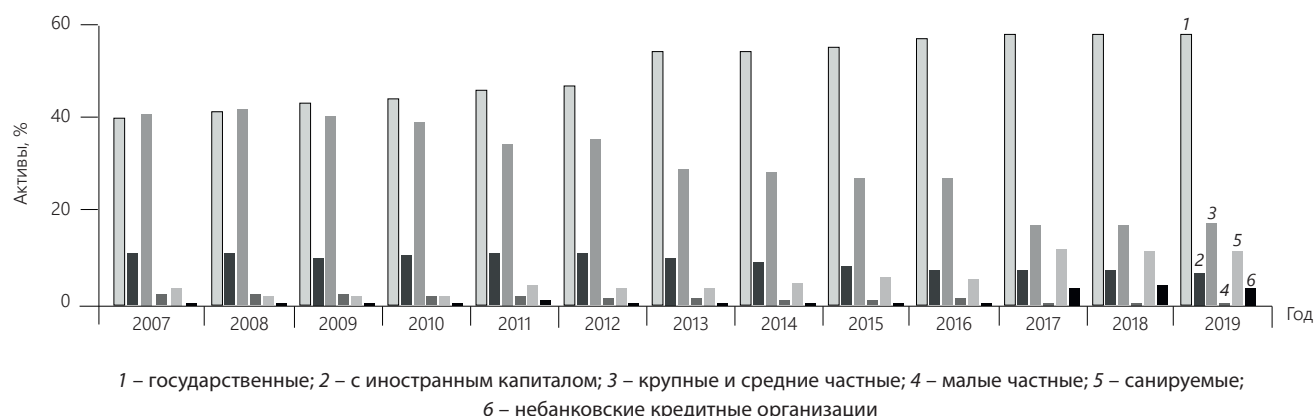
Основной задачей надзорных органов было и остается сохранение и защита капитала и повышение пруденциальных требований к качеству активов и гарантий, однако пруденциально-жесткие нормы могут снизить мобильность и гибкость банковской системы, что неизменно приведет к замедлению бизнес-процессов и темпов экономического роста. Регуляторные новации Банка России не должны ограничиваться только ужесточением требований, они должны стимулировать рост конкурентоспособности компаний, в том числе и глобальной, что возможно при взаимодействии макроэкономических политик и их последовательности и балансировании, применяя в качестве связок определенные критерии, используемые каждой макроэкономической политикой. В данной работе предлагается такой критерий-связка, как показатель инвестиций и их эффективности.

Регулятор создает механизм пропорционального регулирования и на его базе — кластерную архитектуру монетарного регулирования, разделяя банковский сектор на три группы: системно значимые организации; небольшие кредитные организации; прочие компании (рис. 1) [3].

К таким группам устанавливаются различные пруденциальные нормативы. Внутри каждой группы создаются банковские кластеры со своими бизнес-моделями и инструментами монетарного регулирования. Как образно выразилась Э. Набиуллина, создается «Китайская стена», задерживающая риски ликвидного заражения угрозой дефолтов [13].

Автор предлагает создание нового вида организации — регионального кластера и саморегулируемую организацию (далее — СРО) банковского регионального кластера (рис. 2). Во многих странах мира (G20) первичная кластеризация банков была осуществлена еще в 70-е гг. прошлого века. В богатейших странах уже используется архитектура их пять ярусов. Многие страны используют процессы кластеризации и считают кластеризацию синонимом конкурентоспособности. Наиболее популярная и «легкая» в исполнении — региональная кластеризация. К числу региональных кредитных кластеров могут быть отнесены относительно небольшие кредитные организации, объединенные СРО с ограниченным кругом наиболее простых банковских операций.

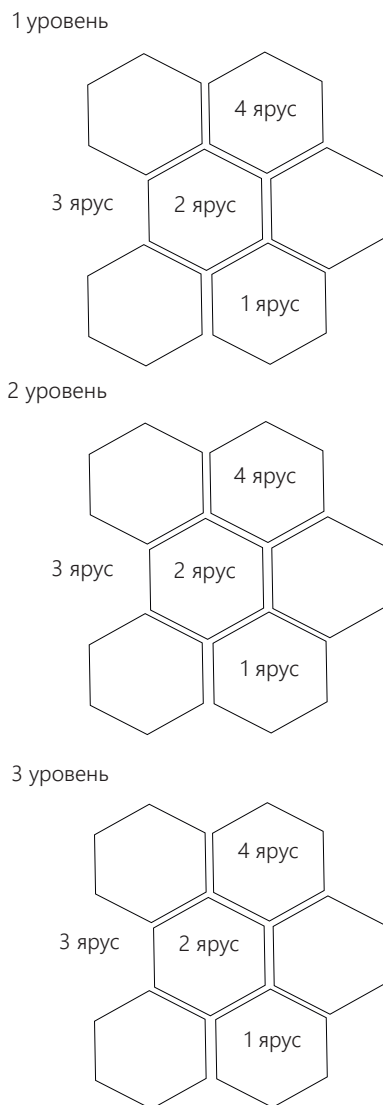
Соответственно, к системно значимым финансовым организациям будут применены повышенные пруденциальные требования (например, нормативы достаточности базового капитала уже доведены до 7,025 %; норматив капитала первого уровня составляет — 8,25 %; пруденциальное требование общего капитала — 10,525 %). К системной группе в соответствии с Базелем III Банк России ежегодно будет прибавлять три надбавки к нормативам достаточности капитала: буфер консервации; буфер системной значимости; буфер антициклической надбавки [7].



Источник: [15] / Source [15]

Рис. 1. Структура активов банковского сектора по кластерам кредитных организаций

Figure 1. Structure of banking sector assets by credit institutions clusters



Составлено автором по материалам исследования /
Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 2. Ярусная банковская система
Figure 2. Tiered banking system

Для второго уровня будет использоваться упрощенное регулирование, к остальным кредитным организациям подбираются базовые регуляторные требования в зависимости от рисков их деятельности и региональной специфики [6; 17].

Новый регулятивный сегмент в макропруденциальном регулировании (далее – МПР) должен значительно повысить точность оценки состоятельности и стрессоустойчивости банков и банковского сектора, стать надежным инструментом прогнозирования взаимозависимости динамики микро- и макроуровня, а также одним из рычагов системного управления на финансовых рынках. По сути, перечисленные сферы макро- финансового управления представляют собой пруденциальные рычаги, объектом которых

являются экономические агенты и их взаимодействие в рамках финансовых рынков.

Главной угрозой пропорционального регулирования является ослабление импульсов кривой «инвестиции-сбережения», IS. При пологой кривой инвестиций нельзя добиться эффективной инвестиционной и монетарной политики (рис. 3).

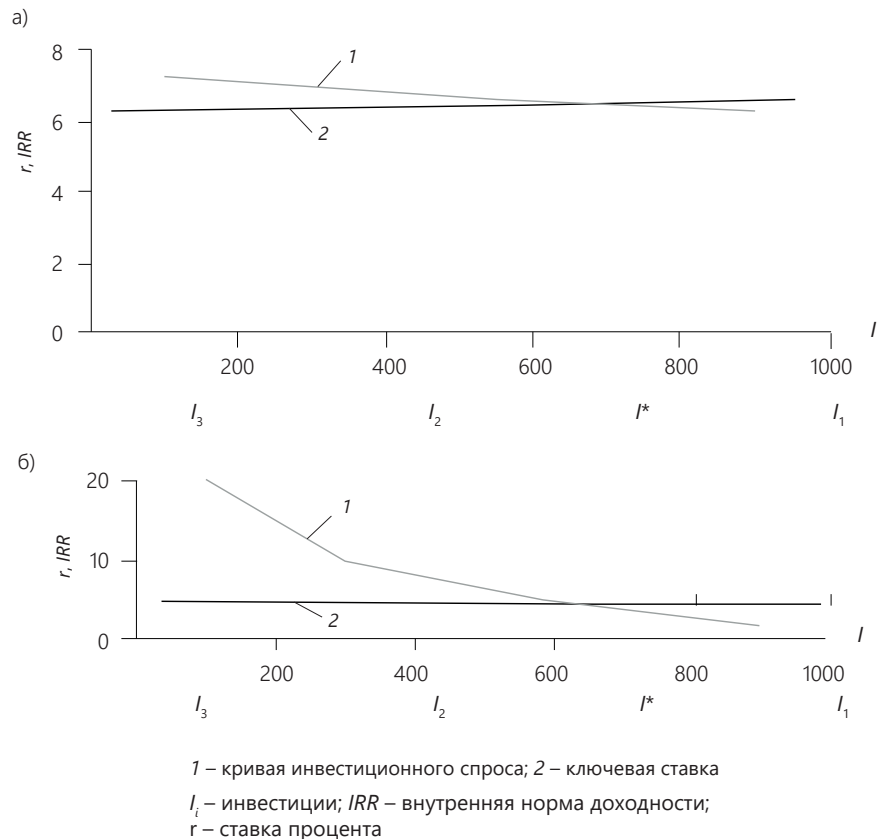
В России кривая инвестиционного спроса в настоящий момент является пологой, следовательно доходность инвестиционного критерия «внутренняя норма доходности», IRR, близка к нулю, мультипликатор инвестиций не работает, следовательно доходность инвестиционных стартапов низкая, следовательно нужны специальные усилия для изменения угла наклона кривой инвестиционного спроса, необходимы монетарные и немонетарные меры по стимулированию инвестиций (см. рис. 3а). Ниже приведены известные функции инвестиционного спроса кейнсианской теории:

$$\left. \begin{aligned} I^{pr} &= I^a - dR + MPI \cdot Y; \\ I^a &= MPI \cdot (IRR - r), \end{aligned} \right\} \quad (1)$$

где I^{pr} – производные инвестиции; I^a – автономные инвестиции; dR – зависимость инвестиций от ставки процента, угол наклона кривой инвестиционного спроса; R – доход по инвестиционному проекту; MPI – предельная склонность к инвестированию; Y – валовой национальный продукт (далее – ВВП); IRR – внутренняя норма доходности; r – ставка процента.

Изменить угол наклона инвестиционного спроса можно, меняя ВВП, ожидаемую прибыль, ставку процента по кредитам, инвестиционную политику, ожидания инвесторов и пр. Однако для России в текущий момент наиболее актуальным является изменение налоговой политики, а самым эффективным инструментом ставки налогообложения – изменение их вида (адвалорная, специфическая, комплексная). Как утверждал Дж. М. Кейнс, налоги – это обратно пропорциональные инвестиции.

Инвестиционная эффективность проектов, корпоративной инвестиционной политики будет характеризоваться системой инвестиционных критериев (NOPAT, NPV, ICF, IRR и пр.). Величина инвестиционных показателей, доля инвестиций в структуре баланса может легко стать критерием, который будет определять переход организации к обслуживанию банка другого яруса. Динамические резервы, создаваемые маневрированием с налогами посредством налогового кредита, инвестиционного налогового кредита, налоговых льгот в фондовых продуктах, позволят изменить объем требований компаний к банкам. Инвестиции – немонетарный фактор, который оказывает влияние на монетарную политику.



а) пологая кривая инвестиционного спроса; б) каноническая кривая инвестиционного спроса

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 3. Инвестиционный спрос, при различном угле наклона кривой
Figure 3. Investment demand, at different inclination angles of the curve

Основные изменяемые инструменты монетарной политики – стимулирование активности делового климата и конкуренции, дерегулирование экономики, снижение доли огосударствленных компаний, защита прав собственности миноритарных акционеров, рост капитализации фондовых инструментов. Все эти составляющие обеспечивают возможности дополнительного изменения модифицированного правила монетарной политики Тейлора, которое всегда содержало существенные возможности для маневра.

$$\begin{aligned} \text{Ключевая ставка} = & \text{Инфляционный таргет} + \\ & + \text{Реальная процентная ставка} + \\ & + 1,5\text{GAP}_i \text{ инфляции} + 0,5\text{GAP}_i F_i, \end{aligned} \quad (2)$$

где GAP_i инфляции = (Текущая инфляция – Инфляционный таргет); F_i – ВВП или иной макропоказатель.

В модели (2) GAP рассчитывают с помощью фильтра Ходрика-Прескотта так же, как и значение контрциклического коэффициента, что можно использовать в антициклической политике. Им можно управлять, изменяя процентную политику, спред по облигациям, структуру баланса.

По сути, микропруденциальность, в соответствии с докладом Э. Набиуллиной (4 июля 2019 г.), представляет собой политику обеспечения банковской конкурентоспособности, саморегулируемости финансового рынка, обеспечения глобальной конкурентоспособности компаний [8].

В настоящее время Банк России готовится к радикальным преобразованиям в системе банковского надзора и регулирования. С момента закрепления за ЦБ РФ в 2013 г. функций единого финансового регулятора еще ни разу не было такой масштабной подготовки, которая началась со всеобщего аудита банков. Как уже отмечалось выше, в соответствии с решениями, принятыми на ассамблее G20, которое в РФ вылилось в администрирование банковской системы, усиление надзорных функций и обеспечение пропорционального регулирования банковских кластеров, были изменены информационные стандарты и информационная платформа банковской системы. В настоящее время происходит создание специализированных форм отчетности XBRL, которые позволят оценить риски по всем ярусам в совокупности, что соответствует

концепции риск-ориентированного надзора и консультативного подхода. В формат XBRL включают информацию, которая позволит отследить коррупцию даже по одной сделке. Эта мера позволит адекватно-функционально распределить активы по банковским кластерам.

В число основных задач превентивного надзора входят прежде всего кредитные риски, смарт-риск, которые должны коррелировать с функциональным и региональным профилем операций банков, имеющим ярко выраженную антикоррупционную направленность. Для аналитики используют методы кластерного анализа. Сегментирование кредитного рынка в региональном разрезе позволяет оценить риски концентрации финансовых ресурсов и подобрать бизнес-модель и модель скорринга. С помощью моделей евклидова расстояния, применяемых в кластерном анализе, можно подобрать подходящих партнеров и желаемую величину потоков ликвидности в пределах кластеров (ярусов) [9]. Методики выявления кластеров (с помощью группировок, методом k -средних и пр. моделей кластеризации) может быть использовано как слепое дифференцирование по СРО. Дифференциация банков по кластерам — меры пруденциальной политики, а создание бизнес-моделей, распределение кредитов по компаниям региона, управление инвестиционными потоками — меры монетарной политики. Инвестиции могут быть балансирующим звеном между пруденциальной и монетарной политикой. Если в формуле (2) используется ВВП, то при элиминировании этого макропоказателя на составляющие можно записать сумму из потребительских расходов, валовых инвестиций, чистого экспорта и государственных расходов. В свою очередь валовые инвестиции состоят из чистых инвестиций и амортизации. Для обеспечения экономического роста необходимо, чтобы чистые инвестиции были много больше амортизации.

Макропруденциальные инструменты способны нивелировать искажение совокупного риска, сокращение резервов, завышение залоговой стоимости, эскалацию роста технических кредитов, рост претензий мажоритарных собственников. Макропруденциализм с позиций надзорных органов заключается в постоянном и последовательном формировании паритетов кластерной структуры, лежащей в основе ключевых показателей эффективности и стабильности в рамках выбора составляющих монетарной политики и ее адаптации к воологии участников мирового финансового рынка. Макропруденциальные методологии регулятора должны стать ключевыми связями банковских международных стандартов.

Банк России до сих пор не обладает надзорными полномочиями в отношении банковских холдингов, хотя, еще в 1999 г. рекомендовал мастер-банками в составе финансовых групп, составлять отчетность и представлять консолидированную отчетность XBRL по полному кругу участников группных [5; 8].

Под пруденциальными нормами деятельности понимают установленные Банком России обязательные нормативы:

- предельные величины совокупных, налоговых, кредитных рисков;
- нормы по созданию резервов: РПВС, налоговый, правовых операций;
- нормы ликвидности кредитных организаций;
- нормы отчетности и использование информационных платформ;
- нормы бухгалтерского и налогового учета;
- и др.

С 2019 г. в них закладываются ужесточающие факторы контроля, систему гарантий или залога и максимальные ориентиры [1; 3].

Поскольку цель пруденциального администрирования — защитить интересы инвесторов и клиентов банка, а также имидж и доверие к банковской системе, постольку обычно выделяют 3 функции пруденциального регулирования банковской деятельности: превентивную, защитную, обеспечительную [8; 19]. Превентивная функция, доминирующая в ракурсе пруденциального назначения, обеспечивается обязательными нормативами, распределенными по ярусам банковского кластера, и их закладывают в нормы [8; 12]. Такая организация пруденциальных норм позволяет кластеризовать банковские процессы достаточно легко. Таким образом, пруденциальное регулирование представляет собой правовую форму закрепления экономически обоснованных требований, предъявляемых к функционированию кредитных организаций, в целях повышения их финансовой устойчивости и минимизации рисков неликвидности и неплатежеспособности.

Источником системных рисков на микроуровне являются в основном банки, относящиеся к категории системообразующих финансовых институтов. Всегда существовала проблема совмещения микро- и макроанализа, прогнозирования, и системообразующие организации всегда предоставляли своего рода «проверку». Так, в периоды финансовых кризисов падение валового внутреннего продукта ряда стран (РФ, страны СНГ) составило более 60 %, для сравнения, в период Великой рецессии — 25 % [13].

Инструменты МПР (макропруденциальный политики) стали объектом систематизации и анализа

еще с 70-х гг. прошлого века, ежегодные саммиты G20 оценивали их как «островки стабильности» в кризисной финансовой среде, «спасительный круг» для «утопающего» банка [16]. Методологические разработки МПР сейчас перешли на маркеры-коэффициенты, агрегаты рисков макроуровня (в качестве агрегации могут быть использованы показатели: кредитный риск, леверидж, волатильность динамика рынка, риски волатильности процентной маржи). Дальнейшее расширение микропруденциального регулирования будет идти в направлении рискологии через включение в расчеты системных рисков ограничений контроля сроков погашения активов и обязательств банков, фондирования из нерыночных источников, минимизации рисков.

Финансовая безопасность банковской системы основывается на процессах цифровизации и сегментирования денежных потоков по ярусам в зависимости от типа лицензии [8; 16; 18].

В соответствии с решениями G20 и Basel III регулятор обновляет и корректирует правовую базу, для защиты буфера от заражения потоков ликвидности. Сохранение последовательности действующих подходов к пруденциальному регулированию позволяет надеяться на возможность перехода к длительной нейтральной денежно-кредитной политике. Закон ФЗ № 53 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» изменил ракурс действующих подходов и методов определения величины источников собственных средств и показателей, формируемых в соответствии с принципами МСФО 9 и усиления финансовых, а не бухгалтерских принципов деятельности и формирования процентной политики [2]. Прессинг бухгалтерских и налоговых принципов существенно сократил финансовые границы деятельности, что негативно сказалось на всех финансовых результатах как кредитных, так и некредитных организаций.

В рамках цифровизации банковской системы регулятор вводит с 2019 г. финансовые услуги в цифровую среду. Базовые платформы данного процесса аналогичны используемой информационной платформе Чикагской биржи для удаленной идентификации физических лиц на основе биометрических данных, особенно мажоритарной биометрии. Уровень финансовых кибератак на банки и население сейчас слишком высок. Однако отсутствуют страховые продукты, защищающие кредитные организации. Проблема финансовой безопасности легче решается, если банковский и кредитный сектор сегментированы и лимитированы функционально, особенно клиентские данные [18]. В банковский

сектор активно внедряют инновации. Наиболее яркие из них — структурные продукты, облигации с инновационными свойствами, субординированные облигации нового поколения. Эти продукты включают в налоговый портфель. Если посмотреть динамику налоговых обязательств, то можно видеть убывающую функцию, что является угрозой и для монетарного, и для бюджетного правил, и, конечно, для достижения глобальной конкурентоспособности. Банковский сектор должен быть безопасен для клиентов, это трюизм. Для многих банков на данный момент необходимо пересмотреть свою политику и выбрать основные монетарные правила и изоклинали роста [4]. Именно от способности быстро адаптироваться и разрабатывать новые технологические решения будет зависеть место конкурентного банка в кластере.

Каждый финансовый кризис оставляет после себя новые финансовые требования и инновации. Так, кризис 2008 г. принес разочарование в модели экономического капитала. Поэтому надзорный комитет Basel III утвердил границы маневрирования по совокупным и кредитным банковским рискам. Каждый банк может формировать модель риск-менеджмента, но эта модель должна быть утверждена. Банк России осуществляет валидацию банковских моделей, используя для оценки нормативы в рамках рыночного подхода и внутреннего рейтинга. Для ускорения валидации целесообразно использовать портфельную технологию, формируя кредитный и налоговый портфели. В рамках проекта «Информационная система валидации и надзора» информационная валидация будет постоянно расширять свою энтропию при одновременно жестких границах ликвидности и устойчивости как для банков, так и для всех ярусов, а также всех моделей пруденциальных резервов [2; 15].

Как уже говорилось выше, налоги по Кейнсу — это обратная величина инвестиций. Сейчас динамика налогового портфеля как кредитных, так и некредитных организаций является отрицательной. Отсутствует связь банковской деятельности с динамикой налоговой политики, что противоречит принципам регулятивной политики. Механизм должен базироваться на «трех китах»:

- обеспечении финансовой нестабильности как экотенно заданного фактора;
- управлении цикличностью и, с учетом фактора нестабильности, осуществление финансового планирования и прогнозирования;
- обеспечении эффективной трансмиссии на базе ликвидности и движении инвестиций между ярусами банков [13; 15].

Бизнес-модель каждого банковского уровня должна содержать отличия не только по пруденциальным нормативам. Для банка бизнес-модель — механизм увеличения клиентуры и финансовой мощи. Бизнес-модель служит для описания основных принципов развития организации. Она должна включать четыре основные сферы бизнеса: взаимодействие с клиентом, предложение кредитов, процедуры деятельности и финансовую эффективность. Бизнес-модель — отражение реализации выбранной стратегии. Бизнес-модель каждого яруса будет отличаться: ценностными предложениями и ключевыми ресурсами, сегментами, рисками, рыночными субъектами, ограничениями в деятельности и надзорными полномочиями регулятора. Основной ориентир каждой бизнес-модели — упрощение управления и возможность кредитной организации выбрать свою специализацию (на выбор Банк России дает 4 года).

Моделирование каждого банковского кластера, его функций, возможной эффективности осуществляют многие исследователи. Основным инструментом — модель общего экономического равновесия DSGE. Достаточно интересным является вариант кластеризации, предложенный Г. Гамбаровым и А. Варданяном [9]. Модель автора почти повторяет ее, но имеет различие при определении структуры. В предлагаемой нами модели три яруса, и в каждом ярусе может быть несколько кластеров (см. рис. 2). Основной акцент делается на на горизонтальных связях. В горизонтальном срезе собраны банки разных секторов, но примерно одинаковой финансовой мощью. Перелив капиталов осуществляется в соответствии с доходностью. Однако в долгосрочном периоде доходности всех секторов в среднем одинаковые. Это принцип действия кластера. Следовательно, основным инструментом накоплений инвестиций — мобильность и гибкость ключевых ресурсов банка, актуальность финансируемых им проектов.

Рассмотрим следующую модель. Пусть L — множество всех банков, $j = 3$ — количество ярусов, n — количество кластеров в ярусе в зависимости от производственной структуры региона; k — количество

банков в кластере; I_c — инвестиции по проекту c . Величина инвестиций и доля инвестиций в структуре баланса компании определяет банковский ярус. Как показывает статистика при инвестировании на кредиты банков приходится меньше половины от суммы инвестирования. В основном проекты финансируются за счет собственных средств. Далее, A — величина активов банка, K — капитал банка, T_n , T_k — налоговый и кредитный портфели, которые формируются в кредитной и некредитной организациях. Величину налогового и кредитного портфелей в процентном выражении можно считать константой для каждого яруса.

$$\text{Для } I \in \left\{ \begin{matrix} K_a \\ K_b \\ K_e \end{matrix} \right\} = L : I_{ncj} \leq K_c k_j : \sum_{j=1}^3 I_{cj} \cdot (3)$$

Данная модель может содержать инвестиционную «связку» между налоговым и инвестиционным портфелями. Ограничение модели, как указывалось выше, содержит величину инвестиций. Банк, выбирая инвестиционный проект, выбирает доходность своих операций, процедура может сформировать основные кластеры на базе критериев: число участников; объем ликвидности; уровень рисков; выручка контрагентов; конкурентоспособность контрагентов. Функционирование банковской системы с акцентом на поиск инвестирования приведет к деформациям трансмиссионного механизма и изменит положение инвестиционной кривой.

Структура банковского сектора пока гетерогенна, несмотря на то, что в РФ действующих кредитных организаций на декабрь 2019 г. — 442, из них банки — 402, небанковские кредитные организации — 40 [15]. Многие представители бизнеса рассматривают банковские ярусы как аналог офисной сети. В этом случае в пределах одного холдинга будут перемещаться денежные потоки, но, как показывает практика, мобильность и управляемость холдингов оставляет желать лучшего. Увеличение

Таблица 1

Денежные потоки банков

Table 1. Bank cash flows

Уровень банковского яруса по кластеру «крупные, средние и частные»	Стартовый капитал, %	Доля перераспределения по доходности инвестиций, %	Скорость перераспределения, месяцы	Коэффициент накопления активов банковским ярусом, %
1	0,1	0,3	6	1,05
2	0,3	3	4	1,02
3	0,6	4	0	1,01

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

доли банковских холдингов в РФ приведет к замедлению трансмиссии.

Эффективность трансмиссии монетарной политики определяется скоростью импульсов и силой их распространения. Алгоритм оценки деформации воздействия показателей монетарной политики на корпоративные индикаторы инвестиционной эффективности можно представить следующим образом.

Этап I:

1) определяют природу кластеров нефинансовых организаций: ассоциация или консорциум. Исходя из организационно-экономической формы находят границы функций, титулы собственности и связанные с ними инвестиции и формы инвестирования;

2) определяют потребность в дополнительных гарантиях по анализируемым сегментам рынка.

Этап II:

1) проводится оценка типовых стартапов, масштаб предоставляемых услуг, необходимой финансовой инфраструктуры;

2) анализируется потенциал кластера;

3) определяется текущая потребность во внешнем финансировании и его стоимость;

4) определяется форма внешнего финансирования: кредиты, ценные бумаги (облигации, структурные продукты, векселя и пр.).

Этап III:

1) оценивается устойчивость к риску ликвидности в рамках стрессовых сценариев;

2) определяется ярус обслуживающего банка.

Процесс накопления должен иметь внутренний стабилизатор, в качестве которого могут быть налоговые льготы по ценным бумагам, предусмотренные налоговым портфелем.

Определим на ближайшие годы основные приоритеты. Первое – развитие программ облигаций и структурных продуктов. Второе – формирование источников длинных денег через пенсионные накопления и страховые продукты. К сожалению, в этих двух сферах царствует мисселинг. Третье – повышение качества корпоративного управления. Четвертое, самое проблемное, – повышение качества защиты прав потребителей финансовых услуг.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», редакция от 26.07.2019 № 248-ФЗ, с изменениями, внесенными ФЗ № 149 от 17.06.2019 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения 23.09.2019).
2. Федеральный закон от 07.03.2018 № 53 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения 23.09.2019).
3. Постановление Правительства РФ от 19.07.1999 № 829 (редакция от 08.08.2003) «О Заявлении Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации об экономической политике в 1999 г.» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения 23.09.2019).
4. Инструкция Банка России от 28.06.2017 № 180-И (ред. от 06.05.2019) «Об обязательных нормативах банков» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения 23.09.2019).

Reference

1. Federal'nyi zakon ot 22.04.1996 № 39-FZ "O rynke tsennykh bumag", redaktsiya ot 26.07.2019 № 248-FZ, s izmeneniyami, vnesennymi FZ № 149 ot 17.06.2019 [Federal Law dated on April 22, 1996 No. 39-FZ "On the Securities Market", revised on July 26, 2019 No. 248-FZ, as amended by Federal Law dated on June 17, 2019 No. 149-FZ], SPS «KonsultantPlyus» [Legal reference system «Consultant Plus»]. Available at: <http://www.consultant.ru/document/cons> (accessed 23.09.2019).
2. Federal'nyi zakon ot 07.03.2018 № 53 «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law, dated on March 7, 2018 No. 53 "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation"], SPS «KonsultantPlyus» [Legal reference system «Consultant Plus»]. Available at: <http://www.consultant.ru/document/cons> (accessed 23.09.2019).
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 19.07.1999 № 829 (redaktsiya ot 08.08.2003) "O Zayavlenii Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii i Tsentral'nogo banka Rossiiskoi Federatsii ob ekonomicheskoi politike v 1999 g" [Decree of the Government of the Russian Federation dated on July 19, 1999 No. 829 (edition on August 8, 2003) "On the Statement of the Government of the Russian Federation and the Central Bank of the Russian Federation on Economic Policy in 1999"], SPS

5. Проект Положения Банка России «О порядке расчета норматива чистого стабильного фондирования («Базель III») системно значимыми кредитными организациями» (по состоянию на 29.12.2016) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения 23.09.2019).
6. ISO 17442:2012, International Standards Organization // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения 23.09.2019).
7. Директива Европейского Союза от 15.05.2014 г. № 65/EU «О рынках финансовых инструментов и внесении изменений в Директиву Европейского союза 2002/92/ЕС и Директиву 2011/61/EU (далее – Mifid 2)» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения 23.09.2019).
8. Выступление Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной на XXVIII Международном финансовом конгрессе 4 июля 2019 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru> (дата обращения 23.09.2019).
9. Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru> (дата обращения 23.09.2019).
10. Гамбаров, Г., Вардanian, А. Анализ структуры трансмиссии ликвидности на рынке межбанковских кредитов // Аналитическая записка департамента финансовой стабильности Банка России. 2017. № 5.
11. Ерпылева, Н. Ю. Международное банковское право. Монография. М.: ВШЭ. 2012. 671 с. eLIBRARY ID: 26901607.
12. Леонидов, А. В., Румянцев, Е. Л. Оценка системных рисков межбанковского рынка России на основе сетевой топологии // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3 (19). С. 65–80.
13. Маркова, О. М. Особенности деятельности региональных банков в условиях введения системы пропорционального регулирования // Интерактивная наука. 2017. № 4 (14). С. 154. DOI 10.21661/r-119713.
14. Поздышев, В. А. Банковское регулирование в 2019–2020 годах: основные изменения и перспективы развития // Деньги и кредит. 2019. № 1. С. 9–17.
15. Узденов, Ш. Ш. О проекте пропорционального регулирования в банковской сфере России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 4. DOI: 10.17803/2311-5998.2017.29.1.98-104.
16. Braverman, A., Minca, A. Networks of Common Asset Holdings: Aggregation and Measures of Vulnerability. 2014. (available at SSRN).
17. Broeders D., Prenio J. Innovative technology in financial supervision (suptech) – the experience of early users / Financial Stability Institute // FSI Insights on policy implementation. 2018. No. 9.
18. Cont, R. Wagalath, L. Running for the Exit: Distressed Selling and Endogenous Correlations in Financial Markets // Mathematical Finance. 2013. Vol. 23. P. 718–741.
19. Easley, D., Kleinberg, J. Networks, crowds, and markets: Reasoning about a highly connected world. Cambridge University Press. 2010.
20. Lagunoff, R., Schreft, L. A Model of Financial Fragility // Journal of Economic Theory. 2001. No. 99. P. 220–264.
- “KonsultantPlyus” [Legal reference system “Consultant Plus”]. Available at: <http://www.consultant.ru/document/cons> (accessed 23.09.2019).
4. Instruksiya Banka Rossii ot 28.06.2017 № 180-I (red. ot 06.05.2019) “Ob obyazatel’nykh normativakh bankov” [Instruction of the Bank of Russia dated on June 28, 2017 No. 180-I (as amended on May 6, 2019) “On mandatory ratios of banks”], SPS “KonsultantPlyus” [Legal reference system “Consultant Plus”]. Available at: <http://www.consultant.ru/document/cons> (accessed 23.09.2019).
5. Proekt Polozheniya Banka Rossii “O poryadke rascheta normativa chistogo stabil’nogo fondirovaniya (Bazel’ III) sistemno znachimymi kreditnymi organizatsiyami” (po sostoyaniyu na 29.12.2016) [Draft Regulation of the Bank of Russia “On the Procedure for Calculating the Net Stable Funding Standard (Basel III) by Systemically Important Credit Institutions” (as of December 29, 2016)], SPS “KonsultantPlyus” [Legal reference system “Consultant Plus”]. Available at: <http://www.consultant.ru/document/cons> (accessed 23.09.2019).
6. ISO 17442:2012 / International Standards Organization [ISO 17442: 2012 / International Standards Organization], SPS “KonsultantPlyus” [Legal reference system “Consultant Plus”]. Available at: <http://www.consultant.ru/document/cons> (accessed 23.09.2019).
7. Direktiva Evropejskogo Soyuza ot 15.05.2014 g. № 65/EU “O rynkakh finansovykh instrumentov i vnesenii izmenenii v Direktivu Evropejskogo soyuza 2002/92/EC i Direktivu 2011/61/EU” (dalee – Mifid 2) [Directive of the European Union dated on May 5, 2014 No. 65 / EU “On the markets of financial instruments and amending Directive 2002/92 / EC and Directive 2011/61 / EU” (hereinafter – Mifid 2)], SPS “KonsultantPlyus” [Legal reference system “Consultant Plus”]. Available at: <http://www.consultant.ru/document/cons> (accessed 23.09.2019).
8. Vystuplenie Predsedatelya Banka Rossii El’viry Nabiullinoi na XXVIII Mezhdunarodnom finansovom kongresse 4 iyulya 2019 goda [Speech by the Chairman of the Bank of Russia Elvira Nabiullina at the XXVIII International Financial Congress on July 4, 2019]. Available at: <http://www.cbr.ru> (accessed 23.09.2019).
9. Ofitsial’nyi sait Tsentral’nogo Banka Rossiiskoi Federatsii [Official website of the Central Bank of the Russian Federation], Available at: <http://www.cbr.ru> (accessed 23.09.2019).
10. Gambarov G., Vardanyan A. Analiz struktury transmissii likvidnosti na rynke mezhbankovskikh kreditov [Analysis of the structure of liquidity transmission in the interbank loan market], Analiticheskaya zapiska departamenta finansovoy stabil’nosti Banka Rossii [Analytical note of the Department of Financial Stability of the Bank of Russia], no. 5, 2017, March, 37 p.
11. Erpyleva N. Yu. Mezhdunarodnoe bankovskoe pravo. Monografiya [International Banking Law. Monography], Moscow, VSHE, 2012, 671 p. eLIBRARY ID: 26901607.
12. Leonidov A. V., Rumyantsev E. L. Otsenka sistemnykh riskov mezhbankovskogo rynka Rossii na osnove setevoy topologii [Assessment of systemic risks of the interbank market of Russia based on network topology], Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Assotsiatsii, [Journal of the New Economic Association], 2016, no. 3 (19), pp. 65–80.
13. Markova O.M. Osobennosti deyatel’nosti regional’nykh bankov v usloviyakh vvedeniya sistemy proporsional’nogo regulirovaniya [Features of the activities of regional banks in the context of the introduction of the proportional regulation system], Interaktivnaya nauka, [Interactive Science], 2017, no. 4 (14), 154 p. DOI 10.21661/r-119713.

14. Pozdyshev V. A. Bankovskoe regulirovanie v 2019-2020 godakh: osnovnye izmeneniya i perspektivy razvitiya [*Banking regulation in 2019-2020: the main changes and development prospects*], Den'gi i Kredit [*Money and Finance*], 2019, no. 1, pp. 9–17.
15. Uzdenov Sh., Sh. O proekte proporcional'nogo regulirovaniya v bankovskoi sfere Rossii, [*On the project of proportional regulation in the banking sector of Russia*], Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina, 2017, no. 4, 98 p. DOI: 10.17803/2311-5998.2017.29.1.98-104.
16. Braverman A., Minca A. Networks of Common Asset Holdings: Aggregation and Measures of Vulnerability, 2014.
17. Broeders D., Prenio J. Innovative technology in financial supervision (suptech) – the experience of early users / Financial Stability Institute // FSI Insights on policy implementation. 2018. no. 9.
18. Cont R., Wagalath L. Running for the Exit: Distressed Selling and Endogenous Correlations in Financial Markets, Mathematical Finance, 2013, vol. 23, pp. 718–741.
19. Easley D., Kleinberg J. Networks, crowds, and markets: Reasoning about a highly connected world, Cambridge University Press, 2010.
20. Lagunoff R., Schreft L. A Model of Financial Fragility, Journal of Economic Theory, 2001, no. 99, pp. 220–264.

Эффективность формирования инновационной экосистемы как элемента стратегического развития территории

Корчагина Ирина Васильевна¹, Сычёва-Передеро Ольга Валерьевна²

¹канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»,
г. Кемерово, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-3297-3259, e-mail: korchagina-i@mail.ru

²канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»,
г. Кемерово, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-1051-4182, e-mail: ovsp2006@rambler.ru

Аннотация

В статье проанализирована проблема оценки и обоснования эффективности затрат на создание различных элементов инновационной экосистемы территорий, в частности, регионов. Большинство субъектов Российской Федерации ведут работу по формированию инновационных экосистем в контексте стратегического управления экономикой. Однако при этом возникает вопрос о бюджетной и экономической эффективности затрат. Целью статьи является разработка методического подхода и основных направлений определения эффективности формирования инновационных экосистем.

Показано, что некорректно оценивать эффективность только по непосредственному бюджетному эффекту. На основе экспертных интервью определены и классифицированы основные эффекты от развития инновационной экосистемы региона, что позволило уточнить конкретные направления влияния инновационной экосистемы на ряд экономических показателей, включая валовой региональный продукт. Предложены формулы для расчета важнейших эффектов от развития инновационных экосистем в стоимостном выражении. Отмечено влияние инновационных экосистем на достижение публичных целей социально-экономического развития территорий. На основе данных о развитии инновационной экосистемы с ядром в виде регионального опорного университета и реализации студенческих предпринимательских проектов определены ключевые эффекты, возникающие благодаря затратам из различных источников.

Показано, что дополнительные затраты на развитие инновационных экосистем могут быть вполне оправданы при условии реализации полноценной воронки проектов. Уделено внимание проблеме более полных и точных оценок долгосрочных эффектов развития инновационной экосистемы для пространственной значимости, миграционной привлекательности, развития человеческого капитала территории. Сделаны выводы о значительном влиянии затрат на формирование инновационной экосистемы на развитие территории (как существующем, так и потенциальном).

Ключевые слова: эффективность, инновационная экосистема, регион, управление развитием, технологическое предпринимательство, стратегия.

Цитирование: Корчагина И.В., Сычёва-Передеро О.В. Эффективность формирования инновационной экосистемы как элемента стратегического развития территории // Управление. 2019. № 4. С. 44–53.

Благодарности. Публикация подготовлена по результатам выполнения научно-исследовательской работы, финансируемой из средств ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» на тему «Формирование инновационной экосистемы технологического предпринимательства как фактор снижения монозависимости региона».

© Корчагина И.В., Сычёва-Передеро О.В., 2019. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)



JEL O30

DOI 10.26425/2309-3633-2019-4-44-53

Received: 07.10.2019

Approved: 08.11.2019

Published: 20.12.2019

The effectiveness of an innovation ecosystem formation as territory strategic development element

Korchagina Irina¹, Sychjova-Peredero Olga²

¹Candidate of Economic Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia,
ORCID: 0000-0002-3297-3259, e-mail: korchagina-i@mail.ru

²Candidate of Economic Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia,
ORCID: 0000-0002-1051-4182, e-mail: ovsp2006@rambler.ru

Abstract

The problem of assessing and justifying the cost-effectiveness of creating various elements of an innovation ecosystem of territories, in particular, regions has been analyzed in the article. Most of the constituent entities of the Russian Federation are working on the formation of innovative ecosystems in the context of strategic economic management. However, this raises the issue of budget and economic cost-effectiveness. The purpose of the article is to develop a methodological approach and the main directions of determining the effectiveness of the formation of innovative ecosystems.

It has been shown, that it is incorrect to evaluate efficiency only by the direct budget effect. Based on expert interviews the main effects of the development of the region's innovation ecosystem have been identified and classified. It has been allowed us to clarify specific areas of the influence of the innovation ecosystem on a number of economic indicators, including the gross regional product. The formulas for calculating the most important effects of the development of innovative ecosystems in terms of value have been proposed. The influence of innovation ecosystems on the achievement of public goals of socio-economic development of territories has been noted. Based on data on the development of an innovation ecosystem with a core in the form of a regional support university and the implementation of student entrepreneurial projects, key effects arising from costs from various sources have been identified.

It has been shown, that additional costs for the development of innovative ecosystems can be fully justified, provided that a full-fledged funnel of projects is implemented. Attention has been paid to the problem of more complete and accurate assessments of the long-term effects of the development of an innovation ecosystem for spatial significance, migration attractiveness, and the development of human capital of the territory. Conclusions about the significant impact of costs on the formation of an innovation ecosystem on the development of the territory (both existing and potential) have been made.

Keywords: efficiency, innovation ecosystem, region, development management, technological entrepreneurship, strategy.

For citation: Korchagina I.V., Sychjova-Peredero O.V. The effectiveness of an innovation ecosystem formation as territory strategic development element (2019) *Upravlenie*, 7 (4), pp. 44–53. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-44-53

Acknowledgments. The publication was prepared based on the results of research work funded from the funds of the Kemerovo State University on the theme "Formation of an innovative ecosystem of technological entrepreneurship as a factor in reducing the region's mono-dependence".

© The Author(s), 2019. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)



Проблематика инновационного развития продолжает оставаться одной из центральных тем научного дискурса, а также управленческой повестки [3; 6]. Важнейшим компонентом такого типа развития выступает создание инновационных экосистем. В зарубежной и отечественной литературе устоялось понимание инновационной экосистемы, как системы качественно нового уровня зрелости. Ее отличительными чертами являются состав участников (наряду с традиционными участниками инновационной деятельности — это венчурные инвесторы, поставщики компетенций), а также сложные нетрадиционные формы взаимодействия — коллаборация, сотруенция и т. д. В инновационной экосистеме складываются специфическая институциональная среда и социальный капитал участников [5; 15]. Все это обуславливает значительно более высокую продуктивность процессов коммерциализации исследований и разработок, выход на новый уровень инновационного развития государств и регионов. Результатом функционирования продуктивной инновационной экосистемы является, в первую очередь, создание значительного числа инновационных, технологических предпринимательских фирм (стартапов). В данном контексте широко известны кейсы Кремниевой долины, экосистемы Массачусетского технологического института, а также опыт скандинавских стран по проектированию собственных инновационных экосистем [12; 16].

Привлекательность инновационной экосистемы в глазах лиц, принимающих решения, достаточно высока, чтобы активно инициировать создание собственных экосистем в рамках документов стратегического планирования субфедерального уровня. Однако одним из наиболее серьезных затруднений продолжает оставаться недостаточная изученность причинно-следственных связей между усилиями, мероприятиями, бюджетными затратами по развитию инновационной экосистемы с одной стороны, и получаемыми результатами — с другой. Как правило, при разработке документов стратегического планирования, принятии решений о распределении финансирования, должностные лица и органы власти по объективным причинам стремятся получить ответ на вопрос «что получит регион от очевидных на данный момент затрат на развитие инновационной экосистемы?». Проведенные в ходе подготовки работы экспертные интервью, а также личный опыт авторов по реализации различных инновационных проектов показывают, что исчерпывающим образом оценить эффективность затрат по построению инновационной экосистемы достаточно сложно.

В существующих исследованиях этот вопрос раскрыт недостаточно, что не позволяет предложить практике конкретные рекомендации. Наиболее известные примеры инновационных экосистем в странах со зрелой рыночной экономикой складывались во многом самостоятельно, не планировались и не формировались органами власти. Кроме того, специфика отечественной экономики, инновационной сферы не предполагает прямого заимствования зарубежных подходов. Что касается скандинавских стран с более широким использованием дирижизма в инновационной сфере, то, например, в Финляндии профильное правительство Business Finland рассматривает традиционные показатели экономического эффекта — количество создаваемых рабочих мест, прирост налоговых поступлений, экспортный потенциал [8; 7]. Данные об используемых в Китае критериях эффективности создания технополисов в качестве локальных инновационных экосистем в англоязычной и, тем более, российской литературе фактически не представлены.

В качестве конкретного примера определения эффективности бюджетных затрат И. Ф. Зернин с соавторами отмечают, что в Томском политехническом университете (далее — ТПУ) после реализации программы «Вовлечение молодежи в инженерную и предпринимательскую деятельность» создано «свыше 10 компаний с более чем 50 рабочими местами, которые платят налоги в государственный бюджет в размере достаточном, чтобы компенсировать средства, потраченные на программу» [8, с. 123]. Однако конкретных данных о затратах и бюджетном эффекте не приводится. Представленные в литературе разработки по эффективности бюджетных затрат так или иначе ориентируются на традиционные экономические показатели и не носят законченного характера. М. В. Парфенова анализировала корреляционно-регрессионные связи между бюджетными затратами и статистическими показателями инновационной деятельности, что важно, но недостаточно, так как наличие результатов инновационной деятельности еще не означает экономического эффекта [11]. Н. М. Абдикеев с соавторами также рассматривали влияние бюджетных расходов на показатели инновационной деятельности (выдача патентов, используемые передовые технологии) и прирост налоговых доходов в целом, делая вывод о снижении отдачи от них [2]. Значительная межрегиональная дифференциация бюджетных затрат на инновационную деятельность отмечена в работе Н. Е. Егорова и др. [7].

Имеющиеся в литературе разработки недостаточны для определения эффективности затрат на формирование инновационных экосистем в силу двух групп причин. Во-первых, непосредственный экономический эффект в виде прироста валового внутреннего продукта или валового регионального продукта (далее — ВРП), создания новых рабочих мест, увеличения налоговых поступлений от инновационных, технологических фирм обычно не столь велик, в силу того, что это субъекты малого и среднего предпринимательства. При его непосредственном сопоставлении с бюджетными затратами могут быть получены ошибочные выводы, если не учитывать очень значительный для инновационного типа развития эффект мультипликатора, то есть деятельности инновационных фирм в качестве «точек роста». Необходимо оценивать влияние инновационных, в частности, технологических, малых и средних предприятий на экономику территории в целом. Существующие подходы, в рамках которых рассматривают лишь бюджетный эффект либо непосредственный вклад в объемы производства, по своей сути предназначены для оценки традиционных, а не инновационных видов экономической деятельности.

Во-вторых, наличие продуктивной инновационной экосистемы, технологического предпринимательства, новых секторов экономики, постиндустриальных форматов деятельности связано с повышением пространственной значимости территории, ростом как инвестиционной, так и миграционной привлекательности, повышением человеческого и социального капитала. Данные эффекты имеют особое значение в современной экономике. В отсутствие инновационных экосистем и развития новых постиндустриальных форматов деятельности происходит процесс реверсификации

экономики, территория быстро теряет человеческий и финансовый капитал.

Целью исследования является разработка методического подхода и основных направлений определения эффективности затрат на формирование инновационных экосистем регионов. На первом этапе исследования были проведены интервью с 12 экспертами, в ходе которых задавались, в частности, следующие вопросы: «каковы, с вашей точки зрения, основные эффекты от развития инновационной экосистемы для развития экономики территории?»; «на что может повлиять формирование собственной инновационной экосистемы?»; «какие эффекты можно назвать в качестве результата развития инновационной экосистемы (кроме традиционных — рост налогооблагаемой базы, создание рабочих мест)?». Обобщение ответов позволило систематизировать основные эффекты от развития инновационной экосистемы региона (табл. 1).

Результаты экспертных интервью позволяют говорить о трех основных направлениях воздействия инновационной экосистемы на развитие территории. Во-первых, непосредственное, прямое влияние развитие инновационной экосистемы имеет на традиционные экономические показатели, в первую очередь интересующие органы власти — ВРП, высокопроизводительные рабочие места и фискальный эффект, однако они должны рассматриваться с учетом эффекта мультипликатора. Высказанная в этой связи гипотеза полностью подтвердилась в ходе экспертных интервью, когда специалисты однозначно высказывались за исследование всех экономических последствий появления новой технологической фирмы. Во-вторых, чрезвычайно важна группа эффектов, связанных с ростом пространственной значимости территории. Между

Таблица 1

Классификация эффектов от развития инновационной экосистемы территории

Table 1. Effects classification from the territory innovation ecosystem development

Макроэкономические эффекты (прямое воздействие)	Рост пространственной значимости (прямое и косвенное воздействие)	Социальные и институциональные эффекты (опосредованное воздействие)
Рост ВРП с учетом мультипликативного эффекта	Повышение миграционной привлекательности (удержание, привлечение носителей качественного человеческого капитала)	Развитие человеческого капитала (в сферах коммерциализации инноваций, технологического предпринимательства и т. п.)
Прирост высокопроизводительных рабочих мест с учетом мультипликативного эффекта	Повышение инвестиционной привлекательности, привлечение стратегических инвесторов	Развитие социального капитала (доверие, социальная связность, пространство для коммуникации) для инновационной деятельности
Прирост налогооблагаемой базы консолидированного бюджета субъекта с учетом мультипликативного эффекта	Появление региона «на федеральных радарх», рост рейтинговых позиций, повышение вероятности получения федеральных средств	Развитие институциональной среды инновационной экономической деятельности
Повышение инвестиционной активности		

Составлено по материалам исследования / Compiled on the materials of the stud

субъектами Российской Федерации обостряется конкурентная борьба за привлечение человеческого, финансового капитала, а также федеральные трансферты. Поскольку инновационные виды деятельности значительно привлекательнее для капитала, чем традиционные, развитие инновационной экосистемы повышает конкурентоспособность территории. Ряд экспертов отметил в качестве важного результата усилий по построению инновационной экосистемы улучшение имиджа, авторитета региона в глазах лиц, принимающих решение на федеральном уровне («как выглядит регион на федеральных радарх»). Данное обстоятельство существенно влияет на распределение бюджетных средств по различным программам и проектам развития.

Кроме того, формирование инновационной экосистемы обуславливает ряд положительных социально-институциональных эффектов. Среди них можно выделить развитие социального капитала инновационной деятельности. Дело в том, что в «четвертичном» секторе экономики («экономика знаний») объективно необходимы связность, плотность социальных контактов инноваторов, доверие между ними, тесная коммуникация и контакт с клиентами, что предполагает, в частности, наличие современных комфортных пространств общения и взаимодействия. Поэтому становятся необходимыми затраты на площадки, мероприятия и проекты, влияющие на социальный капитал регионального бизнеса.

Не ставя задачи в рамках одной статьи представить строгие количественные методики измерений всех выделенных в исследовании эффектов, остановимся на трех из них: увеличение ВРП, рост инвестиционной привлекательности, развитие социального капитала. Оценка влияния инновационной экосистемы на динамику ВРП региона должна быть основана на определении макроэкономического потенциала технологических фирм — стартапов как базовой формы коммерциализации научно-технического задела и инноваций. Именно стартап является точкой роста региональной экономики. При этом имеет место так называемая воронка стартапов, когда на каждой стадии число участников уменьшается в 2–10 раз, а для реализации одного успешного проекта нужно отработать несколько сотен идей и несколько десятков конкретных инициатив [8]. Тогда потенциальный прирост ВРП благодаря появлению технологических фирм можно приближенно оценить как

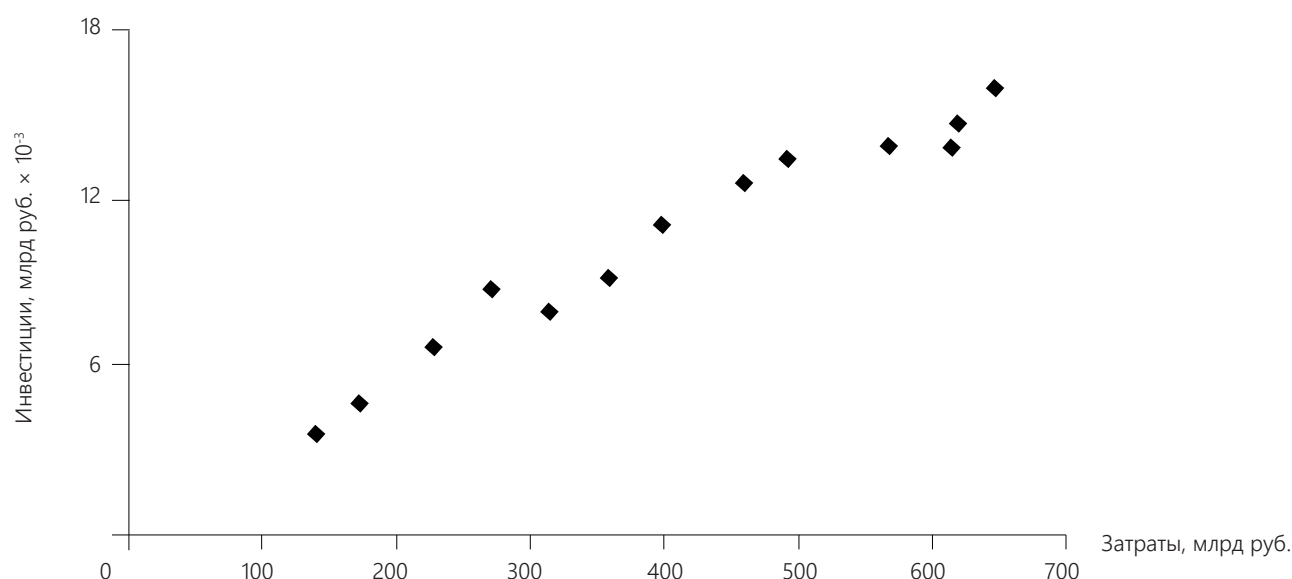
$$\Delta \text{ВРП} = N \lambda V M, \quad (1)$$

где $\Delta \text{ВРП}$ — прирост валового регионального продукта благодаря деятельности стартапов, тыс. руб.; N — число участников инновационной экосистемы, участвующих в проектах инициирования и акселерации стартапов, чел.; λ — вероятность возникновения успешного стартапа, долей ед.; V — валовая добавленная стоимость, создаваемая одним стартапом, тыс. руб.; M — мультипликатор (безразмерный коэффициент), показывающий соотношение между валовой добавленной стоимостью технологической фирмы и итоговым приростом ВРП.

Формула (1) не учитывает временной лаг, то есть распределенные по годам последствия деятельности технологических фирм, созданных в предыдущие годы. Однако, поскольку в большинстве случаев речь идет о начальном этапе создания инновационных экосистем, такое допущение может быть оправдано. В свою очередь, затраты на формирование инновационной экосистемы территории для сопоставления с величиной $\Delta \text{ВРП}$ могут быть определены методом прямого счета на основе данных о понесенных региональным бюджетом затратах.

Эффект повышения инвестиционной привлекательности связан с привлечением стратегических инвесторов нового типа, заинтересованных во вложениях в четвертичный сектор экономики, венчурных инвесторов. Кроме того, возможен также рост инвестиционной привлекательности через повышение производительности и эффективности базовых отраслей, где внедрены новые технологии. Приближенная оценка влияния затрат по формированию инновационной экосистемы может быть получена через анализ соответствующих эмпирических данных в разрезе субъектов Российской Федерации. Поскольку инвестиционная привлекательность в форме позиций в различных рейтингах либо величины инвестиций в основной капитал зависит от ряда факторов, на основе корреляционно-регрессионного анализа можно выделить вклад затрат на развитие инновационной экосистемы (рис. 1).

Представленная диаграмма отражает взаимосвязь внутренних бюджетных затрат в России на исследование и разработки (горизонтальная ось) с инвестициями в основной капитал (вертикальная ось) за 2005–2017 гг. Хотя затраты на исследования и разработки не совпадают точно с затратами на развитие инновационной экосистемы (такая категория, вообще, отсутствует в статистическом учете и может быть получена только непосредственным полевым исследованием), при анализе на мезоуровне построение соответствующих уравнений регрессии позволит определить их воздействие на изменение инвестиционной привлекательности.



Составлено авторами по материалам исследования источника [13] / Compiled by the authors on the materials [13]

Рис. 1. Влияние внутренних бюджетных затрат на исследования и разработки, на инвестиции в основной капитал в Российской Федерации, 2005–2017 гг., млрд руб.
Figure 1. The domestic budgetary expenditures influence on research and development on investments in fixed assets in the Russian Federation, 2005–2017, billion rubles

Для этого может быть использован коэффициент при объясняющей переменной, который показывает, насколько изменяется зависимая переменная при изменении независимой (объясняющей). Например, по данным рисунка 1 при построении линейной регрессии уравнение имеет вид

$$Y = 22,17X + 1457,7, \quad (2)$$

где Y — инвестиции в основной капитал, млрд руб.; X — внутренние затраты на исследования и разработки, млрд руб.

Экономическая интерпретация выражения (2) может быть следующей: 1 руб. затрат бюджета на исследования и разработки приводит к росту инвестиций в основной капитал около 22,2 руб., что говорит о значительной отдаче от вложений в создание новых технологий. Аналогичный расчет по данным полевых исследований на региональном уровне, по мнению авторов, позволит судить о влиянии затрат по созданию инновационной экосистемы на инвестиционную привлекательность и активность в регионе. По мере накопления временных рядов данных для исследования данных взаимосвязей может использоваться модель с временным лагом

$$Y_t = a_0 + b_0x_t + \dots + b_px_{t-p} + \varepsilon_t, \quad (3)$$

где Y_t — инвестиции в основной капитал в период времени t , млрд руб.; a_0 — свободный член, показывающий теоретическую величину инвестиций в отсутствие затрат на формирование инновационной экосистемы, млрд руб.; b_0 — коэффициент при объясняющей переменной, показывающий изменение независимой переменной при изменении объясняющей переменной на одну единицу; x — затраты на создание инновационной экосистемы, млрд руб.; ε_t — случайная величина («белый шум»).

Что касается влияния затрат по созданию инновационной экосистемы на социальный капитал инновационно-предпринимательского сообщества, то здесь использование систематизированных количественных данных представляется проблематичным, особенно с учетом того, что субъект управления интересуется не социальный капитал сам по себе, а его влияние на развитие четвертичного сектора. Поскольку измерение социального капитала обычно опирается на различные опросы, установление соответствующих взаимосвязей предполагает опрос предпринимательского сообщества в течение нескольких лет, после чего возможен количественный анализ причинно-следственных связей [4; 9]. Представляется, что создание специальных площадок и проведение мероприятий по интенсификации социальных контактов, установлению новых связей в рамках создания, в частности, инновационной

инфраструктуры окажет положительное влияние на социальный капитал предпринимательского сообщества.

В контексте оценки целесообразности формирования инновационной экосистемы с точки зрения региональных органов власти целесообразно рассмотреть также ее связь с ключевыми публичными целями, закладываемыми в документах стратегического планирования. В таблице 2 представлены основные направления влияния инновационной экосистемы на реализацию целей стратегического развития территории (на материалах Кемеровской области, которую можно считать вполне типичным представителем российских регионов индустриального типа).

Таким образом, развитие инновационной экосистемы непосредственно влияет на социально-экономическое развитие территории и достижение публичных стратегических целей. В качестве примера апробации предложенных подходов предлагается рассмотреть потенциальное воздействие на экономический рост Кемеровской области формирования

инновационной экосистемы с «ядром» в виде опорного вуза. Основным результатом деятельности формируемой в настоящее время экосистемы — реализация проектов технологических стартапов. Поэтому оценить эффект для ВРП региона можно по формуле (1). При этом принимаются следующие допущения:

1. Число участников инновационной экосистемы, участвующих в проектах инициирования и акселерации стартапов определяется на основе полевых исследований, благодаря тому, что один из авторов непосредственно руководит проектом «Школа технологического предпринимательства «Инсайт» и располагает первичными данными. Величина N составила в 2018 г. 2 500 человек.

2. Вероятность возникновения успешного стартапа λ определяется путем деления числа успешных стартапов на величину N , т. е. зависит от количественных соотношений в воронке проектов, определяемых (на первом этапе развития экосистемы) экспертным путем и на основе сложившегося опыта. Так, по данным В. М. Кизеева в ТПУ при развитии

Таблица 2

Влияние формирования инновационной экосистемы на достижение целей и задач стратегического развития по материалам Кемеровской области

Table 2 Influence of innovative ecosystem formation on achievement of strategic development goals and objectives on Kemerovo region materials

Стратегические цели и задачи, базирующиеся на формировании инновационной экосистемы	Эффекты от формирования и развития инновационной экосистемы региона
Снижение материалоемкости и ресурсоемкости экономики, повышение эффективности и производительности труда	Формирование инновационной экосистемы создает необходимые условия для коммерциализации и промышленной эксплуатации технологий, обеспечивающих повышение эффективности базовых видов экономической деятельности
Повышение доходов населения, развитие рынка труда, обеспечение занятости в Кемеровской области; повышение привлекательности региона для проживания населения и целевых групп мигрантов	Университет предпринимательского типа («Университет 3.0»); «пояс» научно-технологических организаций вокруг него; технологические стартапы являются привлекательными работодателями и объектами бизнеса. Возможность работы в четвертичном секторе повышает миграционную привлекательность. Молодежь уже в период обучения может вовлекаться в выполнение исследований и разработок, технологическое предпринимательство, а также работать на объектах инновационной инфраструктуры
Удержание и привлечение в регион конкурентоспособных кадров, технологий, идей и капитала; повышение привлекательности обучения и работы в Кемеровской области для молодежи; вовлечение молодежи в местные предпринимательские и инновационные проекты	
Повышение статуса Кемеровской области как делового, административного и культурного центра	Наличие инновационной экосистемы, в частности, компонентов инфраструктуры, повышает позиции региона в различных рейтингах, улучшает его имидж как инновационно активной территории, повышает вероятность вхождения в федеральные, международные программы и проекты
Развитие и коммерциализация технологий в сфере медицины, геологоразведки и эксплуатации месторождений, новых материалов, бионанотехнологии; адресная поддержка центров компетенций глобальной исследовательской конкурентоспособности	Целью формирования и развития инновационной экосистемы является именно обеспечение успешной масштабной коммерциализации инноваций в тех сферах, в которых регион, его образовательные, научные организации имеют научно-технический задел
Создание системы акселерации и поддержки роста предприятий (в части инновационных предприятий, включая технологические стартапы)	Инновационная экосистема всегда имеет в своем составе институты и мероприятия по акселерации проектов (программы обучения, площадки для экспертизы и привлечения компетенций, обеспечения «выхода» на инвесторов и институты поддержки)
Содействие развитию территориальной инфраструктуры, поддержка создания и развития индустриальных (промышленных) парков, технополисов, дата-центров; развитие малых научно-внедренческих центров	Данная задача непосредственно реализуется в ходе создания «жесткой» компоненты инновационной экосистемы — инновационной инфраструктуры, включающей эти элементы

Составлено авторами по данным документов стратегического планирования [1] и материалам исследования / Compiled by the authors according to strategic planning documents [1] and research materials

инновационной экосистемы с 2014 г. на 6 000 участников создается 10 технологических компаний, то есть величина λ составляет около 0,0017. В Кемеровском государственном университете данная экосистема развивается с 2018 г.; по прогнозным данным при участии 2500 чел. будет реализовано от 1 до 4 проектов, т.е. λ составит от 0,0004 до 0,0016 (оптимистичная оценка практически соответствует уровню ТПУ).

3. Валовая добавленная стоимость V , создаваемая технологическим стартапом, определена в исследовании по данным Национального доклада об инновациях в России, где приводятся данные, в частности, о средней выручке технологических стартапов [10]. По видам деятельности стартапов, которые соответствуют основным направлениям научно-технологического задела в Кемеровской области (медицина, нанобиотехнологии, энергетика), средняя выручка составляет около 67 млн руб. или около 1 млн долл. США. Поскольку данные отрасли не являются материалоемкими, примем валовую добавленную стоимость (далее – ВДС) на уровне 0,75 от оборота, что соответствует около 50 млн руб. или около 750 тыс долл. США.

Конкретные оценки мультипликатора при инициировании технологических стартапов отечественной наукой не выработаны. По оценкам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, мультипликатор по национальному проекту «Наука» составляет 0,88, что можно принять за минимальную оценку последующего эффекта от производства ВДС стартапами [14]. Тогда, соответственно, вся величина M составит около 1,88.

Согласно формуле (1) при 2 500 участниках проектов по развитию технологического предпринимательства имеем: $\Delta ВРП = 2\,500 \cdot 0,0016 \cdot 50 \cdot 1,88 = 360$ млн руб. ВДС. Это значительно выше, чем текущие затраты на развитие элементов инновационной экосистемы региона, связанных с активизацией технологического предпринимательства, которые не превышают 1 млн руб. Поэтому рост затрат на формирование элементов инновационной экосистемы, способствующих активизации технологического предпринимательства, представляется экономически вполне оправданным. В то же время условием эффективности и окупаемости данных расходов с точки зрения бюджета является формирование полноценной воронки проектов, появление хотя бы нескольких состоявшихся стартапов.

Для того, чтобы уточнить и детализировать предложенные подходы к оценке эффективности затрат на формирование инновационной экосистемы, поддержку технологического предпринимательства в перспективе потребуются полевые исследования,

позволяющие выявить и определить конкретные эффекты методом прямого счета. Так, например, если будет реализован технологический стартап по производству новых материалов для пищевой промышленности, это позволит определить следующие эффекты.

1. Прирост валовой добавленной стоимости, создаваемый самой технологической фирмой, а также ее поставщиками, другими участниками цепочки создания стоимости вплоть до торговых предприятий, реализующих конечный продукт потребителю. Тем самым можно уточнить значение эффекта мультипликатора технологического предпринимательства по разным видам экономической деятельности.

2. Объем инвестиций, привлеченных технологическим стартапом, а также вложений в основной капитал, осуществляемых другими участниками цепочки создания стоимости. Это позволит определить непосредственное влияние создания новой технологической фирмы на прирост инвестиций, а также инвестиционный мультипликатор.

3. Посредством опросов, интервью с участниками технологической фирмы можно установить влияние стартапа на закрепление в регионе носителей ценного человеческого капитала, развитие их компетенций, а также изменение социального капитала в предпринимательской среде.

Таким образом, затраты на формирование инновационной экосистемы имеют достаточно высокую эффективность с экономической, а также сугубо фискальной точки зрения. При этом наиболее точная оценка влияния данных затрат на пространственную значимость территории, развитие человеческого капитала, социальной и институциональной среды может быть получена по мере реализации конкретных проектов технологического предпринимательства и накопления эмпирической информации для полевых исследований.

Библиографический список

1. Закон Кемеровской области от 26.12.2018 г. №122-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ako.ru/upload/medialibrary/66b/Стратегия.doc> (дата обращения 03.10.2019).
2. Абдикеев, Н. М., Тютюкина Е. Б., Богачев, Ю. С., Морева, Е. Л. Оценка эффективности финансово-экономических механизмов государственного стимулирования инновационной активности в России // Финансы: теория и практика. 2018. Т. 22. № 5. С. 40–55. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-5-40-55.
3. Быковская, Е. Н., Кафиятуллина, Ю. Н., Харчилава, Г. П. Современные тенденции цифровизации инновационного процесса // Управление. 2018. Т. 6. № 1. С. 38–43. DOI: 10.26425/2309-3633-2018-1-38-43.
4. Голиченко, О. Г., Терешин, А. Н., Щепина, И. Н. Социальный капитал как фактор развития инноваций в регионах России // Системное моделирование социально-экономических процессов: материалы 39 международной научной школы-семинара. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2016. С. 279–283.
5. Дорошенко, С. В., Шеломенцев, А. Г. Предпринимательская экосистема в современных социоэкономических исследованиях // Журнал экономической теории. 2017. № 4. С. 212–221.
6. Дуненкова, Е. Н. Пути развития инновационной инфраструктуры региона на основе кластерной политики и кластерных инициатив // Вестник университета. 2014. № 14. С. 26–32.
7. Егоров, Н. Е., Ефремов, Э. И., Ковров, Г. С. Сравнительная оценка региональных бюджетных затрат на научно-инновационную деятельность в субъектах ДФО // Инновации. 2017. № 2. С. 67–73.
8. Зернин, И. Ф., Иванченко, М. А., Кизеев, В. М. Сравнительный анализ государственных систем поддержки инноваций в России и Финляндии // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2016. № 2. С. 123–130.
9. Лебедева, Н. М., Бушина, Е. В., Черкасова, Л. Л. Ценности, социальный капитал и отношение к инновациям // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 28–41.
10. Национальный доклад об инновациях в России. 2017. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.rvc.ru/upload/iblock/c64/RVK_innovation_2017.pdf (дата обращения 04.10.2019).
11. Парфенова, М. В. Методика оценки эффективности государственного стимулирования инновационной деятельности // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2013. № 2. С. 8–16.
12. Сидоров, Д. В. Новая модель инновационной экосистемы // Инновации. 2017. № 8. С. 52–57.
13. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2017 гг. Приложение к Российскому статистическому ежегоднику [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/year/pril_year18-rus.xls (дата обращения 02.10.2019).
14. Широв, А. Ключевые направления модернизации российской экономики [Электронный ресурс]. — Режим

References

1. Zakon Kemerovskoi oblasti ot 26.12.2018 g. № 122-OZ "Ob utverzhdenii Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kemerovskoi oblasti do 2035 goda". [The Law of the Kemerovo Region No. 122-OZ dated on December 26, 2018 "On Approval of the Strategy of Social and Economic Development of the Kemerovo Region until 2035"]. Available at: <https://ako.ru/upload/medialibrary/66b/Strategy.doc> (accessed 03.10.2019). (in Russian).
2. Abdikeev N. M., Tyutyukina E. B., Bogachev Ju. S., Moreva E. L. Otsenka effektivnosti finansovo-ekonomicheskikh mekhanizmov gosudarstvennogo stimulirovaniya innovatsionnoi aktivnosti v Rossii [Assessment of efficiency of financial and economic mechanisms of state stimulation of innovative activity in Russia], Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice], 2018, vol. 22, no. 5, pp. 40–55. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-5-40-55. (In Russian).
3. Bykovskaya E. N., Kafiyatullina Ju. N., Kharchilava G. P. Sovremennye tendentsii tsifrovizatsii innovatsionnogo protsesssa [Current trends of digitalization of the innovation process], Upravlenie, 2018. vol. 6, no. 1. pp. 38–43. DOI: 10.26425/2309-3633-2018-1-38-43. (In Russian).
4. Golichenko O. G., Tereshin A. N., Shhepina I. N. Sotsial'nyi kapital kak faktor razvitiya innovatsii v regionakh Rossii [Social capital as factor of innovation development in Russian regions], Materialy 39 mezhdunarodnoi nauchnoi shkoly-seminara "Sistemnoe modelirovanie sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov" [Materials of the 39th international scientific school-seminar "System modeling of socio-economic processes"], Voronezh, 2016, pp. 279–283.
5. Doroshenko S. V., Shelomentsev A. G. Predprinimatel'skaya ekosistema v sovremennykh sotsioekonomicheskikh issledovaniyakh [Entrepreneurial ecosystem in modern socio economic studies], Zhurnal ekonomicheskoi teorii [Journal of Economic Theory], 2017, no. 4, pp. 212–221.
6. Dunenkova E. N. Puti razvitiya innovatsionnoi infrastruktury regiona na osnove klasternoii politiki i klasternykh initsiativ [Ways of development of innovative infrastructure of the region on the basis of cluster policy and cluster initiatives], Vestnik universiteta, 2014, no. 14, pp. 26–32.
7. Egorov N. E., Efremov Je. I., Kovrov G. S. Sravnitel'naya otsenka regional'nykh byudzhethnykh zatrat na nauchno-innovatsionnuyu deyatel'nost' v sub'ektakh DFO [Comparative assessment of the regional budget costs for scientific and innovation activities in subjects of the Far Eastern Federal District], Innovatsii [Innovations], 2017, no. 2, pp. 67–73.
8. Zernin I. F., Ivanchenko M. A., Kizeev V. M. Sravnitel'nyi analiz gosudarstvennykh sistem podderzhki innovatsii v Rossii i Finlyandii [Comparative analysis of public innovation support systems in Russia and in Finland], Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2016, no. 2, pp. 123–130.
9. Lebedeva N. M., Bushina E. V., Cherkasova L. L. Tsennosti, sotsial'nyi kapital i otnoshenie k innovatsiyam [Values, social capital and relationship to innovations], Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity], 2013, no. 4, pp. 28–41.
10. Natsional'nyi doklad ob innovatsiyakh v Rossii, 2017 [National report on innovation in Russia. 2017]. Available at: https://www.rvc.ru/upload/iblock/c64/RVK_innovation_2017.pdf (accessed 04.10.2019).
11. Parfenova M. V. Metodika otsenki effektivnosti gosudarstvennogo stimulirovaniya innovatsionnoi deyatel'nosti

- доступа: http://fs.guap.ru/course_apsed/2019-004-02.pdf (дата обращения 05.10.2019).
15. Leydesdorff, L., Zawdie, G. The triple helix perspective of innovation systems//Technology Analysis & Strategic Management. 2010. V. 22, No. 7. P. 789–804. DOI: 10.1080/09537325.2010.511142.
 16. Production in the Innovation Economy. Paperback – 2015 / Ed. by R. M. Locke, R. L. Wellhausen. Cambridge, MA: MIT Press, 2015. 288 p.
 17. Valkokari, K. Business, innovation, and knowledge ecosystems: how they differ and how to survive and thrive within them//Technology Innovation Management Review, 2015. V. 5. No. 8. P. 17–24. doi: 10.22215/timreview/919.
 - [*Methods for assessing the effectiveness of state incentives for innovation*], Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Seriya: Ekonomika [*Bulletin of the Volga State University Service. Series: Economy*], 2013, no. 2, pp. 8–16.
 12. Sidorov D. V. Novaya model' innovatsionnoi ekosistemy. [*New model of innovation ecosystem*], Innovatsii [*Innovations*], 2017, no. 8, pp. 52–57.
 13. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli Rossiiskoi Federatsii v 1991–2017 gg. Prilozhenie k Rossiiskomu statisticheskomu ezhegodniku [*Socio-economic indicators of the Russian Federation in 1991–2017 Appendix to the Russian statistical yearbook*]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/year/pril_year18-rus.xls (accessed 02.10.2019).
 14. Shirov A. Klyuchevye napravleniya modernizatsii rossiiskoi ekonomiki [*Key areas of modernization of the Russian economy*]. Available at: http://fs.guap.ru/course_apsed/2019-004-02.pdf (accessed 05.10.2019).
 15. Leydesdorff L., Zawdie G. The triple helix perspective of innovation systems. Technology Analysis & Strategic Management, 2010, vol. 22, no. 7, pp. 789–804. DOI: 10.1080/09537325.2010.511142.
 16. Production in the Innovation Economy. Paperback – 2015 / ed. by R. M. Locke, R. L. Wellhausen. Cambridge, MA: MIT Press, 2015, 288 p.
 17. Valkokari K. Business, innovation, and knowledge ecosystems: how they differ and how to survive and thrive within them, Technology Innovation Management Review, 2015, vol. 5, no. 8, pp. 17–24. DOI: 10.22215/timreview/919.

История зарождения и развития клиентского сервиса

Сакульева Татьяна Николаевна¹, Тромбетта Симоне²

¹канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация, e-mail: sakulyeva_tn@mail.ru

²разработчик программного обеспечения, операционный офис «Кирей групп»,
г. Турин, Италия, e-mail: Trombetta@mail.ru

Аннотация

Любое взаимодействие между двумя и более субъектами всегда сопряжено с различными факторами: экономическими, социальными, культурными, политическими и другими. Изучение истории понятия «сервис» невозможно в разрыве от изучения понятия торговли. В статье эти два понятия рассмотрены в неразрывной связи для более точного отражения важности сервиса, как при совершении мелких торговых сделок, так и для работы лидеров транспортной отрасли.

Важнейшим периодом для изучения истории понятия «сервис», как ключевого аспекта торговли, является торгово-экономический прорыв в развитии международных торговых отношений, который относится к XIII в. XX в. стал действительно значимым для клиентского сервиса. Созданные предпосылки, развитие производства, качественное изменение жизни населения – все это позволило и России, и Европе шагнуть далеко вперед в плане понятия сервиса. Если до этого момента мир был убежден, что предложение рождает спрос, то с развитием предложения, расширением услуг, появлением новых видов транспорта, а именно альтернатив в любой сфере жизни общества, появляется и новая задача – привлечь клиента к своему товару.

Итогом изменений в сфере сервиса в XX в. стала переориентация с производства на клиента, причем несмотря на неравномерное развитие стран Европы и России, в XXI в. страны встали примерно на одну ступень развития сервиса. Единственное, что стало сильнейшим отличием – ментальные ценности жителей Европы и России. Ориентация на клиента превалирует над собственными интересами, так как моральное удовлетворение от процесса взаимодействия с клиентом стоит наравне с материальным. Отсутствие разделения клиентов по классам, понимание важности разделения потребностей в соответствии с возможностями – основа развития сервиса.

Ключевые слова: клиентоориентированный подход, торговля, сервис, Россия, Южная Европа, пассажиры, груз, процесс транспортировки.

Цитирование: Сакульева Т.Н., Тромбетта С. История зарождения и развитие клиентского сервиса//Управление. 2019. № 4. С. 54–59.

History of origin and development of customer service

Sakulyeva Tatyana¹, Trombetta Simone²

¹Candidate of Economic Sciences, State University of Management,
Moscow, Russia, e-mail: sakulyeva_tn@mail.ru

²Software developer, Italian operational office Kirey Group,
Turin, Italy, e-mail: Trombetta @mail.ru

Abstract

Any interaction between two or more actors always involves different factors: economic, social, cultural, political and other. Studying the history of the service concept is impossible in the break from the study of the concept of trade. These two concepts in an inseparable bundle to more accurately reflect the importance of service both in small trade transactions and for the work of transport industry leaders, – have been considered in the article.

The trade and economic breakthrough in the development of international trade relations, which dates back to the XIII century. The most important period for studying the history of the service concept as a key aspect of trade. The XX century has become really important for customer service. Created prerequisites, development of production, qualitative change in the life of the population – all it allowed both Russia and Europe to step far forward in terms of the service concept. If up to this point, the world has been convinced, that supply creates demand, then with the development of supply, with the expansion of services, with the advent of new modes of transport, namely, with the emergence of alternatives in any sphere of society, there is a new task – to attract customer to its product.

The result of changes in the service sector in the XX century was a reorientation from production to customer, despite the uneven development of the countries of Europe and Russia, in the XXI century the countries rose about one step of service development. The only thing, that has become the strongest difference are the mental values of the people of Europe and Russia. Customer orientation prevails over one's own interests, as the moral satisfaction of the process of interaction with the client is on a par with the material. Lack of class division of customers, and understanding the importance of separating needs according to opportunities is the basis for the development of service on transport.

Keywords: customer-oriented approach, trade, service, Russia, Southern Europe, passengers, cargo, transportation process.

For citation: Sakulyeva T.N., Trombetta S. History of origin and development of customer service (2019) *Upravlenie*, 7 (4), pp. 54–59. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-54-59

Любое взаимодействие между двумя и более субъектами всегда сопряжено с различными факторами: экономическими, социальными, культурными, политическими и другими. Зачастую взаимодействие происходит через общение, которое в свою очередь включает использование дополнительных средств передачи информации, эмоций, чувств и иных возможностей человеческой натуры. Соответственно, обмен информацией предполагает взаимовыгодное сотрудничество, подкрепленное обменом теми же человеческими возможностями, которые создают общий фон взаимодействий между субъектами отношений [5; 6]. Наиболее ярко описанный процесс проявляется в торговых отношениях, где люди, взаимодействуя друг с другом, обмениваясь не только информацией, но и чем-то вещественным, создают благоприятный для совершения некой сделки фон посредством использования всех человеческих возможностей. Эволюционируя, понятие создания эмоционального фона переросло в модный термин «сервис», а затем в современное и актуальное понятие «клиентоориентированный подход». Это означает, что изучение истории понятия сервиса невозможно в разрыве от изучения понятия торговли. Поэтому оба эти понятия будут рассмотрены в неразрывной связке для более точного отражения важности сервиса, как при совершении мелких торговых сделок, так и для работы лидеров транспортной отрасли.

Торговля и сервис — две стороны одной медали. Торговля, как процесс обмена между людьми товарно-материальными и другими ценностями, появилась еще в период неолита (нового каменного века, 8–3 тыс. лет до н. э.). Торговля сводилась либо к продаже, либо к обмену материальными или нематериальными ценностями. Однако, с развитием всех сфер жизни, понятие торговли стало расширяться, и важнейшими стали не количественные показатели при совершении сделки, а качественные. В истории существует термин «немая торговля», где люди, не зная языка друг друга, приобретают что-то или обмениваются, где весь процесс основывается на доверии между субъектами отношений. Конечно, такая немая торговля была развита в древнейшие времена, это доказывает неразрывную связь торговли и человеческих отношений. Обмен носил натуральный характер, товарно-денежные отношения появились позже. Уже в период натурального обмена люди стали задумываться о соответствии обмениваемого товара. Суть данного процесса лежит в основе понятия сервиса, ведь качественное и достоверное определение стоимости продаваемого продукта — один из факторов привлечения клиента.

Важнейшим периодом для изучения истории понятия сервиса, как ключевого аспекта торговли, является торгово-экономический прорыв в развитии международных торговых отношений, который относится к XIII в. Примером первого торгового союза является Ганзейский союз (1267 г.). Этот союз заложил основы международной торговли. Ганзейский союз — сообщество городов, которые являлись экономически торговой силой в Северной Европе. В регистр Ганзейского союза входило около 130 городов. Ганзейский союз способствовал безопасной и прибыльной торговле в Северном и Балтийских морях. Важнейшим стимулом для создания такого рода союза стало желание и наличие возможностей для создания общей монетарной политики, определения выгодных для всех участников правил торговли, а также защиты своего непосредственного окружения как от конкурентов, так и от разбойников. Сейчас это можно сравнить с созданием у компаний базы своих клиентов, сообществ людей, где компания объединяет своих клиентов и создает определенные льготные и комфортные для каждой стороны условия существования, защищая тем самым от конкурентов и разбойников, с которыми в современном мире можно сравнить недобросовестные компании, которые нарушают законодательство, обманывают клиентов и создаются исключительно для получения быстрой, возможно, даже нелегальной прибыли. Результатом работы союза стала монопольная торговля некоторыми важнейшими товарами в Северной Европе. Ганза оберегала и защищала торговые пути своих клиентов для поддержания собственного могущества.

Рассматривая развитие торговли в связке с понятием о сервисе, как неотъемлемой части любых торгово-экономических отношений, важно отметить качественные изменения в общей идеологии, поведении, стереотипах общества, которые активно происходили в период раннего нового времени (с середины XV в. вплоть до середины XVI в.). В этот период формировалась капиталистическая цивилизация. Этот период характеризуется интересом к античности и человеку. Абсолютно отличные от традиционного общества поведенческие стереотипы, нормы поведения, ментальные изменения характеризуют этот период.

Важнейший аспект эпохи раннего Нового времени — появление понятия гуманизма как идеологии, которая основывается на признании человека как личности, признание всех достоинств человека, несмотря на исполняемую им социальную роль. В экономическом плане этот период характеризуется

эволюцией товарно-денежных отношений и расцветом мировой торговли.

Росли города, образовались экономические центры, которые закрепляли за собой эти звания. В экономике и торговле стали принимать участие все слои населения: от дворян до лично свободных крестьян. Буржуазия, наемные работники и даже интеллигенция стали полноценными участниками торговых отношений с разными потребностями в отношении, качестве товара, манере общения при осуществлении сделки и многом другом. Получается, что именно в этот период начинают формироваться основы сервисного подхода к клиентам разных социальных групп и приходит понимание того, что нельзя продавать всем потребителям одинаково. Продавец может регулировать цену товара, предлагать дополнительные услуги и создавать свой круг клиентов, которые преданы именно одному продавцу. Зарождается сервис как клиентоориентированный подход — всегда обоюдный процесс, где доверительные отношения складываются взаимно.

В XVI в. торгово-экономические отношения в мире настиг кризис — революция цен. Процесс значительного повышения цен вследствие падения стоимости благородных металлов, выполняющих функцию всеобщего эквивалента — денег. Из южноевропейских стран первая — и в наибольшей степени — испытала революцию цен Испания, которой принадлежали колонии в Мексике и Перу. Испания была основным получателем колониальных богатств и расходовала денежные средства на содержание многочисленной армии, а не развитие экономики и других сфер жизни, поэтому развитие торговли пошло на спад. На примере Испании отметим, что большая часть ценностей приходила в страну через торговлю: импорт товаров из колоний. Однако, этот период принято считать деградацией экономики и, как следствие, отсутствием особенных отличий в развитии сервиса. Кризис цен затронул не только Испанию. Вся Европа, а точнее, люди, проживающие на ее территории, почувствовали на себе экономический спад. Рост зарплат и приток денежных средств в общество не повысился вслед за ростом цен, что привело к упадку уровня жизни населения и, как следствие, снижению потребностей. Общество снова стало покупать товар, а не выбирать его. Революция цен в этот период не затронула Россию, ведь она просто была изолирована от Европы вплоть до прихода к власти Петра I (Великого). Собственно, развитие новых европейских понятий о сервисе, отношения к потребителю начало развиваться в России во время правления Петра Великого.

Сравнивая Россию и Южную Европу, важно отметить, что на протяжении многих веков Италия, Испания и Португалия являлись мировыми торговыми центрами ввиду своего географического положения и особенностям исторического развития. Своему географическому положению, как важнейшему аспекту лидерства на арене всего европейского торгового оборота, обязана Италия. Во все стороны от Италии расходились торговые пути: через Гибралтарский против, Ла-Манш вдоль Франции и Англии прямо во Фландрию, через Мозель и Рейн к Северному морю, через Альпы или Доломиты, через крупнейшие морские порты в Генуе и Венеции. Географические открытия сыграли важнейшую роль в развитии торговли в странах Южной Европы. После открытия Америки и пути в Индию, торговое первенство перешло от Италии к соседям — К Испании и Португалии. Вплоть до XVIII в. в экономике наблюдался период стагнации, который усугублялся непрекращающимися междоусобными войнами, в основном происходившими на территории Италии, а также борьбой южных стран с опасными эпидемиями.

Страны Южной Европы во второй половине XVII в. стали постепенно справляться с разрушительными для экономики событиями. Этот период стал ключевым в развитии понятия сервиса как системы обслуживания в Европе через возрождение культурных и социальных ценностей: увеличивалось население, росли города, оживали деревни, расцветало производство, рос спрос на сельскохозяйственную продукцию и труд людей, занятых работой на земле, росли доходы населения, а вместе с ними и потребности; предпринимательская способность буржуазии также набирала обороты в этот период, когда она начала вкладывать свой капитал в сельское хозяйство, придавая тем самым ему по-настоящему предпринимательский характер, показывая всю ценность работы.

Россия, как феномен эксклюзивной цивилизации, находясь на протяжении многих веков в изоляции от всех событий Европы, смогла за время правления Петра I (1689–1725) выйти на мировой уровень развития торговли и сервиса. Россия перескочила многообразные изменения и сразу переняла существующий опыт. Во время Великого посольства в Европе у Петра I сложились главные цели правления: самовестернизация России, а именно стремление к перенятию европейских образцов, а также рекультуризация (смена духовных ценностей общества).

Из многообразия проведенных Петром I реформ на сервисную деятельность повлияли следующие:

- попытка смены ментальности (переход от служения царю к сознательному служению отечеству), хотя сам Петр I никогда не задумывался об ограничении своей власти, фигура монарха всегда играла ключевую роль;
- реформа Петра I в области образования, направленная на повышение уровня квалификации работников разных сфер. Петр I был убежден, что каждый должен выполнять свою работу качественно. Именно поэтому в период правления Петра I было открыто множество школ, центров образования. После смерти императора, но по его распоряжению, Указом правительствующего Сената от 28 января (8 февраля) 1774 г. была основана Академия наук.
- на первый план при Петре I выходят личные качества людей, а не их порода (род). Петр I жестко пресекал любые попытки взяточничества и коррупции. Он провозглашал важнейшей стороной любой работы компетентность и профессионализм. В некоторой степени эти реформы чем-то перекликаются, однако суть остается неизменной — русский человек стал задумываться о качественной стороне того, чем он занимается. Несмотря на европейскую ориентацию России во время Петра I, нельзя отрицать тот факт, что все-таки Россия развивалась обособленно. Укрепление крепостного права, условия для дворцовых переворотов, финансовое расстройство жизни населения и общий низкий уровень жизни никак не могли стать основой для развития проевропейских ценностей.

Примерно в это же время в Европе, и как следствие дальше — Америке, началась промышленная революция, которая датируется 1760–1820 гг. Понятие о масштабе производства появляется в этот период. Люди, связанные с торговлей и производством, начинают осознавать привычный для современного общества механизм: чем больше производство, тем дешевле цена за единицу продукции, то есть, чем больше продаж осуществляется, тем дешевле обходится каждый единичный товар. Соответственно, люди стали задумываться о том, как привлечь больше клиентов для больших продаж. На стыке XVII–XIX вв. начинает зарождаться понятие о клиенте и о сервисе, который является неотъемлемой частью процесса торговли. Из ярких мировых примеров развития клиентского сервиса в тот период можно выделить факт, где американская компания Watkins Liniment, которая специализировалась на производстве продукции по уходу за телом, а также домашних принадлежностей, предложила клиентам гарантию возврата денег за товар. В конце XIX в. компания по производству популярнейшей сейчас газировки Coca-Cola выпустила первый купон, смысл

которого был в скидке для клиентов, обладающих этим купоном. Такие качественные процессы изменений в торговле и промышленности на Западе стали весьма критичны для России, где производство также начало развиваться и механизироваться, но более плавными темпами. Промышленное развитие в Европе стало причиной снижения себестоимости конечного продукта, что послужило фактором оттеснения отечественного продукта с мирового рынка. Поэтому торговые отношения развивались внутри страны, чья территория составляла примерно 1/9 долю от всей суши земного шара. При необходимости транспортировки товаров и сырья по всей территории начинает развиваться крупнейшая транспортная система. Интересный факт, что для воспитания кадров, специалистов для управления транспортной системой России того времени во главе Института корпуса инженеров путей сообщения стоял испанский деятель, механик, ученый, а позже организатор транспортной системы Российской империи Августин Августинович Бетанкур.

Переходя к XX в., отметим, что именно этот период стал действительно значимым для клиентского сервиса. Созданные предпосылки (развитие производства, качественное изменение жизни населения) позволили и России, и Европе шагнуть далеко вперед. Если до этого момента мир был убежден, что предложение рождает спрос, то с развитием предложения, расширением услуг, появлением новых видов транспорта, а именно появлением альтернатив в любой сфере жизни общества, появляется и новая задача — привлечь клиента к своему товару. Это стало причиной развития рекламы. В России этот феномен воспринимался с трудом, так как сложившийся менталитет не позволял людям осознать возможность самостоятельного выбора без чьего-либо указа. Первая реклама появилась в печатных изданиях в Петербурге, например, в «Торговле», «Деловом будильнике» и др. Важнейшим показателем отражения клиентского сервиса в России в XX в. стало печатное издание Нижнего Новгорода «Спутник покупателя». Само название отражает идею о важности клиента как основного звена торговых отношений. Появление радио, телевидения и связи налаживало постепенное развитие связи продавца и клиента.

Окончание второй мировой войны и в России, и Европе стало мощным толчком в осознании ценности и ориентиров общества. Война сильно сократила ресурсы и восстановить их можно было только духовно, начиная с себя, души, отношений, общения, то есть человеческих ценностей. В России маятник настроения общества колебался

от тоталитарной тенденции, вызванной эйфорией после Победы, к демократическому импульсу. Особенное развитие пришлось на период «Великого десятилетия» или «Оттепели». В это же время на Западе благодаря Т. Левитт и его труду «Маркетинговая близорукость» миру открылось абсолютно новое знание о торговле и сервисе: переориентация с продукта на потребности клиентов [4]. Ф. Котлер в книге «Маркетинг менеджмента» говорит о том, что найти нового клиента для компании примерно в 3–5 раз дороже, чем удержать старого [3].

Это означало новую эпоху маркетинга, а, соответственно, сервиса в целом, в любом секторе экономики. В своей работе Т. Левитт затрагивает непосредственную тему транспорта, а именно железнодорожного транспорта. Он говорит, что раньше железнодорожный транспорт был богат, так как мир нуждался в перевозках пассажиров и грузов, но сейчас, когда на смену пришли «машины, грузовики и даже телефоны», железные дороги стали беднеть, так как руководители думали, что управляют железнодорожной отраслью, хотя правильно было думать и управлять в целом процессом транспортировки. Ошибочное мнение, что отрасль железных дорог — именно железные дороги. В первую очередь, это пассажиры и грузы, а во вторую — уже железные дороги. В этом и состоит разница между ориентацией на продукт и на клиента.

Заключение

Итогом изменений в сфере сервиса в XX в. стала переориентация с производства на клиента, причем, несмотря на неравномерное развитие стран

Европы и России, в XXI в. эти страны встали примерно на одну ступень развития сервиса [1; 2]. Единственное, что стало сильнейшим отличием — это ментальные ценности жителей Европы и России. Описанное выше историческое развитие нашей страны повлияло на менталитет населения. Соборность, негативизм, излишняя вера в чудеса, ориентация части населения исключительно на материальные ценности, а других на искренность и доверие — все это стало почвой для превращения сервиса в нечто, похожее на «маркетинговый обман» или иллюзию. Сложившиеся представления о жизни в страданиях и одновременно доверии создали нездоровое состояние сферы клиентского сервиса, в котором продавец в первую очередь думает о своих потребностях, навязывая их клиенту. Сложившийся темперамент и менталитет жителей южной Европы определяет отношение сферы сервиса к клиентам как особенное отношение к людям, которые выбрали тот или иной вариант продукции или услуг. Ориентация на клиента превалирует над собственными интересами, так как моральное удовлетворение от процесса взаимодействия с клиентом стоит наравне с материальным. Отсутствие разделения клиентов по классам, понимание важности разделения потребностей в соответствии с возможностями — основа развития сервиса.

Библиографический список

1. Bairoch, P., Goertz, G. Factors of Urbanisation in the Nineteenth Century Developed Countries: A Descriptive and Econometric Analysis//Urban Studies. 1986. No. 23. P. 285–305.
2. Hensher, D. A. Future bus transport contracts under mobility as a service regime in the digital age: are they likely to change? Australia, Sydney, 2016. 223 p.
3. Kotler, Ph. A framework for marketing management. 2nd Edition. Upper Saddle River, New Jersey, 2006. 464 p.
4. Levitt, Th. Marketing Myopia//Harvard business review. 1960. V. 38. No. 4. pp. 24–47.
5. Sakulyeva, T. Megapolis public transport system//International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. V. 9. No. 10. P. 647–658.
6. Yanying, L., Voegelé, T. Mobility as a service (MaaS): Challenges of Implementation and Policy Required//Journal of Transportation Technologies. 2017. No. 7. P. 95–106.

References

1. Bairoch P., Goertz G. Factors of urbanisation in the nineteenth century developed countries: A descriptive and econometric analysis, Urban Studies, 1986, no. 23, pp. 285–305.
2. Hensher D. A. Future bus transport contracts under mobility as a service regime in the digital age: are they likely to change? Australia, Sydney, 2016, 223 p.
3. Kotler Ph. A framework for marketing management, Second Edition, Upper Saddle River, New Jersey, 2006, 464 p.
4. Levitt Th. Marketing Myopia, Harvard business review, 1960, vol. 38, no. 4, pp. 24–47.
5. Sakulyeva T. Megapolis public transport system, International Journal of Civil Engineering and Technology, 2018, vol. 9, no. 10, pp. 647–658.
6. Yanying L., Voegelé T. Mobility as a service (MaaS): Challenges of Implementation and Policy Required, Journal of Transportation Technologies, 2017, no. 7, pp. 95–106.

Приоритизация факторов, влияющих на нефтепродуктовый экспорт Ирана с использованием группового подхода к принятию решений на основе иерархического анализа

Мохаммадбеиги Хортаби Фарзин¹, Даниали Сара², Мохаммадбеиги Яздан³

¹аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-0484-0440, e-mail: f_b258@yahoo.com

²канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3101-3085, e-mail: daniiali.sm@edu.spbstu.ru

³генеральный директор, Pooyandegan Andishe Hirkan Company,
г. Горган, Иран, e-mail: yazdanmb@yahoo.com

Аннотация

Экономика Ирана имеет три сектора: углеводородный, сельское хозяйство и услуги. В силу исторической тенденции иранская экономика находится под влиянием государственного управления в сфере производства и услуг. Учитывая роль нефтепродуктового экспорта и чрезмерную зависимость иранской экономики от нефти и нефтепродуктов, необходимо провести исследование для определения факторов, влияющих на нефтепродуктовый экспорт.

Поскольку нефтяные доходы не рассматриваются в качестве надежного источника доходов для правительства из-за их нестабильности, развитие нефтепродуктового экспорта является одной из важнейших целей Ирана. Если цели, поставленные в этой области, будут достигнуты, то положение страны улучшится в валютном плане, сдерживая волатильность, вызванную ценами на нефть, и приобретая экономические и конкурентные преимущества на мировой арене. Важнейшим вопросом в развитии нефтепродуктового экспорта является либерализация экономического потенциала за счет новых инвестиций.

В статье на основе литературного образа определены факторы, влияющие на нефтепродуктовый экспорт. С учетом опроса 32 руководителей и экспертов нефтеперерабатывающей компании Fajre Jam, как одной из главных компаний-экспортеров конденсата в этой стране и регионе, выявлены наиболее важные факторы, а затем классифицированы с использованием подхода аффинного графа. При обработке аналитических иерархий в программном обеспечении выбора экспертов использовались парные сравнения для взвешивания основных факторов и подфакторов с участием 10 руководителей и экспертов указанной компании.

Ключевые слова: развитие нефтепродуктового экспорта, экономика Ирана, Фаджр Джам нефтеперерабатывающая компания, внешняя торговля, приоритизация, метод аналитической иерархии.

Цитирование: Мохаммадбеиги Х.Ф., Даниали С., Мохаммадбеиги Я. Приоритизация факторов, влияющих на нефтепродуктовый экспорт Ирана с использованием группового подхода к принятию решений на основе иерархического анализа // Управление. 2019. № 4. С. 60–66.

Prioritizing factors affecting Iranian non-oil export using group decision making approach based on hierarchical analysis process

Mohammadbeigi Khortabi Farzin¹, Daniali Sara², Mohammadbeigi Yazdan³

¹Postgraduate student, State University of Management, Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0002-0484-0440, e-mail: f_b258@yahoo.com

²Candidate of Economic Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia,
ORCID: 0000-0003-3101-3085, e-mail: daniali.sm@edu.spbstu.ru

³CEO, Pooyaandegan Andishe Hirkan Company, Gorgan, Iran, e-mail: yazdanmb@yahoo.com

Abstract

Iran's economy has three sectors: hydrocarbons, agriculture and services. Due to the historical trend, Iranian economy is under the influence of government governance in production and services. Considering the role of non-oil exports and the over-reliance of Iranian economy on petroleum and petroleum products, it is necessary to conduct a research to determine the factors, which affect non-oil export.

Since oil revenues are not considered as a reliable source of revenue for the government due to their volatility, development of non-oil export is one of the major goals of Iranian most important goals. If the goals, set in this area will be achieved, the country's position will be improved in terms of foreign exchange, curbing the volatility, caused by oil prices and gaining economic and competitive advantages in the global arena. The most important issue in the development of non-oil exports is the liberalization of economic capacity through new investments.

In this article all factors, affecting non-oil exports have been determined, based on studying literature. Considering a survey of 32 executives and experts of Fajre Jam Refining Company as one of the most important condensate exporter companies in the country and region, the most important of them have been identified and then categorized using the affinity graph approach. Pairwise comparisons were used to weight the main and sub-factors with the participation of 10 executives and experts of the mentioned company within the framework of the analytic hierarchy process in expert choice software.

Keywords: non-oil export development, Iranian economy, Fajre Jam Refining Company, foreign trade, prioritization, analytic hierarchy process.

For citation: Mohammadbeigi K.F., Daniali S., Mohammadbeigi Y. Prioritizing Factors Affecting Iranian Non-Oil Export Using Group Decision Making Approach Based on Hierarchical Analysis Process (2019) *Upravlenie*, 7 (4), pp. 60–66. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-60-66

The volatility of export earnings, especially oil earnings, has always prompted various countries, including Iran, to seek non-oil export to achieve the stability needed to pursue economic development programs. Export and the policies, which are associated with it, are the engine of the country's economic growth, that can develop new technologies, increase demand, and encourage investment. Many developing countries have begun their own economic reform programs during the 1980s [2]. Under the current conditions of the Iranian economy, the role of export is more than only forex earning, in matters such as employment, production and economic growth. Therefore, the necessity of examining the factors affecting non-oil export to formulate practical plans in this regard is too important for current and future of Iranian economy. The importance of the issue is heightened when these factors have synergistic relationships and feedback effects, not only with non-oil export, but also with each other. In the present study, it is not only attempted to identify the factors affecting the development of non-oil export, but also to categorize and prioritize them as general factors.

According to Katsikeas et al. besides the behavior of businesses, the role of other factors in the development of non-oil export is also significant, and the effort to identify these factors can provide valuable guidance to managers and policymakers in formulating and implementing plans and policies [3]. He also discussed the implications of the study for both business practitioners and public policy makers.

In the current situation, favorable policy-making regarding the development of export of various non-oil commodities is one of the issues, that can lead the Iranian economy towards optimal utilization of available

capacities. Table 1. shows the performance of Iran's non-oil export by value (million dollars) in the years 2015 to 2018.

As can be seen in Table 1, the highest value of export earnings in all these years were industrial, petrochemical and condensate. Industrial items are naturally very diverse, petrochemicals are relatively diverse, and condensate items are not very diverse. Also, a look at the table shows that in any case, condensates and petrochemicals have an oil base, accounting for about 50 % of non-oil export in these years. However, given, that the export of crude has been avoided and other purposes such as foreign investment development, processing, and Job creation are considered before production and export of gas condensates and petrochemicals, the trend is favorable. Concerning agricultural and mineral commodities, considering, that the processing capacity and added value creation are not optimally utilized, higher perceived value and even higher percentage share can be achieved by better planning and policy making. Therefore, the questions, that can be considered in the study can be as follows:

- what are the factors contributing to the development of non-oil export?
- how are the factors influencing the development of non-oil export classified?
- what is the weight of the general and partial factors that influence the development of non-oil export?

Dezhphasand et al. by econometric functions concluded, that productivity, economic openness and GDP have a positive effect on non-oil export. They have recommended that economic policymakers adopt policies other than raising the exchange rate to improve the level of non-oil export [4]. Abbasi et al. have explored

Table 1

Non-oil export performance of Iran in 2015–2018 (value in million USD)

Таблица 1. Показатели ненефтяного экспорта Ирана в 2015–2018 гг. (Стоимость в млн долл. США)

Export commodities	2015		2016		2017		2018	
	Value	%	Value	%	Value	%	Value	%
Condensate	4680	11	7320	17	7063	15	4935	11
Petrochemical	15273	36	16419	37	14486	31	14150	32
Industrial	17165	40	14496	33	18800	40	19693	44
Carpets and handicrafts	333	1	374	1	465	1	308	1
Agricultural	3988	9	3922	9	3944	8	3747	8
Mineral	990	2	1399	3	2224	5	1477	3
Total non-oil export	42429	100	43930	100	46982	100	44310	11

Source: [1] / Источник: [1]

the theories behind the development of non-oil export. They have come to realize that the two approaches of micro at corporate level and macro at the country level are significant in the development of non-oil export. They have incorporated into their own consideration of major factors such as exchange rates as well as industry-related variables such as R&D expenditure, skill intensity, import penetration, and labor-to-capital ratios in exporting of business products [5].

Nouri and Navidi have concluded that exchange rate risk has a short-term positive and significant effect on non-oil export in Iran. Indeed, it is the positive nature of Iran's exchange rate fluctuations that has led to such an outcome. They also pointed to the income of Iran's trading parties, which has a significant impact on increasing export to those countries. The effect of this factor is that Iran's export to those countries will increase by about 3 %, if the revenue of Iran's trading parties is increased one percent [6].

Mohammadzadeh and Mohammadi concluded, that import of capital goods, index of trade integration or globalization, and exchange rate had a positive and significant long-term effect on non-oil export, but inflation had a negative and significant effect on Long-term relies on non-oil export. Also, the existing structure of non-oil export plays a decisive role in the fate of export. They have suggested that in order to accelerate non-oil export, the nature of its existing structure and the structural transformation of the export sector should be taken into account. Other proposals include foreign trade liberalization, joining the WTO along with deregulation and reducing tariffs [7].

According to Gharabaghian, foreign trade is of particular importance to countries around the world, with classical and neoclassical economists referring to it as economic growth. Foreign trade can provide the need for industrialization, the knowledge and experience needed for economic development and provide countries with the means to access it [8]. Guraraj et al. have considered the situation of India in their study of the development of non-oil export. Their study suggests that inflation rate, real effective exchange rate (REER) and foreign direct investment have a significant negative impact on oil export [2].

The purpose of this study is descriptive in terms of purpose and practical in terms of the type use, as it is an attempt to understand a specific situation in the real world in order to apply the results of the findings to problem solving and to provide a solution. Besides, this study is a descriptive-correlational research of the field branch and is considered a cross-sectional study in time. Also, this study is a quantitative research in terms of data type.

In the present study, on the one hand, based on a library study of experts' opinions and published reports

on the development of non-oil exports, and on the other hand, using the views of managers and experts of Fajr Jam Gas Refinery Company (FJGRC) through a brainstorming session, the primary factors has been extracted which are probably effective on the development of non-oil export. It should be noted that FJGRC is one of the most important exporter of natural gas and condensate in the country and the region.

Then, using the Likert scale questionnaire, the most important factors were selected and finally the factors were added in the general factors using the affinity diagram method and experts view. Based on the mentioned factors categorization and also using pairwise comparisons within the AHP approach, the weight of each general and partial factor was determined.

Therefore, the method of gathering data is through field studies, questionnaires and documentation related to the development of non-oil export and the statistical population consists of top managers and senior experts of FJGRC. Face validity is guaranteed using experts' view and t-test is used for content validity. To ensure reliability, Cronbach's alpha coefficient was used in Likert type questionnaires and inconsistency ratio (IR) index was used in pairwise comparison questionnaires based on Expert Choice software report.

In pairwise comparisons, decision makers used verbal judgment from 1 to 9, which 9 is "completely preferred or completely desirable" and 1 is "the same preference or desirability".

In the set of 32 respondents, 29 were male and 3 were female. In terms of age of responders, 3 were 30 or younger, 14 were 30–40, 11 were 40–50 and 4 of them were more than 50. Regarding the working experience of responders, 3 of them had 5 or less years, 3 of them had between 5–10 years, 18 of them had between 10–20 years, and 8 of them had more than 20 years of experiences. 13 of responders had bachelor degree, 17 master degree and 2 of them had PhD.

For received responses, the scales of 1 for ineffective, 2 for a little effective, 3 for relatively effective, 4 for effective, and 5 for very effective are used. To extract important items, the mean of the responses was calculated and then their significance of being greater than number 4 is investigated using t-statistics.

Table 2 shows the inferential analysis of the collected data. Cronbach's alpha statistic was used to assess the reliability of the questionnaire. The calculated statistic is 0.805 and indicates its suitability. Items that by deleting them the Cronbach's alpha statistic will increase are listed in Table 2. Items 1, 4 and 31 are of this category. By deleting these three items, the Cronbach's alpha statistic was increased to 0.825, which is quite indicative of the suitability of the remaining items.

Table 2

Inferential analysis of collected data to evaluate factors affecting Iranian non-oil export development

Таблица 2. Логический анализ собранных данных для оценки факторов, влияющих на развитие ненефтяного экспорта Ирана

Items	Mean	Stan. dev.	t-ratio	Significant	Alpha if item deleted
Low domestic production and rising domestic demand	3.88	0.13	-0.94	0.35	0.810
Lack of identification of the export potential capabilities of non-oil goods	4.31	0.08	3.75	0.00	0.806
Export of goods with low value added	4.00	0.11	0.00	1.00	0.799
Illegal export	3.34	0.15	-4.49	0.00	0.811
High final price of export items	3.56	0.16	-2.82	0.01	0.783
Improper packaging of export items	4.34	0.12	2.98	0.01	0.790
The absence of a long-term policy on non-oil exports	4.38	0.12	3.21	0.00	0.797
Improper transportation and logistics	3.72	0.11	-2.51	0.02	0.795
Problems with the supply of raw materials needed for production	4.06	0.14	0.44	0.66	0.796
Problems with the supply of manufacturing machinery and equipment	3.91	0.14	-0.68	0.50	0.797
Surplus domestic demand	3.25	0.11	-6.82	0.00	0.803
Inappropriate financial and banking transactions with other countries	4.44	0.11	4.00	0.00	0.803
Inflation	3.66	0.14	-2.47	0.02	0.801
Banking facilities for investors and manufacturers	4.13	0.13	0.94	0.35	0.797
Banking facilities for exporters	4.06	0.11	0.57	0.57	0.793
Government investment in infrastructure	4.28	0.14	1.96	0.06	0.793
The possibility of foreign direct investment	3.75	0.14	-1.76	0.09	0.795
Exchange rate stabilization	4.13	0.11	1.16	0.25	0.806
Lack of active business offices	3.66	0.13	-2.61	0.01	0.805
Lack of active Iranian business offices in the world	3.88	0.14	-0.89	0.38	0.793
Inadequate advertising and information on export items	3.84	0.10	-1.54	0.13	0.798
Competitive policies of other exporting countries	3.88	0.10	-1.28	0.21	0.801
Replacement of synthetic materials instead of natural raw materials in export items	3.53	0.13	-3.69	0.00	0.798
Imitating of rival countries from traditional Iranian export	3.31	0.13	-5.27	0.00	0.799
Poor quality of Iranian export goods	4.78	0.07	10.52	0.00	0.806
Insufficient understanding of consumer markets	4.41	0.12	3.45	0.00	0.800
Competitiveness and openness of the country's economy in terms of import	4.38	0.13	3.00	0.01	0.806
Political tensions between Iran and other countries	4.53	0.13	3.95	0.00	0.793
Recession	4.13	0.13	0.94	0.35	0.804
Recession in the world	3.38	0.15	-4.25	0.00	0.805
Ease of doing business in the private sector in the country	3.88	0.11	-1.16	0.25	0.815

Compiled by the authors of the study / Составлено авторами по материалам исследования

According to the inferential analysis, important items were identified and categorized by the expert team using the affinity diagram approach into more general factors. Following, the classification of factors affecting the development of Iranian non-oil exports are listed.

1. Having a comprehensive business plan and export product marketing:

- understand the potential export capabilities of non-oil goods;

- adequate understanding of target consumer markets;
- adopt and pursue a long-term policy on non-oil exports.

2. Technical and operational capabilities of production and supply of products:

- export of appropriate value-added goods;
- convenience and attractiveness of export items packaging;
- appropriate quality of Iranian export goods;

3. Providing the infrastructure and resources needed for production and supply:

- government investment in infrastructures;
- ease of supply of raw materials needed to manufacturing and supplying the products;
- ease of supply of equipment and machineries needed to manufacturing and supplying the products.

4. Policies and mechanisms of banking and financial system:

- appropriate financial and banking transactions with other countries;
- banking facilities required by investors, manufacturers and exporters;
- exchange rate stabilization (difference between state preferred rate and free market rate).

5. De-escalation and political and economic interaction with other countries:

- de-escalation and political and economic interaction with other countries.

6. The country's economic and commercial boom:

- competitiveness and openness of the country's economy in terms of import;
- the economic boom of the country.

The pairwise comparison questionnaire was designed and analyzed by ten experts of FJGRC including top managers and senior executives. Table 3 shows the pairwise comparisons of the main factors affecting the development of Iranian non-oil export. According to the comparisons and obtained weights, "de-escalation and political and economic interaction with other countries" is of the utmost importance. "Having a comprehensive plan of business and export product marketing" and

Table 3

Pairwise comparisons of the main factors affecting Iranian non-oil export and related weights

Таблица 3. Парное сравнение основных факторов, влияющих на иранский нефтяной экспорт, и соответствующих весовых коэффициентов

Main factors	2	3	4	5	6	Weight
Having a comprehensive plan of business and export product marketing	0.72	2.56	1.98	0.21	1.89	0.15
Technical and operational capabilities of production and supply of products		1.21	1.36	0.24	1.36	0.13
Providing the infrastructure and resources needed for production and supply			1.11	0.30	1.87	0.10
Policies and mechanisms of banking and financial system				0.27	1.36	0.10
De-escalation and political and economic interaction with other countries					4.28	0.44
The country's economic and commercial boom						0.08

Compiled by the authors of the study / Составлено авторами по материалам исследования

Table 4

Local and general weights of partial factors affecting the development of non-oil exports

Таблица 4. Локальные и общие веса частных факторов, влияющих на развитие нефтяного экспорта

Sub factors	Local weight	General weight
Understand the potential export capabilities of non-oil goods	0.43	0.06
Adequate understanding of target consumer markets	0.39	0.06
Adopt and pursue a long-term policy on non-oil exports	0.18	0.03
Export of appropriate value-added goods	0.20	0.03
Convenience and attractiveness of export items packaging	0.15	0.02
Appropriate quality of Iranian export goods	0.65	0.08
Government investment in infrastructures	0.20	0.02
Ease of supply of raw materials needed to manufacturing and supplying the products	0.31	0.03
Ease of supply of equipment and machineries needed to manufacturing and supplying the products	0.49	0.05
Appropriate financial and banking transactions with other countries	0.51	0.05
Banking facilities required by investors, manufacturers and exporters	0.17	0.02
Exchange rate stabilization (difference between state preferred rate and free market rate)	0.32	0.03
De-escalation and political and economic interaction with other countries	1.00	0.44
Competitiveness and openness of the country's economy in terms of import	0.67	0.05
The economic boom of the country	0.33	0.03

Compiled by the authors of the study / Составлено авторами по материалам исследования

“technical and operational capabilities of production and supply of products” are also of relatively high importance. The inconsistency ratio of 0.03 indicates that the comparison matrix is appropriate.

Table 4 shows the local and general weights of the partial factors affecting the development of non-oil export. In this table, the weights of each of the sub-factors within the relevant main factor are also specified. As can be seen, the highest weight is related to the factor of “De-escalation and political and economic interaction with other countries”. It should be noted that in all pairwise comparisons, the incompatibility ratio was less than 0.1.

Conclusion

According to the obtained weights, the most important axis of the solution can be based on the factor of “de-escalation and political and economic interaction with other countries”. However, the technical and managerial

aspects of the issue, such as improving the quality of export items, appropriate understanding of export items and their advantages, and adequate understanding of target markets, are also important. The economic interaction with countries around the world, on one hand, will provide an opportunity to identify the target consumer markets and Iran’s advantages on that area, and on the other hand, provide technical facilities, tools and technologies for production and supply of products. The development of interaction leads to a better understanding of the expected technical and operational needs and standards of customers on a more global scale and therefore can gradually influence customer behavior. The global market provides opportunities to take advantage of opportunities around the world, including in the production and sales process, which, in addition to reducing costs, leads to creativity and innovation in business details and thus its dynamics in a global competition.

Библиография

1. Foreign Trade Performance Report / Iran trade development organization – office of business planning. Statistics and Research. Tehran. 2019. P. 3.
2. Gururaj, B., Satishkumar, M., Aravinda Kumar, M. Analysis of factors affecting the performance of exports in India// International journal of agriculture, environment and biotechnology. 2016. V. 9. No. 4. P. 613–616.
3. Katsikeas, C. S., Piercy, N. F., Ioannidis, C. Determinants of export performance in a European context//European journal of marketing. 1996. V. 30. No. 6. P. 6–35.
4. Dezhpasand, F., Amiri, M., Saveh, B., Investigation of effective factors on non-oil Exports with emphasis on non-price variables//Journal of financial economics and development. 2011. V. 5, No. 15. P. 9–29.
5. Abbasi, G., Mirzaee-Nejad, M., Donyabin, F., The factors influencing exports in Iranian industry with the emphasis on market structure//Journal of planning and budgeting. 2012. V. 17. No. 3, P. 97–113.
6. Nouri, M., Navidi, H. The exchange rate risk and non-oil export in Iran//Quarterly journal of economic growth and development research. 2012. V. 3. No. 9. P. 59–70.
7. Mohammadzadeh Nazi, M. F. Investigating factors affecting Iranian non-oil exports with emphasis on globalization// Journal of financial economics. 2012. V. 6. No. 21. P. 7–30.
8. Gharabaghian, M. Economics of growth and development. Tehran: Nashr-e Ney. 2014. 44 P.

References

1. Foreign Trade Performance Report, Iran trade development organization - Office of Business Planning, Statistics and Research, Tehran, 2019, p. 3.
2. Gururaj B., Satishkumar M., Aravinda Kumar M. Analysis of factors affecting the performance of exports in India, International Journal of agriculture, environment and biotechnology, 2016, vol. 9, no. 4, pp. 613–616.
3. Katsikeas C. S., Piercy N. F., Ioannidis C. Determinants of export performance in a European context, European journal of marketing, 1996, vol. 30, no. 6, pp. 6–35.
4. Dezhpasand F., Amiri M., Saveh B. Investigation of effective factors on non-oil exports with emphasis on non-price variables, Journal of financial economics and development, 2011, vol. 5, no. 15, pp. 9–29.
5. Abbasi G., Mirzaee-nejad M., Donyabin F. The factors influencing exports in Iranian industry with the emphasis on market structure, Journal of planning and budgeting, 2012, vol. 17, no. 3, pp. 97–113.
6. Nouri M., Navidi H. The exchange rate risk and non-oil export in Iran, quarterly journal of economic growth and development research, 2012, vol. 3, no. 9, pp. 59–70.
7. Mohammadzadeh Nazi M.F., Investigating factors affecting Iranian non-oil exports with emphasis on globalization, Journal of financial economics, 2012, vol. 6, no. 21, pp. 7–30.
8. Gharabaghian M. Economics of growth and development, Tehran: Nashr-e Ney, 2014, 44 p.

Место и роль России в мировой системе трансграничных денежных переводов

Нарбут Виктория Викторовна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-1551-5114, e-mail: vvnarbut@fa.ru

Аннотация

В статье представлены результаты анализа роли России в мировом потоке трансграничных денежных переводов физических лиц за период 2010–2018 гг. Определены объемы оттока денежных средств из России и притока их в Россию. Выявлены особенности трансграничных денежных потоков со странами СНГ и дальнего зарубежья, заключающиеся в том, что для России характерен крайне высокий объем и темп оттока денежных средств в виде трансграничных переводов наряду с невысоким объемом их притока. Установлено, что обмен денежными средствами со странами Содружества независимых государств и со странами дальнего зарубежья представляют собой самостоятельные потоки со своими особенностями.

Определены основные страны дальнего зарубежья и Содружества независимых государств – партнеры России по трансграничным переводам денежных средств. Дана оценка динамике роста, а также целевой структуре денежных переводов. Выявлено, что для трансграничных переводов денежных средств из России характерна сезонность: устойчиво повторяющийся рост денежных переводов в четвертом квартале и снижение в первом квартале каждого года. Представлены результаты прогноза объема денежных переводов физических лиц на 2019 г. В соответствии с прогнозом во втором полугодии 2019 г. за границу будут переведены 21 755 млн долл. США. В целом в 2019 г. объем перевода денежных средств за границу будет меньше объема 2018 года и составит 42 804 млн долл. США. В первом полугодии 2020 г. за границу предположительно будет переведено 1 763 млн долл. США.

Ключевые слова: трансграничные денежные переводы, резиденты, нерезиденты, средняя сумма одного перевода, денежные переводы мигрантов, переводы физических лиц, трудовые мигранты.

Цитирование: Нарбут В.В. Место и роль России в мировой системе трансграничных денежных переводов// Управление. 2019. № 4. С. 67–75.

JEL 030

DOI 10.26425/2309-3633-2019-4-67-75

Received: 11.10.2019

Approved: 29.11.2019

Published: 20.12.2019

Russia's place and role in the remittances world system

Narbut Victoria

Candidate of Economic Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: 0000-0003-1551-5114, e-mail: vvnarbut@fa.ru

Abstract

The results of the analysis of Russia's role in the world system of remittances for the period from 2010 to 2018 have been presented in the article. The volumes of cash outflow from Russia and their inflow to Russia have been determined. The features of cross-border cash flows with the Commonwealth of Independent States countries and foreign countries have been revealed, which consist in the fact, that Russia is characterized by an extremely high volume and rate of outflow of funds in the form of cross-border transfers, along with a low volume of their inflow. It has been established, that the exchange of funds with the Commonwealth of Independent States countries and with foreign countries are independent flows with their own characteristics.

The main foreign and CIS countries – Russia's partners in cross-border money transfers-have been defined. The growth dynamics and the target structure of remittances have been assessed. It has been revealed, that cross-border remittances from Russia are characterized by seasonality: a steadily recurring growth of remittances in the fourth quarter and a decrease in the first quarter of each year. The results of the forecast of the volume of remittances of individuals for 2019 have been presented. In accordance with the forecast, the growth of remittances from the Russian Federation will continue in 2019. According to the forecast, 21,755 million dollars USA will be transferred abroad in the second half of 2019. In general, in 2019, the volume of money transfers abroad will be less than the volume of 2018 and will amount to 42,804 million dollars USA. In the first half of 2020, 17,635 million dollars USA is expected to be transferred abroad.

Keywords: cross-border money transfers, residents, non-residents, average amount of one transfer, remittances, transfers of individuals, labor migrants.

For citation: Narbut V.V. Russia's place and role in the remittances world system (2019) *Upravlenie*, 7(4), pp. 67–75. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-67-75



В последние десятилетия трансграничные переводы физических лиц играют важную финансовую роль в формировании потоков движения капитала в мировой экономике, а также являются для экономик многих государств мира одним из основных источников поступления финансовых средств, наряду с прямыми иностранными инвестициями и международной помощью [4]. Значимая роль денежных переводов физических лиц была признана на саммите «Группы восьми» еще 15 лет назад, и с этого исторического момента вопросы, связанные с изучением миграционных потоков и движением трансграничных денежных потоков, находятся в центре внимания рабочей группы по глобальным денежным переводам Международного валютного фонда и Всемирного банка.

По оценкам Всемирного банка в 2018 г. мировой объем денежных переводов достиг 689 млрд долл. США [9]. Россия является крупнейшим участником трансграничных денежных переводов, выступая одним из основных источников денежных средств для стран СНГ [1].

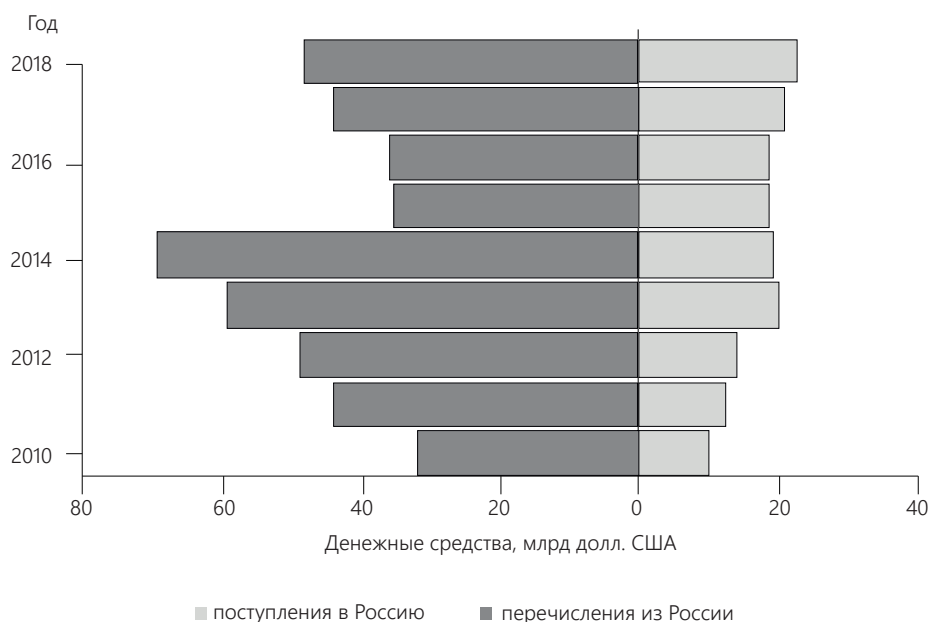
В соответствии с методологией Банка России трансграничные переводы физических лиц рассматривают как безналичные перечисления физических лиц-резидентов и физических лиц-нерезидентов (поступления в пользу физических лиц-резидентов и физических лиц-нерезидентов), осуществленные с открытием и без открытия счета через кредитные организации, включая переводы, осуществленные через платежные системы.

За период 2010–2018 гг. совокупный оборот трансграничных переводов денежных средств через системы денежных переводов в России оценивают в 570 млрд долл. США. При этом 415 млрд долл. США денежных средств выведено из России и только 155 млрд долл. США поступили в Россию. На протяжении всего периода можно констатировать опережающий отток денежных средств из России за рубеж над поступлением их в Россию (рис.1).

На объем средств, выводимых с территории России, ощутимое влияние оказал банковский кризис 2014 г. [7]. Сразу после кризиса в 2015 г., по сравнению с 2014 г., объем трансграничных переводов из России резко снизился с 69 млрд долл. США до 35 млрд долл. США (в 2 раза). Некоторые эксперты высказывают мнение, что именно растущий отток капитала из страны и явился одной из причин кризиса [6].

Особенностью трансграничных денежных переводов России является то, что обмен денежными средствами со странами СНГ и дальнего зарубежья представляет собой самостоятельные потоки со своими особенностями [2; 8].

Исходящий поток денежных средств из Российской Федерации формируется преимущественно за счет перечислений собственных средств физических лиц (49,4 %), безвозмездных перечислений в форме грантов, пожертвований, компенсаций, стипендий, пенсий, алиментов и др. (11,9 %), переводов электронных денежных средств (8,3 %), кредитов (6,5 %). Таким образом, вывод денежных



Составлено автором по материалам исследования источника [9] / Compiled by the author on the materials [9]

Рис. 1. Приток денежных средств в Россию и отток их из России за период 2010–2018 гг.
Figure 1. The inflow of funds to Russia and their outflow from Russia for the period 2010–2018.

средств из России в страны дальнего зарубежья осуществляется в форме помещения сбережений физических лиц за рубежом [2; 5].

Целевая структура входящего потока денежных переводов формируется за счет перечислений денежных средств (26,4 %), безвозмездных перечислений и поступлений (11,4 %), заработной платы (10,5 %), переводов электронных денежных средств (9,3 %). Поступление денежных переводов в Россию, таким образом, связан с репатриацией домохозяйствами ранее инвестированных в иностранные активы средств [2; 5].

Отток денежных средств из России происходит преимущественно в страны дальнего зарубежья [3]. За период 2010 – 2018 гг. туда перечислено 280 млрд долл. США (67,4 %), в то время как в страны СНГ – 135 млрд долл. США (32,6 %). При этом следует отметить усиление оттока средств в страны дальнего зарубежья: доля трансграничных переводов туда увеличилась с 62,7 % в 2010 г. до 72,2 % в 2018 г., в то время как доля переводов в страны СНГ снизилась с 37,3 % до 27,8 %.

Вывод денежных средств с территории России в страны дальнего зарубежья осуществляется преимущественно резидентами. В 2010 г. доля переводов резидентов (65,9 %) была статистически значимо

выше доли нерезидентов (34,1 %) ($p \leq 0,001$). Причем к 2018 г. она выросла на 24,6 процентных пунктов и составила 90,5% ($p \leq 0,001$). Доля трансграничных переводов из стран дальнего зарубежья в Россию за период 2010 – 2018 гг. также существенно увеличилась с 77,0 % до 91,3 % ($p \leq 0,001$).

Более половины трансграничных переводов из России в зарубежные страны в 2010 г. приходилось на Китай, Швейцарию, США, Германию, Соединенное Королевство, Турцию и Испанию, в 2018 г. в состав основных стран-получателей денежных переводов вошли также Латвия, Испания и Кипр, а Китай, Турция и Испания утратили свои позиции (табл. 1). Швейцария, США, Соединенное Королевство и Германия стабильно оставались в числе лидеров.

Основными странами – отправителями трансграничных переводов в Россию, как в 2010 г., так и в 2018 г., стали Швейцария, США, Кипр, Германия, Соединенное Королевство, Латвия и Нидерланды.

Наибольшим ростом за период 2010 – 2018 гг. характеризовались объемы переводов из Чехии (в 12,5 раза), Латвии (в 5,9 раза), Швейцарии (в 3,5 раза), Грузии (в 3,4 раза) и Израиля (в 3,3 раза). Наибольший рост объемов переводов из России произошел в Латвию (в 6,6 раза), Швейцарию (в 5,0 раз), Кипр (в 2,6 раза).

Таблица 1

Основные страны дальнего зарубежья – участники трансграничных переводов

Table 1. Main foreign countries – participants of cross-border transfers

2010 г.		2018 г.	
Основные страны дальнего зарубежья – получатели трансграничных денежных переводов из России			
Страна	Доля в общем объеме переводов, %	Страна	Доля в общем объеме переводов, %
Китай	18,5	Швейцария	26,5
Швейцария	9,3	США	7,8
США	7,3	Соединенное Королевство	7,3
Германия	6,2	Латвия	6,4
Соединенное Королевство	6,0	Испания	4,1
Турция	5,9	Кипр	4,0
Испания	3,6	Германия	3,8
Основные страны дальнего зарубежья – отправители трансграничных денежных переводов в Россию			
Страна	Доля в общем объеме переводов, %	Страна	Доля в общем объеме переводов, %
Швейцария	18,0	Швейцария	26,4
США	10,8	США	11,2
Кипр	9,3	Латвия	9,3
Германия	7,8	Соединенное Королевство	5,9
Соединенное Королевство	7,2	Германия	5,5
Латвия	3,8	Кипр	5,5
Нидерланды	3,6	Нидерланды	3,0

Составлено автором по материалам исследования источника [9] / Compiled by the author on the materials [9]

Средняя сумма одного денежного перевода за период 2010 – 2018 гг. значительно сократилась как для денежных потоков из России, так и Россию. Средняя сумма одного денежного перевода резидентов из России в страны дальнего зарубежья снизилась с 5 000 до 160 долл. США (в 31 раз), нерезидентов – с 6 052 до 3 661 долл. США (в 1,7 раза). Средняя сумма одного денежного перевода из дальнего зарубежья в Россию сократилась для резидентов с 3 945 до 434 долл. США (в 9 раз), для нерезидентов с 4 169 до 2 468 долл. США (в 1,7 раза). Тенденция уменьшения средней суммы одного перевода на фоне увеличения денежных объемов денежных переводов может свидетельствовать об увеличении их интенсивности на современном этапе развития финансовой системы [10].

В денежных переводах из России в страны СНГ в 2010 г. доли отправителей резидентов и нерезидентов были примерно равны: 50,1 % и 49,9 % соответственно. Статистически значимой разницы между ними не было ($p = 0,758$). Оценка статистической значимости осуществлялась с помощью вероятностного калькулятора программы STATISTICA при $p \leq 0,05$. В 2018 г. доля резидентов среди отправителей денежных переводов в страны СНГ статистически значимо сократилась до 43,6 % (на 6,5 п. п.) ($p \leq 0,001$). Таким образом, можно сделать вывод, что денежные переводы из России в страны СНГ совершают преимущественно нерезиденты.

Иначе обстоит дело с денежным потоком из стран СНГ в Россию. Доля переводов резидентов существенно преобладает над долей нерезидентов: в 2010 г. 73,0 % против 27,0 % ($p \leq 0,001$), в 2018 г. – 70,2 % против 29,8 % ($p \leq 0,001$). За период 2010 – 2018 гг.

доля резидентов статистически значимо снизилась с 73,0 % до 70,2 % ($p = 0,036$), но тенденция ее существенного преобладания над долей нерезидентов сохранилась. Некоторые эксперты высказывают мнение, что преобладание экономических резидентов связано с постепенной трансформацией рынка иностранной рабочей силы в России в пользу долгосрочной миграции [2].

Денежные переводы из России в страны СНГ осуществляются преимущественно мигрантами, временно находящимися на территории России и осевшими здесь надолго, в пользу семей на родине [1]. В 2010 г. основными странами – получателями денежных переводов были Узбекистан, Таджикистан и Украина, в 2018 г. – Узбекистан, Таджикистан и Киргизия (табл. 2).

По данным Всемирного банка соотношение денежных переводов к валовому внутреннему продукту Таджикистана и Киргизии является самым высоким в мире (свыше 30 %) [11; 12]. Миграционные потоки и связанные с ними трансграничные денежные переводы способствуют снижению уровня бедности этих стран [9]. Результаты обследования бюджетов домашних хозяйств в Киргизии показали, что денежные переводы снижают уровень бедности в национальном определении на 6–7 процентных пунктов.

Трансграничные переводы в Россию из стран СНГ связан как оплатой обучения и медицинского обслуживания родственников на территории России, так и с приобретением активов и покупкой товаров и услуг [5]. Входящий поток денежных переводов в Россию в 2010 г. осуществлялся преимущественно из Казахстана, Украины и Узбекистана, в 2018 г.

Таблица 2

Основные страны СНГ – участники трансграничных переводов

Table 2. Main CIS countries – participants of cross-border transfers

2010 г.		2018 г.	
Основные страны СНГ – получатели трансграничных денежных переводов из России			
Страна	Доля в общем объеме переводов, %	Страна	Доля в общем объеме переводов, %
Узбекистан	24,2	Узбекистан	30,7
Таджикистан	18,9	Таджикистан	19,2
Украина	18,6	Киргизия	18,1
Основные страны СНГ – отправители трансграничных денежных переводов в Россию			
Страна	Доля в общем объеме переводов, %	Страна	Доля в общем объеме переводов, %
Казахстан	36,5	Казахстан	41,5
Украина	15,3	Армения	13,1
Узбекистан	13,4	Киргизия	11,6

Составлено автором по материалам исследования источника [9] / Compiled by the author on the materials [9]

Казахстан сохранил и укрепил лидирующую позицию, а вторую и третью заняли Армения и Киргизия.

За период 2010 – 2018 гг. наибольшим ростом характеризовались объемы переводов из России в Казахстан (в 2,6 раза), Киргизию (в 2,1 раза), Узбекистан (на 42,8 %). Резко сократились трансграничные переводы в Республику Молдову (на 45 %), Украину (в 4 раза), Туркмению (в 70 раз).

Активно росли объемы трансграничных переводов в Россию из Армении (в 3,2 раза), Киргизии (2,5 раза), Беларуси (2,3 раза). Резко сократились переводы из Украины (в 1,6 раза).

Средняя сумма одного денежного перевода при обмене со странами СНГ за период 2010 – 2018 гг. значительно сократилась у резидентов: из России в страны СНГ с 520 до 176 долл. США (в 3 раза), из стран СНГ в Россию – с 928 до 194 долл. США (в 4,8 раза). Средняя сумма одного перевода нерезидентов из России сократилась с 493 до 336 долл. США (на 31,8 %), а в Россию – с 776 до 652 долл. США (на 16,0 %).

Анализ динамики квартальных значений денежных средств, перечисленных физическими лицами из Российской Федерации, позволяет сделать вывод о наличии тренда и сезонной компоненты. Наблюдается устойчиво повторяющийся рост денежных переводов в четвертом квартале и снижение в первом квартале каждого года. Для моделирования

и прогнозирования объема денежных переводов были взяты ежеквартальные данные за период с I квартала 2016 по II квартал 2019 гг.

Амплитуда сезонных колебаний в течение рассматриваемого периода увеличивалась, поэтому для моделирования тенденции денежных переводов лучше всего подошла модель с мультипликативной сезонностью. Наилучшими свойствами для описания тренда обладает уравнение параболы (рис. 2):

$$\hat{y}_t = -41,3t^2 + 835,6t + 7349,6. \quad (1)$$

Как само уравнение, так и его параметры были статистически значимы. Проверка адекватности модели заключалась в исследовании независимости, нормальности и случайности распределения остаточной компоненты.

Для проверки нормальности распределения остатков модели строился вероятностный график и использовался тест Шапиро-Уилка при уровне значимости 0,05. Независимость остатков проверялась с помощью теста Дарбина-Уотсона. Для проверки случайности распределения остатков применялся критерий поворотных пиков. Исследование остаточной компоненты модели показало, что модель адекватна и может быть использована для прогнозирования. Значения полученных индексов сезонности представлены на рис. 3.

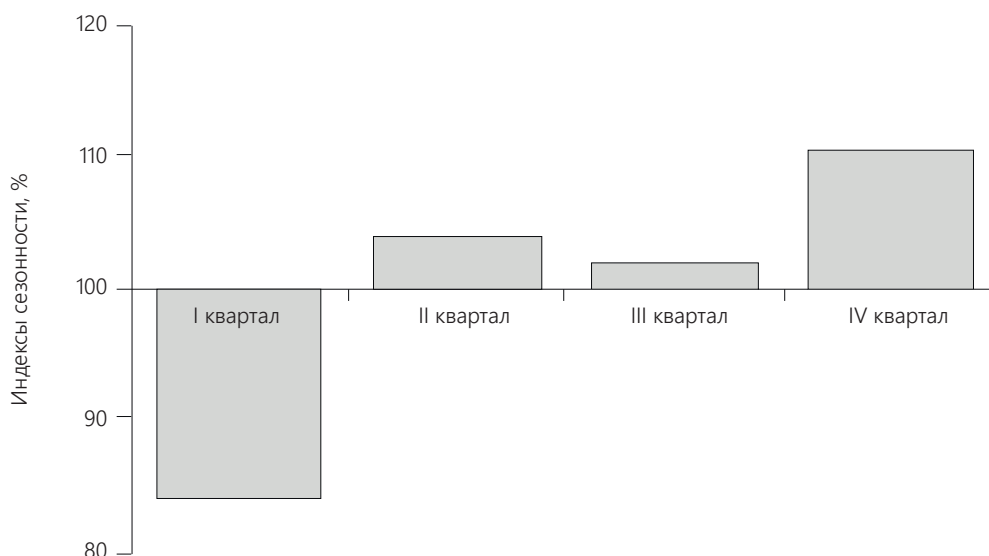
Регрессионная статистика					
Множественный R				0,858	
R-квадрат				0,737	
Нормированный R-квадрат				0,697	
Стандартная ошибка				732	
Наблюдения				14	

Дисперсионный анализ					
	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	3	1 595 273 893	531 757 964	1 050,3	0,00000
Остаток	11	5 568 948	506 268	-	-
Итого	14	1 600 842 841	-	-	-

Коэффициенты уравнения						
	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95 %	Верхние 95 %
Y-пересечение	7 349,6	430,85	20,18	0,0000	7 746,0	9 642,7
Переменная X ₁	835,6	54,28	5,23	0,0003	164,2	403,1
Переменная X ₂	-41,3	13,19	-3,13	0,0095	-70,3	-12,3

Составлено автором по материалам исследования источника [9] / Compiled by the author on the materials [9]

Рис. 2. Характеристика статистической значимости модели тренда денежных переводов
Figure 2. Characteristics of statistical significance of remittances trend model



Составлено автором по материалам исследования источника [9] / Compiled by the author on the materials [9]

Рис. 3. Индексы сезонности в ежеквартальной динамике денежных переводов из России
Figure 3. Seasonality indexes in the quarterly dynamics of remittances from Russia

Таблица 3

Прогноз объема денежных переводов из России на второе полугодие 2019 г. и первое полугодие 2020 г.

Table 3. Forecast of the volume of remittances from Russia to the second half of 2019 and the first half of 2020

Период	Расчетные значения по уравнению параболы (1), млн долл. США	Индексы сезонности	Расчетные значения с учетом сезонности, млн долл. США
2019 Q3	10 591	1,031	10 919
2019 Q4	10 146	1,068	10 836
2020 Q1	9 619	0,849	8 167
2020 Q2	9 009	1,051	9 468

Составлено автором по материалам исследования источника [9] / Compiled by the author on the materials [9]

На основе уравнения тренда (1) и индексов сезонности рассчитаны прогнозные значения объема денежных переводов из Российской Федерации (табл. 3).

Точность прогноза оценивалась на основе средней абсолютной процентной ошибки (MAPE), величина которой для мультипликативной тренд-сезонной модели составила 5,0 %.

В соответствии с выполненным прогнозом, можно предположить, что во втором полугодии 2019 г. за границу будут переведены 21 755 млн долл. США. В целом в 2019 г. объем перевода денежных средств за границу будет меньше объема 2018 г. и составит 42 804 млн долл. США. В первом полугодии 2020 г. за границу предположительно будет переведено 17 635 млн долл. США.

Подводя итог, можно выделить следующие основные особенности роли России в системе трансграничных денежных переводов физических лиц на современном этапе.

1. Для России характерен крайне высокий объем и темп оттока денежных средств в виде трансграничных переводов наряду с невысоким объемом их притока.

2. Обмен денежными средствами со странами СНГ и со странами дальнего зарубежья представляют собой самостоятельные потоки со своими особенностями.

3. Вывод денежных средств с территории России в страны дальнего зарубежья осуществляется преимущественно резидентами.

4. Более половины трансграничных переводов из России в зарубежные страны в 2010 г. приходилось на Китай, Швейцарию, США, Германию, Соединенное Королевство, Турцию и Испанию, в 2018 г. в состав основных стран-получателей денежных переводов вошли также Латвия, Испания и Кипр, а Китай, Турция и Испания утратили свои позиции. Швейцария, США, Соединенное Королевство и Германия стабильно оставались в числе лидеров.

5. Основными странами — отправителями трансграничных переводов в Россию, как в 2010 г., так и в 2018 г., стали Швейцария, США, Кипр, Германия, Соединенное Королевство, Латвия и Нидерланды.

6. В 2010 г. основными странами — получателями денежных переводов были Узбекистан, Таджикистан и Украина, в 2018 г. — Узбекистан, Таджикистан и Киргизия.

7. Входящий поток денежных переводов в Россию в 2010 г. осуществлялся преимущественно из Казахстана, Украины и Узбекистана, в 2018 г. Казахстан сохранил и укрепил лидирующую позицию, а вторую и третью заняли Армения и Киргизия.

8. Для трансграничных переводов денежных средств из России характерна сезонность: устойчиво повторяющийся рост денежных переводов в четвертом квартале и снижение в первом квартале каждого года.

9. Во втором полугодии 2019 г. за границу будут переведены 21 755 млн долл. США. В целом в 2019 г. объем перевода денежных средств за границу будет меньше объема 2018 г. и составит 42 804 млн долл. США. В первом полугодии 2020 г. за границу предположительно будет переведено 17 635 млн долл. США.

Библиографический список

1. Аброскин, А. С., Аброскина, Н. А. Теневые трансграничные потоки: проблемы оценки и анализа // Вестник Университета. 2015. № 13. С. 66–72.
2. Навой, А. В., Шалунова, Л. И. Статистика трансграничных переводов физических лиц. Методологические подходы и аналитические возможности // Деньги и кредит. 2017. № 12. С. 22–32.
3. Нусратуллин, И. В. Трансграничные денежные переводы трудовых мигрантов // Финансы Башкортостана. 2017. № 3 (074). С. 67–70.
4. Рязанцев, А. П., Хрусталёв, Е. Ю., Алексеева, Л. Г. Международные денежные переводы как фактор экономического развития в условиях глобализации // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 22 (64). С. 14–24.
5. Чайкина, Е. В., Лесь, Н. С. Трансграничные денежные переводы // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2018. № 19. С. 57–61.
6. Чебыкин, Р. Как утекают капиталы: статистика выводов средств из России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cre.ru/analytics/68997> (дата обращения: 10.10.2019).
7. Чебыкин, Р. Утекающие миллиарды. Куда и как уходили деньги физических лиц из России за последние 12 лет / Banki.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10371664> (дата обращения: 10.10.2019).
8. Международные денежные переводы мигрантов — важнейший источник финансирования развивающихся стран / Аналитический центр при Правительстве РФ. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Выпуск № 48, сентябрь 2019. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/24091.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).
9. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cbr.ru> (дата обращения: 10.10.2019).
10. Трансграничные переводы физических лиц в 2018 году / Банк России, 2019 [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/23677/CrossBorder_2018.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

References

1. Abroskin A. S., Abroskina N. A. Tenevyte transgranichnye potoki: problemy otsenki i analiza [*Shadow cross-border flows: problems of assessment and analysis*], Vestnik Universiteta, 2015, no. 13, pp. 66–72.
2. Navoi A. V., Shalunova L. I. Statistika transgranichnykh perevodov fizicheskikh lits. Metodologicheskie podkhody i analiticheskie vozmozhnosti [*Statistics of cross border transfers of individuals. Methodological approaches and analytical capabilities*], Den'gi i kredit [*Money & Finance*], 2017, no. 12, pp. 22–32.
3. Nusratullin I. V. Transgranichnye denezhnye perevody trudovykh migrantov, Finansy Bashkortostana, 2017, no. 3 (074), pp. 67–70.
4. Ryazantsev A. P., Khrustalev E. Yu., Alekseeva L. G. Mezhdunarodnye denezhnye perevody kak faktor ekonomicheskogo razvitiya v usloviyakh globalizatsii [*International remittances as a factor of economic development in the context of globalization*], Finansovaya analitika: problemy i resheniya [*Financial analytics: science and experience*], 2011, no. 22 (64), pp. 14–24.
5. Chaikina E. V., Les' N. S. Transgranichnye denezhnye perevody [*Cross-border remittances*], Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki: rossiiskii i zarubezhnyi opyt, 2018, no. 19, pp. 57–61.
6. Chebykin R. Kak utekayut kapitaly: statistika vyvody sredstv iz Rossii [*How capitals flow: statistics withdrawals from Russia*]. Available at: <https://cre.ru/analytics/68997> (accessed 10.10.2019).
7. Chebykin R. Utekayushchie milliardy. Kuda i kak ukhodili den'gi fizicheskikh lits iz Rossii za poslednie 12 let [*Leaking billions. Where and how did the money of individuals from Russia go over the past 12 years*], Banki.ru. Available at: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10371664> (accessed 10.10.2019).
8. Mezhdunarodnye denezhnye perevody migrantov — vazhneyshii istochnik finansirovaniya razvivayushchikhsya stran [*Migrants' international remittances are the most important source of financing for developing countries*], Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve RF. Byulleten' o tekushchikh tendentsiyakh mirovoj ekonomiki [*Analytical Center under the Government of the Russian Federation. Bulletin on current trends of world economy*], No. 48, September 2019. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/24091.pdf> (accessed 10.10.2019).

11. Трудовая миграция, денежные переводы и человеческое развитие в странах Центральной Азии. Серия аналитических записок по человеческому развитию для стран Центральной Азии / Eurasian Development Bank / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/CAM&RHDpaper\(rus\)FINAL.pdf](https://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/CAM&RHDpaper(rus)FINAL.pdf) (дата обращения: 10.10.2019).
12. Migration and Remittances. Recent Developments and Outlook. Brief 31. April 2019. World Bank Group, KNOMAD [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.knomad.org/publication/migration-and-development-brief-31> (дата обращения: 10.10.2019).
9. Official website of the Bank of Russia. Available at: <http://cbr.ru> (accessed 10.10.2019).
10. Transgranichnye perevody fizicheskikh lits v 2018 godu [*Cross-border transfers of individuals in 2018*], Bank Rossii, 2019. Available at: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/23677/CrossBorder_2018.pdf (accessed 10.10.2019).
11. Trudovaya migratsiya, denezhnye perevody i chelovecheskoe razvitie v stranakh Tsentral'noi Azii. Seriya analiticheskikh zapisok po chelovecheskomu razvitiyu dlya stran Tsentral'noi Azii [*Labour migration, remittances and human development in Central Asia. Series of analytical notes on human development for Central Asian countries*], Eurasian Development Bank. Available at: [https://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/CAM&RHDpaper\(rus\)FINAL.pdf](https://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/CAM&RHDpaper(rus)FINAL.pdf) (accessed 10.10.2019).
12. Migration and Remittances, Recent Developments and Outlook, Brief 31, April 2019, World Bank Group, KNO-MAD. Available at: <https://www.knomad.org/publication/migration-and-development-brief-31> (accessed 10.10.2019).

Концептуальные подходы к образованию региональных экономических кластеров

Ракута Наталья Васильевна¹, Ситихова Татьяна Ельзариковна²

¹канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-1857-1499, e-mail: rakutanv@mail.ru

²канд. экон. наук, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-7300-0381, e-mail: t_sitihova@mail.ru

Аннотация

Кластеризация экономики отдельных территорий определяет наиболее эффективную их интеграцию в мировую экономическую систему, позволяет обеспечить накопление и оптимальное, с точки зрения глобальных трендов, использование ресурсов, способствует повышению эффективности государственной промышленной политики. Кластеры стали одной из основных движущих сил и детерминант конкурентоспособности регионов, эффективность деятельности которых подтверждена мировым опытом. Они позволяют повышать конкурентоспособность не только входящих в них предприятий, но и конкретных отраслей в рамках региона, а также расширять внедрение инноваций, сокращать трансакционные издержки, развивать и укреплять взаимоотношения между бизнесом, наукой и государством. Получаемый синергетический эффект от создания кластера заключается не только в повышении эффективности его работы в целом по сравнению с эффективностью отдельных участников, но и во взаимном усилении конкурентных позиций как отраслевого производства, так и территории его базирования.

В статье уточнена содержательная характеристика понятия «экономический кластер региона», отличающая авторский подход от других известных научных подходов тем, что в составе региональных кластеров может быть выделена особая их разновидность — экономический кластер малых предприятий, представляющий собой локализованную и сконцентрированную по территориальному признаку группу предприятий малого бизнеса, взаимосвязанных между собой и взаимодополняющих друг друга. В центре кластерного образования находятся одно или несколько крупных и устойчивых в своем развитии предприятий, которые обеспечивают платежеспособный спрос, имеют общие (схожие) экономические интересы, общую стратегию развития, направленную на активизацию деятельности малых предприятий в регионе.

Малые предприятия, входящие в региональный экономический кластер способны обеспечить региону более высокий уровень эффективности производства и конкурентоспособности в сравнении с другими несистемно организованными экономическими структурами.

Ключевые слова: кластер, кластерные структуры, малый бизнес, регион, детерминанты развития, экономический кластер, конкурентоспособность, эффективность производства.

Цитирование: Ракута Н.В., Ситихова Т.Е. Концептуальные подходы к образованию региональных экономических кластеров//Управление. 2019. № 4. С. 76-83

Conceptual approaches to the formation of regional economic clusters

Rakuta Natalia¹, Sitokhova Tatiana²

¹Candidate of Economic Sciences, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, ORCID: 0000-0002-1857-1499, e-mail: rakutanv@mail.ru

²Candidate of Economic Sciences, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, ORCID:0000-0002-7300-0381, e-mail: t_sitohova@mail.ru

Abstract

Clustering of the economy of individual territories determines the most effective integration their into the world economic system, makes it possible for the accumulation and optimal use of resources from the point of view of global trends, contributes to the efficiency of state industrial policy. Clusters have become one of the main driving forces and determinants of regional competitiveness, the effectiveness of which is confirmed by world experience. They make it possible to increase the competitiveness not only of their enterprises, but also of specific industries within the region, as well as to expand the introduction of innovations, reduce transaction costs, develop and strengthen the relationship between business, science and the state. The resulting synergistic effect of creating a cluster is not only to increase the efficiency of its work as a whole in comparison with the efficiency of individual participants, but also to mutually strengthen the competitive position of both industry production and its home territory.

The content characteristic of the concept of “economic cluster of the region”, which distinguishes the author’s approach from other well-known scientific approaches by the fact that as part of regional clusters, a special kind of them can be distinguished—an economic cluster of small enterprises, which is a localized and geographically concentrated group of small businesses, interconnected and complementary to each other, has been clarified in the article. In the center of cluster education are one or more large and stable in their development enterprises, that provide effective demand, have common (similar) economic interests, a common development strategy aimed at activating the activities of small enterprises in the region.

Small enterprises, that are part of the regional economic cluster can provide the region with a higher level of production efficiency and competitiveness in comparison with other non-systemically organized economic structures.

Keywords: cluster, cluster structures, small business, region, determinants of development, economic cluster, competitiveness, production efficiency.

For citation: Rakuta N.V., Sitokhova T.E. Conceptual approaches to the formation of regional economic clusters, 2019 *Upravlenie*, 7(4), pp. 76–83. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-76-83



В современном мире с его динамикой и траекторией развития социально-экономического пространства большинства стран важнейшим и актуальным вопросом длительное время остается проблема повышения конкурентоспособности территорий, что в свою очередь обеспечивается в значительной степени использованием кластерного подхода как в научном, так и прикладном аспектах развития пространственно-территориальных образований.

Следует учитывать то обстоятельство, что понимание экономической категории «кластер» должно носить многоаспектный и многозначный характер, не предполагающий на сегодняшний день единого и однозначного трактования данного понятия. Теория формирования и развития кластеров в значительной степени обогатилась за счет трудов зарубежных ученых, где к числу ее основоположников относят профессора Гарвардской школы бизнеса в США М. Портера [3]. Кроме того, описанием и раскрытием механизма образования и проблемами функционирования современных кластерных форм длительное время занимаются S. Stern, M. Delgado, T. Anderson, S. Schwaag, E. Bergman и др., в научных трудах которых последовательно и детализировано раскрыты закономерности развития и специфика функционирования кластерных структур.

Очевидно, что современная кластерная теория выступает как базис экономического развития пространственно-территориальных образований и инструментарий для генерирования инноваций и концентрации возможностей экономических субъектов, способствующий росту уровня конкурентоспособности отдельных отраслей, производственно-территориальных комплексов, региона или государства в целом [1; 4].

В контексте изложения проблематики исследования и анализа форм развития и функционирования различных кластерных структур, необходимо отметить следующее. Теоретико-концептуальные и методологические подходы к образованию и развитию региональных экономических кластеров в секторе малого предпринимательства во многом построены на ряде научных воззрений исследователей в этой области теоретических изысканий, условно классифицированных на следующие основные группы:

- теоретико-концептуальные аспекты функционирования субъектов малого предпринимательства;
- теория региональной (пространственно-территориальной) организации экономической системы;
- общая теория экономического развития и теория экономического роста;
- теория кластеров.

В основе теории региональной (пространственно-территориальной) организации экономической системы заложен механизм исследования проблематики организации производственных систем в контексте построения пространственно-территориальных образований, в который входят такие основные теоретические императивы, как:

- теория специализации региональной экономики;
- теория размещения производства (хозяйственной деятельности);
- теории пространственной организации.

Основу теории специализации региональной экономики формируют современные теоретико-концептуальные подходы, предполагающие исследование специфики ассоциированных экономических структур и изучение феномена возникновения экономического эффекта масштабов производственной (хозяйственной деятельности).

Так, например, следуя постулатам теории абсолютных преимуществ (А. Смит), регион должен экспортировать ту продукцию, которую он изготавливает с меньшими суммарными издержками, одновременно импортируя такие товары, которые в других регионах также были произведены с меньшими суммарными издержками. Зависимость благосостояния территории в основном определяется уровнем и степенью развития производительных сил и производственных отношений, то есть уровнем разделения общественного труда и его обобществлением (кооперацией), а не количеством имеющихся благ; этот процесс должен быть обусловлен такими ключевыми детерминантами развития региона, как свобода конкуренции и невмешательство государства в экономику.

Вместе с тем, теория сравнительных преимуществ, описываемая Д. Риккардо, показывает взаимовыгодность торгово-экономических отношений, несмотря на то обстоятельство, что возможно какой-то из регионов не в полной мере имеет абсолютные преимущества в производстве конкретных видов товаров. Регионы, производящие товары, с более высоким уровнем производственных издержек, способны выигрывать на их разнице благодаря специализации производственного процесса и обмену.

Следующим ключевым императивом выступает теория размещения производства (хозяйственной деятельности), представленная:

- теорией размещения сельскохозяйственного производства, основанной на использовании методов математического моделирования, которые отображают взаимосвязь урожайности сельскохозяйственных культур и зон размещения разных видов сельскохозяйственной деятельности и степени интенсивности ведения сельского хозяйства;

- теорией размещения промышленного производства, авторами которой являются В. Лаундхарт и А. Вебер. Предложенный ими метод позволяет определить точку или место оптимального размещения производственного предприятия относительно имеющихся источников сырья (сырьевых рынков) и рынков сбыта.

В теории размещения хозяйственной деятельности было изучено воздействие на процесс размещения хозяйствующих субъектов таких ключевых факторов, как транспортная система, наличие квалифицированной рабочей силы, производственная агломерация.

Теория пространственной организации, получившая развитие в XX в., соединила теоретические изыскания И. Г. фон Тюнена, В. Лаундхарта, А. Вебера и целого ряда других ученых, осуществив переход от уровня экономических хозяйствующих субъектов и отдельных поселений к концептуальным аспектам формирования и развития экономического пространства региона.

Очевидно, что общие теории экономического развития и теории экономического роста не имеют прямой взаимосвязи с существующими в регионе проблемами, однако, они дают возможность интегрировать научно-прикладные разработки в сфере формирования и развития региональной экономической системы, а также результаты научно-исследовательской деятельности в области общих системных экономических явлений и процессов для полноценного обоснования теории возникновения и развития кластерных структур.

Общими теоретико-концептуальными основами экономического развития и экономического роста выступают следующие:

- концепция инноваций Й. Шумпетера, которая исходит из того постулата, что предпринимателя необходимо рассматривать в роли инноватора, а сами инновации считать ключевым императивом, направленным на обеспечение высокого уровня конкурентоспособности промышленного предприятия;
- концептуальный подход, предложенный в свое время Дж. Гэлбрейтом, направленный на формирование крупных рыночных экономических структур, то есть корпораций, призванных соединить в себе имеющиеся передовые технологии и сложную организацию структуры управления;
- концепция полюсов роста, автор которой Ф. Перу рассматривает возникающий экономический эффект производственной агломерации и объединения разных видов хозяйственной деятельности в общую целостную систему, образующую экономические

зоны или оси развития и (или) роста в регионе или стране в целом.

Очевидно, что весь спектр проблем, учитываемый в многоаспектности процессов регионального кластерообразования, не может быть охвачен представленными выше теоретико-концептуальными подходами. Следует иметь в виду то обстоятельство, что формирование кластерных структур не стало неожиданным явлением или процессом для экономической системы, так как в ней постоянно происходят динамические процессы, связанные с образованием крупных экономических структур, хозяйствующих субъектов интегрированного характера деятельности, которые ориентированы на создание доминирующего положения на рынке. Вместе с тем, достаточно длительный период времени наблюдались тенденции обратного характера, свидетельствующие о желании небольших по размерам и масштабам деятельности предприятий создавать такие организационные формы деятельности, которые были бы способны оказывать противодействие монопольным экономическим структурам. Это привело к тому, что с течением времени пришло понимание того, что стабильное и устойчивое положение хозяйствующего субъекта на рынке может быть достигнуто двумя основными способами, сочетаемыми друг с другом — масштабом производственно-экономической деятельности и гибкостью самого хозяйствующего субъекта, что обусловило развитие впоследствии наиболее приемлемых и эффективных, с точки зрения механизма консолидации возможностей и гибкости поведения на рынке, кластерных форм.

В теории кластеров можно выделить три базовых научных подхода: американский, британский и скандинавский.

1. Американский подход, представленный теоретико-концептуальными изысканиями крупнейших американских ученых М. Портером, М. Энрайтом, С. Резенфельдом, П. Маскеллом и др.

Теория промышленных кластеров, предложенная и сформулированная М. Портером, раскрывает понятие «кластера», введенное в экономический оборот самим М. Портером, трактовавшим под ним «группу географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [5, с. 35].

Согласно данному теоретическому постулату, размеры кластерных структур способны к варьированию от одного города до ряда соответствующих стран, при этом они представляют собой

совокупность пространственно-соседствующих и территориально-взаимодействующих крупных экономических субъектов и взаимосвязанных с ним предпринимательских структур, осуществляющих свою деятельность в определенном секторе экономики, и характеризуются общими подходами в управлении, схожими или аналогичными видами производственно-хозяйственной деятельности и их взаимодополняемостью.

Вместе с тем, следует признать, что понятие кластера, предложенное основоположником теории промышленных кластеров М. Портером, став классическим, тем не менее, не дает однозначного толкования данной экономической категории и точности идентификации критериальных признаков, по которым можно было бы отнести к кластерной структуре взаимодействующие предприятия, ввиду того, что и так значительная часть промышленного комплекса региона, исходя из признака географической локализации, имеет уже установленные и развивающиеся производственно-экономические связи и общность интересов экономической деятельности, обусловленной наличием признака взаимосвязанности предприятий, и может быть в той или иной степени отнесены к форме кластерного образования.

В предложенной другим американским ученым-исследователем М. Энрайтом теории региональных кластеров, содержание экономической категории «региональный кластер» следует трактовать в контексте понятия «промышленный кластер», образованный по принципу географической близости друг к другу фирм-участников такого типа кластеров; или по принципу развития географической агломерации производственных структур, функционирующих в одной или нескольких близких по производственно-технологической специализации и характеру деятельности отраслях регионального хозяйства. Такой тип кластерной структуры может вбирать в себя следующие вариации географической агломерации: образование промышленной зоны, в которой на кластерной основе взаимодействуют малые и средние предприятия; концентрацию промышленных предприятий с высоким уровнем технологичности производственного процесса, при котором эти предприятия оказываются задействованы в общем для всех производственно-технологическом процессе; комплексную систему, построенную на базе производственно-экономического взаимодействия крупных транснациональных компаний и малых предприятий, «отпочковавшихся» в свое время от материнской компании.

Региональный кластер в трактовке, предложенной С. Розенфельдом, представляет собой концентрацию взаимозависимых хозяйствующих субъектов, построенную по принципу «географической очерченности», имеющих или создающих каналы продвижения производственных транзакций, развития коммуникационных взаимосвязей между малыми и средними предприятиями в регионе.

П. Маскелл и М. Лоренцен определили региональный кластер, как доверительную форму партнерства между предприятиями, основанная на принципе сетевого взаимодействия, выступающего важнейшим и определяющим условием его образования и роста уровня конкурентоспособности каждого участника, входящего в такую кластерную структуру.

2. Британский подход к построению новых форм территориально-пространственной организации производственного процесса представлен в трудах известных ученых-исследователей Г. Дж. Даннинга, Дж. Хамфри, Х. Шмитца, К. Фримэна и др.

Так, например, Дж. Даннинг сформулировал и смоделировал эклектическую ОЛИ-парадигму (*ownership-specific advantages, location-specific variables, internalization advantage* — OLI; примеч. ред.) определения страны (региона) в контексте установленных ею (им) конкурентных позиций в потоковых процессах, связанных с прямыми иностранными инвестициями, позволяющая выделить такие конкурентные преимущества страны или региона, как преимущество владения, преимущество месторасположения и преимущество интернационализации с включением в этот процесс субъектов малого бизнеса.

Вместе с тем, последователями британского подхода к формированию кластерных структурных образований Дж. Хамфри и Х. Шмитц разработали теоретико-концептуальный подход, основанный на механизме вовлечения кластеров процесс формирования цепи добавления стоимости товаров и услуг, ставящий своей целью повышение уровня конкурентоспособности кластерных структур, отдельных регионов и стран в целом в мировом экономическом пространстве. Такой механизм основан на трех базовых схемах включения кластеров в процесс увеличения добавленной стоимости товаров и услуг:

- построение квази-иерархичной цепи с включением в нее кластера, которая создает экономически выгодные условия и преимущества для инноваций в производственно-технологический процесс и выпуск продукции;
- включение кластеров в цепочку производственно-хозяйственных отношений на региональном

(местном) рынке, но с относительным замедлением инновационного процесса в производственно-технологической среде и выпуске продукции;

- включение кластеров в предпринимательские сети, что в конечном счете ведет к улучшению производственно-технологического процесса, обусловившего выпуск конкурентоспособной продукции на рынке.

К. Фримэн предложил концепцию построения технико-экономической парадигмы развития, проходящей такие фазы, как становление, расцвет и закат и устанавливающей приоритетные позиции какой-либо одной отрасли промышленности в мировой экономике. При этом сменяемость фаз такой парадигмы развития позволяет менее развитым странам открыть так называемое «окно возможностей», догнав в развитии более сильные с экономической точки зрения страны.

Анализируя британский подход, можно констатировать следующее – построение кластерной структуры, в которой активная роль и место отводятся малым предприятиям, повышает ее конкурентоспособность прежде всего через использование механизма формирования цепи добавления стоимости товаров и услуг и изменения технико-экономической парадигмы развития.

3. Скандинавский подход к построению и функционированию региональных кластеров акцентирован на развитии теории экономики обучения и национальной системы инноваций, авторами которой являются Б.-О. Лундвал и Б. Йонсон, а также теории региональной системы инноваций, сформулированной Б. Асхаймом и А. Изаксеном.

Теория экономики обучения основана на постулате создания инноваций, генерирования новых знаний, что, по сути, становится единственным эффективным инструментом роста уровня конкурентоспособности экономических субъектов, кластеров, регионов и отдельных стран. Лундвалом были введены в экономический оборот понятия «добавочная инновация» и «экономика обучения» и исследовано такое экономическое явление, как национальная система инноваций, представляющая собой крупное пространственно-территориальное образование, включающее: производственные предприятия и установленный механизм взаимоотношений между ними; сектор государственной экономики; институты развития; формирование и развитие системы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР); организацию системы образования и обучения кадров.

Исследование региональной инновационной системы нашло свое отражение в научных изысканиях

Б. Асхайма и А. Изаксена, которые считали, что базой для ее построения должны стать крупные промышленные районы в отдельных регионах страны, ими же были определены экспортно-ориентированные агломерационные образования. В их представлении промышленными районами выступают отдельные локальные кластеры предприятий малого и среднего бизнеса, в которых происходят определенные процессы, связанные с инновациями, что позволяет сформулировать научный тезис о том, что для построения эффективно функционирующей региональной инновационной системы (промышленного района или локального (регионального) кластера) ключевым ресурсом становятся знания, а определяющим критерием эффективности их применения становится процесс получения образования, на базе которого создаются новые конкурентные преимущества.

Признак распределенности субъектов малого предпринимательства в пространственно-территориальных границах отдельного региона становится ключевым, объективно способствующим возникновению их агломерационных образований и зон их концентрации, и создающим необходимые базовые условия и предпосылки для образования и функционирования кластеров.

В контексте сказанного следует отметить один ключевой момент – исследователи и основоположники практически всех вышеперечисленных теоретических подходов исходят из того, что кластерные структуры обеспечивают определенные преимущества, являясь, по сути, детерминантами их развития.

К основным факторам развития кластеров можно отнести следующие:

- обеспечение роста экономической эффективности производственно-технологического процесса, обусловленного облегчением доступности поставщиков, рыночной информации, возможностей притока инвестиционных ресурсов и привлечения квалифицированных кадров;
- укрепление координационного взаимодействия и снижение уровня трансакционных издержек между участниками кластерной структуры (исходя из критерия их расположения в географической близости друг от друга);
- усиление так называемой «диффузии инноваций» между участниками кластерного образования;
- стимулирование процесса генерирования идей и инноваций, обеспечивающего коммерциализацию знаний;
- формирование и развитие институтов поддержки и партнерства в целях развития новых форматов

экономической деятельности и создания новых типов производств.

Профиль производственно-хозяйственной деятельности кластера, его диверсификации и другие специфические черты, дают основание считать, что кластер может быть построен с участием значительного числа разнообразных хозяйствующих субъектов.

В связи с этим необходимо отметить, что существенная характеристика и природа его образования обусловлены не столько составом его участников, сколько механизмом функционирования, направленным на повышение эффективности производственно-технологического процесса и сокращение длительности производственного цикла в отдельно взятой отрасли регионального хозяйства, усиление и ускорение стартовых позиций региона в социально-экономическом развитии страны в целом.

Современные научно-прикладные исследования и изыскания дополняют по многим аспектам классическую трактовку понятия такой категории как «экономический кластер», но вместе с тем, к числу ключевых признаков практически все исследователи относят:

- построение сложноорганизованной экономической структуры взаимосвязанных хозяйствующих субъектов, которые функционируют в различных сферах предпринимательской деятельности;
- наличие в кластерном образовании так называемого «ядра кластера», представляющего собой концентрацию крупных промышленных предприятий, производящих конкурентоспособную конечную (базовую) продукцию для потребления на внутреннем и внешнем рынках;
- концентрацию хозяйствующих субъектов разных по размерам и масштабам производственной деятельности, призванных обеспечивать «ядро кластера» базовыми факторами производства;
- формирование инфраструктурной среды функционирования кластера, которая включает обслуживающие предприятия (в сфере логистики, информации

и т. д.), научные и образовательные учреждения, финансово-кредитные организации, предприятия социальной сферы и др.

Однако приходится констатировать, что исследование проблем образования и функционирования кластеров не в полной мере и весьма поверхностно затрагивает вопросы формирования состава, роли, места и особенностей участия и взаимодействия малых предприятий в его структуре, в некоторой степени обусловленного тем обстоятельством, что кластерные структуры в основном изучаются с позиции (профиля) их экономической деятельности: промышленный кластер, агропромышленный кластер, инновационный кластер, туристический кластер и т. д., но без учета интересов развития регионального сектора малого предпринимательства [2].

Обобщая изложенное выше, следует отметить, что под термином «региональный экономический кластер малых предприятий» следует понимать локализованную и сконцентрированную по территориальному признаку группу предприятий малого бизнеса, взаимосвязанных между собой и взаимодополняющих друг друга. В центре кластерного образования находятся одно или несколько крупных и устойчивых в своем развитии предприятий, которые обеспечивают платежеспособный спрос, имеют общие (схожие) экономические интересы, общую стратегию развития, направленную на активизацию деятельности малых предприятий в регионе. Малые предприятия, входящие в региональный экономический кластер способны обеспечить региону более высокий уровень эффективности производства и конкурентоспособности в сравнении с другими несистемно организованными экономическими структурами.

Библиографический список

1. Галазова, С., Татуев, А., Нагоев, А., Ашхотов, А., Касаева Т. Региональное развитие Юга России: проблемы и методы финансирования инвестиционной деятельности: монография. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2019. 172 с.
2. Галазова, С., Татуев, А., Нагоев, А., Ашхотов, А., Касаева Т. Региональное экономическое пространство: теоретические и методологические аспекты: монография. М.: Издательство «Перо», 2018. 172 с.

References

1. Galazova S., Tatuev A., Nagoev A., Ashkhotov A., Kasaeva. T. Regional'noe razvitiye Yuga Rossii: problemy i metody finansirovaniya investitsionno deyatel'nosti: monografiya [Regional Development of the South of Russia: Problems and Methods of Financing Investment Activities: monography], Pyatigorsk, Pyatigorsk State University, 2019. 172 p.
2. Galazova S., Tatuev A., Nagoev A., Ashkhotov A., Kasaeva. T. Regional'noe ekonomicheskoe prostranstvo: teoreticheskie i metodologicheskie aspekty: monografiya

3. Миролюбова, Т., Карлина, Т., Ковалева, Т. Закономерности и факторы формирования и развития региональных кластеров: монография. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2013. 283 с.
 4. Антипин, И. А. Региональные кластеры малых и средних предприятий Российской Федерации: особенности формирования и тенденции развития//Экономика и предпринимательство. 2017. № 1 (78). С. 266–271.
 5. Кондратьева, М. Н., Глухова, С. А. Кластерная политика — элемент стратегии социально-экономического развития территории (на примере Ульяновского региона)//Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 41 (416). С. 33–44.
- [*Regional Economic Space: Theoretical and Methodological Aspects: monography*], Moscow, Pero Publishing House, 2018, 172 p.
 3. Mirolyubova T., Karlin T., Kovalev T. Zakonomernosti i faktory formirovaniya i razvitiya regional'nykh klasterov: monografiya [*Regularities and factors of formation and development of regional clusters: monography*], Perm, Perm State National Research University, 2013, 283 p.
 4. Antipin I. A. Regional'nyye klasteri malykh i srednikh predpriyatii Rossiiskoi Federatsii: osobennosti formirovaniya i tendentsii razvitiya [*Regional clusters of small and medium enterprises of the Russian Federation: features of formation and development trends*], Ekonomika i predprinimatel'stvo [*Journal of Economy and entrepreneurship*], 2017, no. 1 (78), pp. 266–271.
 5. Kondrat'eva M.N., Glukhova S.A. Klasternaya politika — element strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii (na primere Ul'yanovskogo regiona) [*Cluster policy - an element of the strategy of socio-economic development of the territory (on the example of the Ulyanovsk region)*], [*Regional economics: theory and practice*], 2015, no. 41 (416), pp. 33–44.

УДК 330.341:001.895
Получено: 25.10.2019JEL P00
Одобрено: 25.11.2019DOI 10.26425/2309-3633-2019-4-84-89
Опубликовано: 20.12.2019

Структурные уровни национальной экономической системы: аспект управления

Рязанова Галина Николаевна¹, Толкачев Павел Сергеевич²

¹канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация, e-mail: ryazanovagn63@gmail.com

²канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация, e-mail: dtr.paulo@mail.ru

Аннотация

В статье проанализирована организационная структура национальной экономики, ее внутренние уровни (макро-, мезо- и микро-). Выявлены проблемы содержания понятия «экономика», сегментировали его на материальную и социальную составляющие. Внимание акцентировано на негативных аспектах глобализации мировой экономики, основанных на главных положениях неоклассической парадигмы. Отмечено, что для обеспечения социально-экономической целостности народного хозяйства необходима трансформация родового состояния общества в централизованно-организованное.

По мнению авторов, для реализации преобразования социально-экономического пространства в целостную социально-экономическую систему необходима координация трех иерархически соподчиненных уровней: макро-, мезо- и микроэкономических агентов. Макроэкономический агент формирует субъектные отношения между всеми иерархическими уровнями, что требует высокого уровня государственного управления: это не может быть экономика командного характера, поскольку такая стратегия экономического развития парализует конкуренцию и свободу предпринимательства, однако не может быть и чисто рыночная экономика, поскольку «невидимая рука рынка» не способна обеспечить устойчивое гармоничное развитие экономики без вмешательства государства.

Сделан вывод о необходимости комплексного характера управления российской экономикой и определены задачи по совершенствованию системы управления. Подчеркивается, что на современном этапе наибольшее внимание следует уделить вопросам совершенствования управления мезоструктурой экономики России – развитию отраслей и регионов, поскольку на сегодняшний момент этому уровню экономики уделяется фрагментарное внимание. Анализ проведен с использованием общенаучных методов: метода абстракции, исторических методов исследования; метода формализации, метода реконструкции; на основании системного подхода с использованием метода прогнозирования.

Ключевые слова: экономика, национальная экономика, национальное сообщество, структурные уровни экономики, мезоуровень, управление экономикой.

Цитирование: Рязанова Г.Н., Толкачев П.С. Структурные уровни национальной экономической системы: аспект управления // Управление. 2019. № 4. С. 84–89.



JEL P00

DOI 10.26425/2309-3633-2019-4-84-89

Received: 25.10.2019

Approved: 25.11.2019

Published: 20.12.2019

Structural levels of the national economic system: management aspect

Ryazanova Galina¹, Tolkachev Pavel²

¹Candidate of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, Russia, e-mail: ryazanovagn63@gmail.com

²Candidate of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, Russia, e-mail: dtr.paulo@mail.ru

Abstract

The organizational structure of the national economy, its internal levels (macro, meso and micro) has been analyzed in the article. The problems of the content of the concept of “economy”, segmented it into material and social components, have been identified. Attention has been focused on the negative aspects of the globalization of the world economy, based on the main provisions of the neoclassical paradigm. It has been noted, that to ensure the socio-economic integrity of the national economy, it is necessary to transform the generic state of society into a centrally-organized.

According to the authors, to implement the transformation of the socio-economic space into an integrated socio-economic system, it is necessary to coordinate three hierarchically subordinate levels: macro, meso, and microeconomic agents. The macroeconomic agent forms subject relations between all hierarchical levels, which require a high level of government: it cannot be a command economy, since this strategy of economic development paralyzes competition and free enterprise, but there can be no purely market economy, because the “invisible hand of the market” unable to ensure sustainable harmonious development of the economy without government intervention.

It has been concluded about the need for an integrated nature of management of the Russian economy and the tasks for improving the system of management of the Russian economy have been determined. It is emphasized, that at the present stage, the greatest attention should be paid to the issues of improving the management of the mesostructure of the Russian economy – the development of industries and regions, since at the moment this level of the economy is paid fragmentary attention. The analysis has been carried out using general scientific methods: the method of abstraction, historical research methods; formalization method, reconstruction method; based on a systematic approach using the method of forecasting.

Keywords: economy, national economy, national community, structural levels of the economy, meso level, economic management.

For citation: Ryazanova G.N., Tolkachev P.S. Structural levels of the national economic system: management aspect (2019) *Upravlenie*, 7 (4), pp. 84–89. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-84-89



Национальная экономика — сложная система, внутренние элементы которой органично взаимосвязаны. Ее существование требует выполнения двух обязательных условий: сохранения системы как целого и одновременно каждого ее элемента в отдельности. Первое условие первично по отношению ко второму. Поэтому рассмотрение проблемы внутренней структуры национальной экономики (включая аспект управления) мы начинаем с анализа ее целостности.

В наших работах мы неоднократно отмечали, что экономику не следует понимать, как совокупность простых процессов производства и потребления [2; 4]. По своей сущности экономика включает в себя не только материальное, но и духовно-нравственное содержание. И именно последнее выступает той движущей силой, которая обеспечивает развитие экономики, превращает ее в процесс постоянного совершенствования, происходящего в материальной форме. Высшей целью экономики выступают не создаваемые материальные продукты (и их потребление), а воспроизводство самой жизни человека и общества (в той мере, в какой она зависит от материальных ресурсов). При этом главным вектором всего процесса является стремление общества к достижению совершенного состояния своего земного бытия (идеала), в то время как производство и потребление материальных благ выступают только условиями (средствами) его достижения.

С экономической точки зрения современный мир становится все более взаимосвязанным. Благодаря многосторонним международным экономическим связям сформировалась развитая мировая экономическая система, наполненная соответствующими институтами международного регулирования (прежде всего, ООН). Последняя представляет собой макроуровень организационной структуры мирового хозяйства.

Современное мировое экономическое сознание буквально пронизано идеей глобализации. Главным аргументом, восхваляющим последнюю, является утверждение, что глобализация создаст экономический рай на Земле — бескризисное развитие и изобилие производимых материальных благ. Однако, так утверждают только те, для кого идеал совершенства заключается именно в материальном, потребительском, контексте. Данная идея выражена в широко известном мейнстриме, утверждающем, что материальные потребности безграничны, а их удовлетворение ограничено только ограниченностью производственных ресурсов. Отсюда и вытекает и естественный программный лозунг — непрерывное расширение ресурсной базы.

Однако мейнстрим не является экономической идеологией всего мирового сообщества. Более того, его исповедует отнюдь не большинство населения планеты, а только одна его часть — западная цивилизация [3]. Все другие цивилизации — восточная, исламская, российская, латиноамериканская и иные — не придерживаются идеала мейнстрима, хотя и в полном объеме включают материальную составляющую в свои цели развития. Поэтому мы видим, что на мезоуровне мировой экономики (цивилизационная структура) господствует цивилизационное многообразие.

В свою очередь, каждая цивилизация состоит из большей или меньшей совокупности национальных государств (за исключением так называемых одиночных стран-цивилизаций, как, например, Израиль и Россия). Поэтому наряду с цивилизационным многообразием существует и многообразие национальное. Речь идет о национальных экономиках, каждая из которых располагается на нижнем уровне системы мирового хозяйства — на ее микроуровне.

При всех своих многочисленных различиях все национальные экономики обладают рядом общих свойств. Все они представляют собой устойчивые и целостные экономические системы, которые в организационном плане, как бы повторяя логику мирового хозяйства, характеризуются троичностью своих внутренних иерархических уровней: макро, мезо и микро.

Исследованию внутренней организационной структуры национальной экономики и проблеме управления всеми ее уровнями (с учетом российской специфики) и посвящена настоящая статья.

Национальная экономика представляет собой существующий в границах данного государства союз индивидов, объединившихся для совместного духовно-ориентированного воспроизводства своей жизни (через производство и потребление необходимых жизненных средств). Формы этого союза различны. Они отражают исторические, религиозные, культурные, политические и другие особенности каждого конкретного национального социума. Однако указанные различия не отменяют базисных принципов и целей каждого национального сообщества. А именно: 1) любая национальная экономика должна быть целостной системой и 2) любая национальная экономика должна иметь свою собственную цель развития. Другими словами, организационная целостность и общая цель развития — две координаты, на которых зиждется каждая национальная экономика.

В настоящей работе мы исходим из того, что общая цель развития для национального сообщества определена. Поэтому предметом дальнейшего

рассмотрения выступает организационная структура национальной экономики, ее внутреннее иерархическое устройство и связанные с этим задачи управления.

Структура и функции национальной экономики

Подробный анализ организационной структуры национальной экономики нами проведен в монографии «Цели экономики и задачи инновационного развития России» [2 гл. 8]. Здесь мы остановимся только на основных моментах.

Образование национального сообщества возможно лишь на основе свободного объединения граждан, имеющих общий идеал развития и стремление жить и работать совместно. Поэтому гражданское общество может возникнуть исключительно на нравственной, а не на насильственной основе — как союз индивидов (в идеале — братство). Будучи целостным социумом, стремящимся к достижению общей цели, гражданское общество вырабатывает общую программу развития, определяя этапы и средства ее достижения.

Внутри национального социума отношения между его участниками носят непосредственно-общественный характер. Но таковыми они выступают только потенциально, ибо никакой индивид не может одновременно находиться в личных связях со всеми остальными членами общества. В этом плане человек, образно говоря, духовно ограничен: как личность он способен иметь непосредственный контакт только с одной другой личностью.

Данное ограничение снимается общественным договором, в рамках которого гражданское общество наделяет одного из своих членов (или группу членов) полномочиями общественного координационного центра. Последний, лично взаимодействуя с каждым периферийным индивидом, аккумулирует информацию, обеспечивая четкую координацию всех со всеми. Таким образом, для обеспечения общественной целостности и для реализации общей цели требуется преобразование родового состояния — «гражданское общество» — в видовое — «централизованно-организованное общество». При этом последнее одновременно образует макроуровень организационной структуры национальной экономической системы.

После принятия общей программы развития наступает этап ее реализации, для чего гражданское общество наделяет свой общественно-координационный центр властными, то есть государственными, полномочиями. Таким образом, на период реализации программы координационный центр приобретает новое качество: он становится государственным

центром общественного управления, а все общество предстает в виде двухполюсной системы: «государство — общество». В литературе, по широко распространенным формулировкам, такую систему часто именуют одним термином — «государство». Однако надо всегда видеть отличие между государством как двухполюсной системой «государство — общество» и государством как управляющим центром (одним из полюсов) данной системы.

В отличие от гражданского общества отношения внутри государства построены по закону вертикали власти. Одни члены общества добровольно принимают на себя обязанности руководителей (избранных обществом), а другие (также добровольно) — исполнителей (подчиненных элементов). Важно четко понимать, что положительные связи между государством и обществом могут строиться только на доверии общества государству (как центру управления), то есть на духовно-нравственной основе. При этом гражданское общество никогда не теряет контроль над созданной им же государственной (централизованной) системой власти. Высшая политическая власть всегда остается в руках союза свободных индивидов. В России это юридически закреплено в пункте 1 статьи 3 ее Конституции: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [1].

Все функции национальной экономики (которые одновременно выступают и функциями государства) разделяются на общие и специфические. К общим относятся три: становление, сохранение и развитие, а к основным специфическим — социальная и производственная. Социальная отвечает за духовно-ориентированное воспроизводство материальной жизни человека и всего общества, а производственная — за создание необходимых жизненных средств (продуктов). Взятые вместе, они образуют единый социально-экономический процесс.

Основные специфические функции развертываются в ряд специфических подфункций. Так, социальная реализуется через такие направления как создание условий для роста численности и благосостояния населения, борьба с бедностью, достижение социального равенства и др. Производственная осуществляется через различные виды промышленной политики, развитие агропромышленного комплекса, транспорта, информационных технологий и т. д.

В литературе функции национальной экономики — и общие, и специфические — именуют терминами «государственная стратегия», «направления государственной деятельности», «политика государства», например: социальная политика, экономическая

политика, кредитно-денежная политика, научно-техническая политика, экологическая политика, политика в области культуры и образования и т. д.

Внутренние уровни организационной структуры национальной экономики

После преобразования союза граждан «гражданское общество» в общественно-централизованную систему «государство — общество» последняя раскрывает себя как сложноорганизованное устройство, состоящее из трех иерархически соподчиненных уровней: макро-, мезо- и микро-.

Как мы уже отмечали выше, на макроуровне организационная структура национальной экономики (макроструктура) представляет собой двухполюсную систему: государство (центр общественного управления) и общество (исполнители). Организационная система «государство — общество» является основным структурным отношением. По своим качественным характеристикам она устойчива и неизменна и сохраняет себя до тех пор, пока существует изначальный союз граждан, ее сформировавший.

Обе последующие структуры (мезо- и микро-) возникают внутри макроструктуры. Они наследуют ее базисные свойства, опираясь на нее, как на свою глубинную организационную основу.

Средним (вторым по иерархической значимости) уровнем организационной структуры национальной экономики выступает ее мезоструктура. Она формируется внутри макроуровня и представляет собой более сложную систему субъектных отношений (по сравнению с макроструктурой). Субъектами мезоуровня выступают государство (национальный центр) и крупные объединения граждан: регионы, отрасли, межотраслевые комплексы и, так называемые, общественные сферы (культура, наука, образование, медицина и др.).

Складывающиеся здесь отношения между государством и объединениями граждан (регионы, отрасли и др.) подчиняются закону вертикали власти. Все субъекты мезоуровня так или иначе подчинены государству. Однако мы видим, что на данном уровне возникают и иные отношения. Отрасли, регионы и другие субъекты мезоуровня имеют право вступать (и реально вступают) в непосредственные отношения друг с другом, минуя прямые указания и разрешения государственного центра.

Кроме того, в отличие от макроструктуры, субъекты которой (государство и общество) институционально устойчивы, субъекты мезоуровня обладают известной неопределенностью и подвижностью. Под воздействием научно-технического прогресса, исследований и разработок и других

факторов изменяется отраслевая структура экономики, с течением времени происходят перемены внутри общественных сфер (в науке, образовании, медицине и др.) [5]. В известной мере перемены могут касаться и региональной структуры.

Поэтому централизованное воздействие на мезоуровень и контроль за его функционированием требуют высочайшего качества государственного управления. Необходимо обращать особое внимание на сохранение гармонического состояния всего мезоуровня. Нельзя допустить, чтобы между его внутренними субъектами возникали те или иные конфликты.

Наконец, третьим (и самым нижним в иерархическом плане) уровнем организационной структуры национальной экономики выступает ее микроструктура (микроуровень). Она складывается внутри первых двух и имеет самый сложный субъектный состав. Ее непосредственными участниками являются юридические лица (относительно самостоятельные хозяйственные предприятия и организации), находящиеся во взаимодействии как друг с другом, так и с государственным центром и субъектами мезоуровня (отраслями и регионами).

Именно в границах микроструктуры в полном своем объеме располагается сфера рыночной экономики. Только здесь рыночные отношения (при условии соблюдения установленных институциональных правил) действуют свободно. Устойчивое гармоническое функционирование национальной рыночной системы во многом достигается мерами государственного регулирования (а также стабильностью отношений рыночных агентов с субъектами мезоуровня — отраслями и регионами) [6].

Государственное воздействие на национальную рыночную систему не может носить командного характера. В противном случае были бы парализованы ее собственные факторы развития — личная свобода, частная инициатива и др. Но в то же время государство не может допустить и анархии на национальном рынке. Поэтому регулирование рыночной экономики — важная и весьма сложная задача, стоящая перед верхними этажами системы национального хозяйственного управления.

Управление национальной экономической системой

Подытоживая настоящую статью, мы хотим отметить, что управление российской национальной экономической системой должно носить комплексный (интегральный) характер, реализующий задачи развития экономики как целого, так и каждого ее структурного уровня в отдельности.

Наши высшие хозяйственные органы должны четко видеть стоящие перед страной задачи. В первую очередь это касается вопросов социального развития: благосостояния граждан, повышения уровня и качества жизни, создания необходимых условий для решения демографических проблем и др. В деле материального производства — это вывод страны на самый современный уровень научно-технического прогресса, обретение технологической устойчивости производственной сферы и, при необходимости (учитывая сложную мировую обстановку), достижение самодостаточности российской экономики.

Управление внутренней структурой российской экономики имеет, на сегодняшний день, существенные проблемы. Основная состоит в том, что государственному воздействию на мезоуровень (отраслевому и региональному развитию) сегодня уделяется недостаточное внимание. Данное управление носит фрагментарный и не постоянный характер. Сегодня основное внимание государства сосредоточено на двух уровнях национальной экономической системы: на высшем (макроструктура) и нижнем

(рыночная экономика). А среднему мало что достается. Он как бы оставлен на самотек. Это существенно снижает эффективность работы всей системы управления экономикой. Важно понимать, что все уровни национальной экономической системы взаимосвязаны. Они образуют единое организационное целое. Поэтому без решения проблемы мезоуровня построить эффективную систему управления нашей национальной экономикой невозможно.

Когда мы говорим о государственном регулировании мезоуровня, речь не может идти о примитивном возрождении прошлого советского опыта — командных методов управления. Речь идет о другом. На современном этапе создание в нашей стране эффективной системы государственного воздействия на экономику (как на целое, так и на все ее структурные уровни) возможно только на нравственной основе. Необходимо, чтобы люди верили государству, а государство служило людям. Возникновение данного духовно-нравственного состояния требует обретения общего (общенационального) идеала развития России [4].

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 01.10.2019).
2. Толкачев, П. С. Цели экономики и задачи и задачи инновационного развития России: Монография. М.: ГУУ, 2011. 231 с.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. М.: Изд-во «АСТ», 2003, 603 с.
4. Толкачев, П. С. Управление и экономика: к вопросу о целях развития // Управление. 2017. № 2 (16). С. 16–21.
5. Akhilesh, K. B. Driving the economy through R&D // R&D Management. 2014. 03 July. P. 27–35.
6. Williams, C. C. Tackling enterprises operating in the informal sector in developing and transition economies: a critical evaluation of the neo-liberal policy approach // Journal of Global Entrepreneurship Research. 2014. No. 9. 17 p. doi 10.1186/2251-7316-2-9.

References

- Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated on 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated on 30.12.2008 No. 7-FCL dated on 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated on 21.07.2014 № 11-FCL)], SPS «Konsul'tantPlyus» [Legal reference system "ConsultantPlus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons> (accessed 01.10.2019).
1. Tolkachev P. S. Tseli ekonomiki i zadachi innovatsionnogo razvitiya Rossii [The goals of the economy and the tasks of Russia's innovative development], Moscow, GUU, 2011, 231 p.
 2. Huntington S. Stolkновение tsivilizatsii [The clash of civilizations], Moscow, Izd-vo "AST", 2003, 603 p.
 3. Tolkachev P. S. Upravlenie i ekonomika: k voprosu o tselyakh razvitiya [Management and economics: To the issue of development goals], Upravlenie, 2017, vol. 5, no. 6, pp. 16–21. (in Russian).
 4. Akhilesh K. B. Driving the economy through R&D, R&D Management, 2014, 03 July, pp. 27–35. doi 978-81-322-1945
 5. Williams C. C. Tackling enterprises operating in the informal sector in developing and transition economies: a critical evaluation of the neo-liberal policy approach, Journal of Global Entrepreneurship Research, 2014, no. 9, 17 p. doi 10.1186/2251-7316-2-9.

Проблемы разработки методологии стратегического планирования для региональных социально-экономических систем

Атаева Айсылу Гарифулловна

канд. экон. наук, Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0002-2835-0147, e-mail: ice_lu@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы методологии разработки региональных стратегий в трех аспектах: во-первых, с позиции ограничений использования традиционных школ стратегического планирования применительно к региональным социально-экономическим системам; во-вторых, в контексте особенностей региона, как объекта стратегического планирования; в-третьих, с учетом современных реалий развития информационных технологий и инструментария принятия управленческих решений. Выявлено, что традиционные школы стратегического управления учитывают лишь определенный аспект стратегирования и имеют ограниченное применение для региональных систем. Раскрыты особенности региона, как открытой сложносоставной системы, занимающей промежуточный уровень в системе публичного управления, характеризующейся нелинейным характером развития и информационной открытостью управления.

Сложносоставной характер региона влияет на то, что региональная стратегия представляет собой механизм согласования долгосрочных интересов разного рода стейкхолдеров территории. Происходит это как через их участие в определении стратегических приоритетов и отборе конкретных стратегических проектов на этапе целеполагания, так и через использование специального модельного инструментария, характеризующегося наличием встроенных контуров взаимодействия субъектов для различных классов экономических ситуаций и позволяющего адаптировать их ресурсные стратегии при согласовании общих целей функционирования. Установлено, что современный этап развития экономики характеризуется особенностями, связанными с развитием информационных технологий и инструментария принятия управленческих решений, что определяет необходимость расширения методологической и методической базы регионального стратегического планирования.

В совокупности анализ показывает, что в условиях адаптивного поведения экономических агентов региона, неопределенной внешней и внутренней среды, традиционные методологические подходы и методический инструментарий становится малоприменимым в реальной практике регионального управления. Эффективным направлением совершенствования методов стратегического планирования в этих условиях представляется применение технологий адаптивного управления и имитационного моделирования на базе современных информационных технологий.

Ключевые слова: региональная социально-экономическая система, регион, региональное управление, стейкхолдер, экономический агент, стратегическое планирование, стратегия социально-экономического развития, школы стратегического планирования.

Цитирование: Атаева А.Г. Проблемы разработки методологии стратегического планирования для региональных социально-экономических систем // Управление. 2019. № 4. С. 90–99.

Благодарности. Исследование проведено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00345 (18-00-00343) «Инструментарий обоснования перспективных стратегий инновационного развития регионов на базе методов адаптивного управления и имитационного моделирования».

© Атаева А.Г., 2019. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)



Problems of developing a strategic planning methodology for regional socio-economic systems

Ataeva Aysylu

Candidate of Economic Sciences, Institute of Social and Economic Researches,
Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
ORCID: 0000-0002-2835-0147, e-mail: ice_lu@mail.ru

Abstract

The issues of the methodology for developing regional strategies have been considered in three aspects: firstly, from the position of restrictions on the use of traditional strategic planning schools in relation to the regional socio-economic systems; secondly, in the context of the characteristics of the region as an object of strategic planning; thirdly, taking into account modern realities of information technology development and management decision-making tools. It has been revealed, that traditional strategic management schools take into account only a certain aspect of strategizing and have limited application for regional systems. The peculiarities of the region have been disclosed as an open complex system, occupying an intermediate level in the public administration system, characterized by a non-linear development and informational openness of management.

The complex nature of a region affects the fact, that a regional strategy is a mechanism for coordinating the long-term interests of various stakeholders of a territory. This happens both through their participation in determining strategic priorities and selecting specific strategic projects at the goal setting stage, and through the use of special model tools, which are characterized by the presence of built-in interaction loops for different classes of economic situations and allowing them to adapt their resource strategies while agreeing on common goals of functioning. It has been ascertained, that the current stage of economic development is characterized by features related to the development of information technologies and management decision-making tools, which determines the need to expand the methodological and methodical base of the regional strategic planning.

In total, the analysis shows, that in the context of the adaptive behavior of economic agents of the region, the uncertain external and internal environment, traditional methodological approaches and methodical tools become of little use in the actual practice of regional governance. The effective direction of improving the methods of strategic planning in these conditions is the use of adaptive management and simulation modeling technologies based on modern information technologies.

Keywords: regional socio-economic system, region, regional government, stakeholder, economic agent, strategic planning, social and economic development strategy, strategic planning schools.

For citation: Ataeva A.G. Problems of developing a strategic planning methodology for regional socio-economic systems (2019) *Upravlenie*, 7 (4), pp. 90–99. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-90-99

Acknowledgements. Research has carried out with the support of RFFI in the framework of scientific project No. 18-00-00345 (18-00-00343) "Tools for substantiating promising strategies for innovative development of regions based on adaptive management and simulation modeling".



В современной России важность формирования долгосрочной политики регионального развития оценена относительно недавно. Об этом свидетельствует тот факт, что Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — ФЗ-172) был принят только в июне 2014 г., хотя документы стратегического планирования федерального, регионального и местного уровней разрабатывали и реализовали еще до 2014 г. [2]. Соответственно, возникают проблемы встраивания этих документов в новую систему стратегического планирования, а также согласования вновь принимаемых территориальных и отраслевых стратегических документов.

Все это происходит в условиях отсутствия единой методологии разработки стратегических документов территориальных систем, к которым пытаются применить подходы традиционных школ стратегического менеджмента, изначально разработанные для корпоративных структур. В наибольшей степени проблема методологического обоснования разработки стратегий актуальна для регионов в силу особенностей их места в иерархии территориальных социально-экономических систем.

Цель статьи — выявление проблем методологии разработки региональных стратегий в трех аспектах: во-первых, с позиции ограничений использования традиционных школ стратегического планирования применительно к региональным социально-экономическим системам; во-вторых, в контексте особенностей региона как объекта стратегического планирования и его места в иерархии территориальных социально-экономических систем; в-третьих, с учетом современных реалий развития экономики, информационных технологий и инструментария принятия управленческих решений.

Ограничения применения подходов традиционных школ стратегического управления

Стратегическое планирование является одним из этапов стратегического управления (или стратегического менеджмента), которое было введено в обиход в 1960—1970-х гг. как управление более высокого уровня. В последующем сформировались 10 школ стратегического менеджмента, которые, разделяя базовые принципы и общее понимание сути стратегического управления, отличаются своим взглядом на выделение основных методологических приоритетов.

Наименования и сущность школ общеизвестны и нет смысла заново определять их сущностные характеристики. В нашем исследовании мы рассмотрим

школы с позиции применимости методологии каждой из них к стратегическому управлению территориальными системами регионального уровня.

Школа дизайна. В этой школе процесс разработки стратегии понимается как процесс осмысления стратегических направлений развития организации. Представители школы Ф. Селзник, А. Чандлер, К. Эндрюс. Суть школы заключается в том, что стратегия разрабатывается для обеспечения соответствия внутренних и внешних возможностей организации. Это в полной мере соответствует и целевой ориентации региональных стратегий. Общая характеристика стратегии любой социально-экономической системы — обеспечение целесообразной связи внутренних параметров системы и условий внешней среды, относя к первым сильные (конкурентные преимущества) и слабые (проблемы) стороны региона, а ко вторым — угрозы и возможности, влияющие на сценарные варианты развития региона.

К недостаткам школы дизайна в плане ее применимости при формировании региональных стратегий можно отнести то, что разработка стратегии осуществляется только руководством и не допускается участие как подчиненных, так и сторонних экспертов; организационный механизм разработки носит неформальный характер, стратегические документы не оформляются документально, что на уровне региона малоприменимо; отсутствует сценарный подход; разделены этапы разработки стратегии и ее реализации с явным преимуществом первого этапа: стратегия считается идеальной, и все должно подстраиваться под нее, а не наоборот.

Школа планирования. Представители: И. Ансофф, Дж. Штейне, П. Лоранж. Школа планирования рассматривает построение стратегии как формальный процесс. Формализованный характер разработки стратегии в рамках этой школы делает ее подходящей для региональных стратегий, в частности: наличие детализации стратегии по срокам и установка иерархий планирования (долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные планы); наличие четкого механизма реализации, взаимоувязывающего деятельность всех структурных подразделений и финансовые источники; наличие сценариев согласно составляемым прогнозам развития рынка (оптимистический и пессимистический); жесткая формализация процесса стратегирования, определяемая как недостаток школы планирования, является преимуществом для региональных систем, учитывая особенности организации управления.

Недостатком, применительно к региональным системам, является жесткая зависимость стратегии от качества прогнозов. Применительно

к территориям достаточно сложно осуществить качественный долгосрочный прогноз.

Школа позиционирования. В рамках школы разработка стратегии представляет собой аналитический процесс. Представитель — М. Портер. Основной упор делается на конкурентные преимущества и специализацию организации. В региональных стратегиях также необходимо определять конкурентоспособность территории, а целевые ориентиры региональных стратегий также должны обеспечивать усиление конкурентных преимуществ территории по сравнению с регионами-соседами, регионами-аналогами или регионами-лидерами.

Школа предпринимательства. Представители: О. Коллинс и Д. Мур, Б. Берд, Г. Минцберг, П. Друкер, Д. Макклелан, Й. Шумпетер. В рамках школы стратегия разрабатывается только руководителем организации на основе его интуиции и опыта. Для регионального уровня малоприменима, поскольку формирование стратегий региональных систем слишком сложный процесс, который не может осуществляться одним человеком.

Когнитивная школа. Представители: А. Дюгейм, Г. Саймон, К. Швенк, П. Корнер и др. Сторонники школы рассматривают процесс разработки стратегии сквозь призму анализа мыслительных процессов руководителей-стратегов. Поэтому в большей степени в рамках школы даются рекомендации по развитию наиболее важных способностей стратега — анализировать и структурировать исходную информацию. Применительно к региону эта школа имеет очень важное преимущество. Г. Бэйтсон высказал предположение о том, что «люди в своих действиях используют большое количество сложных фреймов с многоуровневой интерпретацией, выполняющих примерно ту же функцию, что и рамка, в которую помещается фотография, то есть снимает неопределенность, показывая, что такое «внутри» и что такое «вне», что «реально» в контексте взаимодействия наблюдателя и ситуации» [6, с. 183]. Поэтому стратегия носит в определенной степени абстрактный характер и ее следует рассматривать как достижение понимания. Это более чем применимо к уровню региона: регион — сложная система, невозможно полностью учесть все интересы и все варианты будущего, поэтому региональная стратегия всегда носит компромиссный характер.

Школа обучения. Представители: Дж. Куинн, Г. Сью, Р. Паскаль, Дж. Марч, Дж. Бауэр, Р. Бургельман, К. Прахалад и др. Здесь предполагается, что стратегия как конкретный документ является недееспособной в связи с тем, что она, с одной стороны, разрабатывается руководством, а реализуется

исполнителями, с другой — четкие цели стратегии могут не соответствовать изменяющейся реальности. Поэтому во главу угла ставится не сама стратегия как план действий, а процесс стратегического мышления и обучения. В чистом виде школа мало применима к административным структурам, так как законодательство обязывает принимать конкретные документы, задающие четкие целевые ориентиры и не допускает «стратегический дрейф».

Школа власти. Представители: А. Макмиллан, Г. Минцберг, Дж. Пфеффер, Г. Салансик, Дж. Сарразин, Р. Фримен и др. Сторонники школы определяют, что с одной стороны, в разработке стратегии ключевую роль играют интересы тех или иных властных структур, с другой стороны, сама стратегия является инструментом политических игр. Исходя из этого, стратегия не только не может быть реализована, а даже, в принципе, сформулирована. Отдельные аспекты такого видения имеют место быть и при разработке региональных стратегий, однако нельзя отдавать властным отношениям фундаментальную роль при разработке стратегии, она скорее является одним из множества факторов при принятии управленческих решений.

Школа культуры. Представители: Э. Петтигрю, Дж. Джонсон, С. Фельдман, Дж. Лорш, Т. Питерс, Р. Уотерман, Б. Вернерфельт. Ключевую роль в разработке стратегии играет организационная культура и ценности организации, что характеризует эту школу как противоположную школе власти. Упор при разработке стратегий делается на сохранение ценностей, традиций и баланса отношений внутри организации в ущерб внешним изменениям, что определяют ограничения применения ее принципов для разработки территориальных стратегий.

Школа внешней среды. Представители: Д. Миллер, Г. Минцберг, М. Хананн и Дж. Фриман. Школа определяет внешнюю среду как основной фактор разработки и реализации стратегий, а стратегические решения руководства организации представляют собой реакцию на изменение окружающей среды. Фактически в таком подходе ни о каком стратегическом выборе речи не идет, более того организация не может противостоять внешнему окружению, особенно при слабом руководстве. Это определяет недостатки школы для региональных стратегий.

Школа конфигурации. Представители: Д. Миллер, П. Хандавалл, М. Бир. Суть подхода заключается в том, что процесс развития организации включает периоды относительно устойчивой конфигурации и периоды трансформации — так называемый «квантовый скачок» в новую конфигурацию. Вместе это представляет собой жизненный цикл организации.

Соответственно, стратегия учитывает эти моменты, и ее характер зависит от конкретной стадии развития организации. Для региона подобные «квантовые скачки» маловероятны, его развитие носит сложный многокомпонентный характер, и такие скачки могут привести к значительному социально-экономическому дисбалансу. Но некоторые идеи могут быть учтены и в региональных стратегиях.

Каждая из школ учитывает определенный аспект стратегирования и имеет ограниченное применение для региональных систем. Можно было бы сказать, что в методологическом плане для формирования и реализации стратегий региона необходим синтез базовых положений школ: дизайна — с точки зрения ориентации на обеспечение соответствия внутренних и внешних возможностей региона как территориальной социально-экономической системы; планирования — с позиции формализованного характера разработки стратегии; когнитивной — с позиции необходимости достижения взаимопонимания внутри системы; позиционирования — с позиции обеспечения конкурентных преимуществ. Однако это неверно. Все эти школы могут быть элементами методологии регионального стратегического планирования, но они не решают часть существенных проблем.

Необходимы дополнительные элементы методологии, связанные, во-первых, с отличительными особенностями региона как объекта стратегического планирования и управления, его места в иерархии территориальных социально-экономических систем, во-вторых, с современными условиями функционирования региона, например, с развитием цифровой экономики, появлением нового математического и модельного инструментария стратегического планирования и др.

Особенности региона как объекта стратегического планирования

К отличительным особенностям региона как объекта стратегического планирования, накладывающим ограничения применимости традиционных школ стратегического планирования можно отнести следующие.

1. Промежуточный уровень в системе публичного управления.

Регион как социально-экономическая система занимает промежуточное место в иерархии территориальных социально-экономических систем, что определяет возникновение двухуровневого контура управления. Внутри внешнего контура регион является объектом управления, одним из многочисленных в составе внешней системы. Во внутреннем контуре

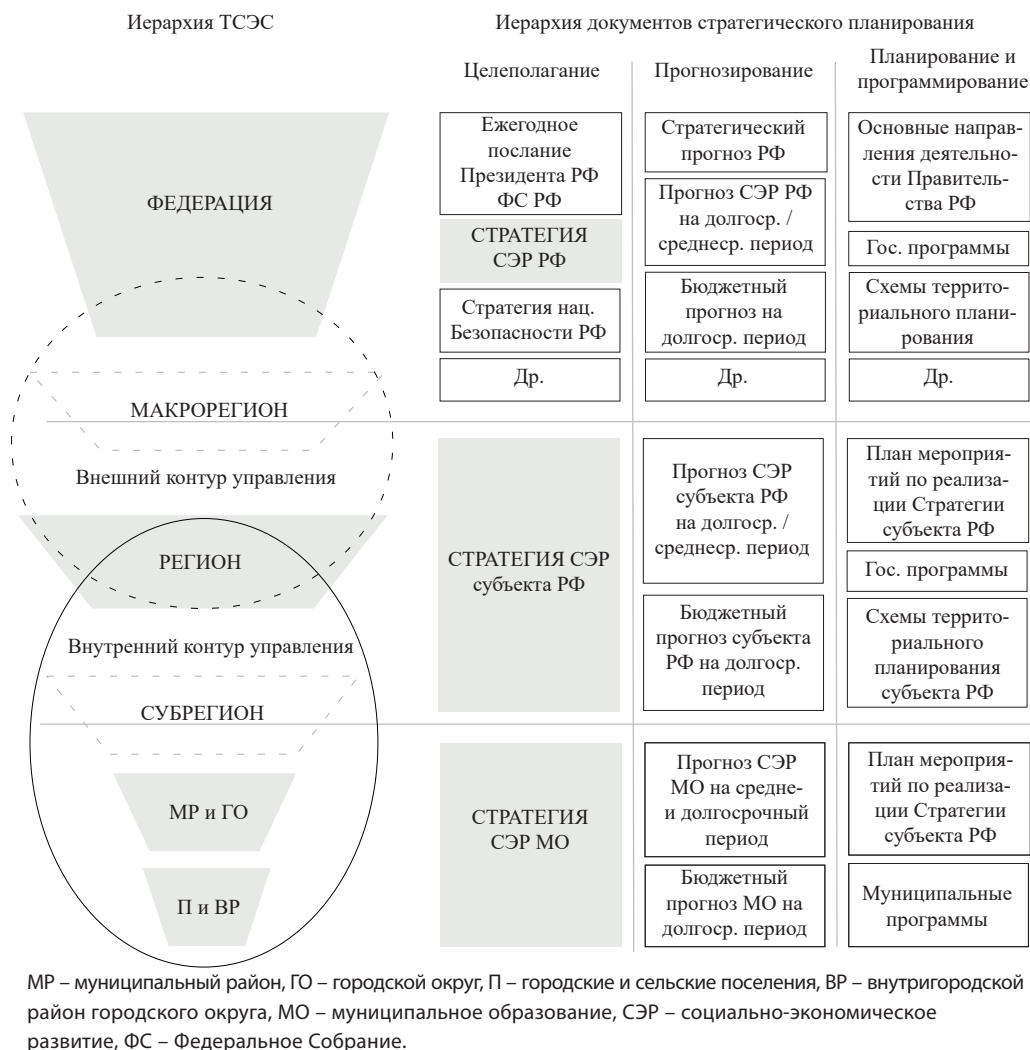
регион является субъектом управления, а объектами выступают иерархические подсистемы 1-го уровня: субрегионы, если таковые имеются, 2-го уровня (муниципальные районы, городские округа) и 3-го уровня (поселения и внутригородские районы). В первом случае регион дает «обратную связь» федеральному центру, во втором — получает ее от муниципалитетов, корректируя управленческие решения.

Соответственно, стратегия региона также встраивается в иерархию документов стратегического планирования разноразмерных территориальных систем и становится в определенной степени инструментом их согласования. Место региона в иерархии территориальных социально-экономических систем и система документов стратегического планирования согласно ФЗ-172 [2] (рис. 1).

Соответственно, региональное стратегическое планирование должно рассматриваться через призму «пространственного среза» [7]. Во-первых, как пространственная компонента федерального стратегического планирования, реализуемая через федеральную политику регионального развития и отражающая меру ответственности федерального центра за устойчивое социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации (далее — РФ). Во-вторых, «пространственный срез» единой модели стратегического планирования будет реализовываться через развитие практики стратегического планирования на субфедеральном уровне при ее согласовании со всеми аналогичными документами федерального центра.

2. Регион — социально-экономическая система. По мнению Л. Д. Казаченко, в настоящее время понятие региона как социально-экономической системы можно считать общепринятым [8], то есть регион — не просто территория, ее признаком является интегративный характер, выражающийся, судя по названию, в соединении социальных и экономических элементов. А именно совокупности людей, образованных людьми социальных и экономических институтов, собственно самой локализованной территории, ее ресурсов. Этот факт отражается в наименовании основного стратегического документа субъекта РФ — Стратегии социально-экономического развития субъекта (далее — Стратегия). Соответственно направления стратегических приоритетов должны отражать развитие ключевых элементов данной системы (пространство, экономика, человек и социальная сфера, ресурсы (природные и создаваемые человеком), а также связи с другими аналогичными системами).

Более того, регион — больше социальная система, чем экономическая (особенно это касается муниципальных образований). Если рассмотреть



Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 1. Место региона в иерархии территориальных социально-экономических систем и система документов стратегического планирования согласно ФЗ-172
Figure 1. The place of the region in the hierarchy of territorial socio-economic systems and the system of strategic planning documents in accordance with Federal Law-172

цели стратегий социально-экономического развития субъектов РФ, то в большинстве из них, так или иначе, прозвучит цель повышения качества жизни и благосостояния населения. Человек для региона – не просто экономический агент, а целевая ориентация его функционирования. В отличие от корпоративных структур, в которых человека, не осуществляющего вклад в итоговые результаты, можно исключить из системы (уволить), в региональной системе такого сделать нельзя.

Органы публичной власти, несмотря на свои глобальные стратегические цели обеспечения конкурентоспособности региона среди других территориальных систем, наличия властных полномочий при реализации государственной политики, вынуждены адаптироваться под интересы экономических агентов:

домохозяйств, бизнеса и др., учитывать общественные интересы. Соответственно, на первый план выходит свойство адаптивности системы регионального управления, ее регулирующих воздействий.

3. Регион – участник конкурентных отношений. Есть мнение, что развитие одного региона возможно только за счет других регионов, а темп развития национальной экономики задается априорно. Тогда региональные стратегии становятся инструментом конкурентной борьбы, например, за федеральные средства [11]. Так, Методические рекомендации Министерства экономического развития РФ по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъектов РФ указывают, что в аналитическом блоке разработки Стратегии целесообразно проведение сравнительной оценки

конкурентоспособности региона для выявления конкурентных преимуществ [4]. Под последними можно понимать «совокупность природных, социально-экономических, научно-образовательных, технических, информационных, культурных и институциональных условий, сложившихся в регионе, отличающих его от других регионов и определяющих производственные и иные особенности его развития на долгосрочную перспективу» [13, с. 6];

4. Регион — сложносоставная система, включающая множество стейкхолдеров со своими интересами. Это не только традиционные государство, фирма, домохозяйство, а, по мнению А. Аузана и «топменеджер, акционер, работник, миноритарий, то есть конкретный человек, испытывающий личную заинтересованность в результатах процессов, происходящих с его участием» [14, с. 31]. К отдельным стейкхолдерам региона можно отнести и муниципальные образования разного рода, за развитие которых в определенной степени ответственен регион. При этом имеет место конфликт интересов между стейкхолдерами территории за ресурсы, сферы влияния и др.

Исходя из этой особенности региона, Стратегия представляет собой механизм согласования долгосрочных интересов разного рода стейкхолдеров территории. Происходит это, во-первых, через «участие субъектов региональной экономики в стратегическом управлении, что повышает их заинтересованность в конечных результатах, которые, к тому же устанавливаются с учетом интересов всех групп стейкхолдеров» [14, с. 114]. Так, согласование происходит на этапе целеполагания в части определения стратегических приоритетов и отборе конкретных стратегических проектов. Во-вторых, согласование в рамках Стратегии может осуществляться с применением специального модельного инструментария, характеризующегося наличием встроенных контуров взаимодействия субъектов для различных классов экономических ситуаций и позволяющего адаптировать их ресурсные стратегии при согласовании общих целей функционирования.

5. Нелинейный характер регионального развития. Он вытекает из предыдущего свойства региона. Для любой сложной системы выявленные на основе прошлого опыта проблемы и преимущества не могут считаться сохраняющими свою актуальность даже для ближайшего будущего, не говоря уже о долгосрочной перспективе. Они обязательно изменятся под воздействием множества факторов и поведения различных экономических агентов.

Это определяет необходимость наличия в региональных стратегиях системы мониторинга и корректировки целевых индикаторов в условиях изменения внешних и внутренних факторов, а также использования сценарного подхода. Территориальные стратегии должны иметь два и более сценариев развития, по которым осуществляется прогноз целевых индикаторов, поскольку нелинейность социально-экономических изменений и развития означает существование объективной возможности многовариантной последовательности событий.

Кроме того, региональные стратегии должны носить недискретный характер. Для стратегий любых территориальных систем, в отличие от коммерческих организаций характерен факт, что они разрабатываются не последовательно во времени, а как бы накладываются друг на друга. Следующая стратегия региона разрабатывается за 5–3 лет до конца реализации предыдущей. Например, Законом Пензенской области от 04 сентября 2007 г. № 1367-ЗПО была принята Стратегия социально-экономического развития Пензенской области на долгосрочную перспективу (до 2030 г.), а 10 мая 2018 г. завершены общественные слушания по поводу проекта Стратегии социально-экономического развития Пензенской области до 2035 г., проект находится на согласовании [3; 5].

6. Регион — открытая система, характеризующаяся не только значительным количеством внутренних связей, но и связей с внешней средой. При этом внешняя среда устанавливает нормативный базис функционирования региона, оказывает существенное влияние на экономические условия развития региона и его стейкхолдеров. И сами стейкхолдеры как экономические агенты, и органы публичной власти принимают управленческие решения в условиях взаимодействия с внешней средой, адаптируясь как под изменение внешних условий, так и изменение поведения друг друга.

Адаптивность поведения экономических агентов влияет на эффективность государственного управления, в том числе и на качество стратегического планирования региона. В частности, является одним из ключевых факторов, влияющих на осуществление одного из этапов стратегирования — прогнозирование целевых индикаторов развития региона.

Планирование и прогнозирование целевых индикаторов в региональных стратегиях на долгосрочную перспективу всегда осуществляется в условиях неопределенности внешней среды, соответственно всегда высок риск принятия управленческих решений по количественным и качественным параметрам целевых ориентиров, не соответствующих реальным изменениям внешней среды. Но даже если внешняя

среда развивается в соответствии с ожиданиями, информации о ней может оказаться недостаточно для верного прогнозирования целевых индикаторов, так как информации также свойственна неопределенность.

Отсюда возникает проблема выбора методического инструментария прогнозирования, позволяющего учесть огромное число внутренних и внешних факторов развития. Также при использовании модельного инструментария прогнозирования необходимо учитывать наличие механизмов принятия решений экономическими агентами в различных ситуациях, обеспечивающих отражение адаптивного характера поведения экономических агентов.

7. Информационная открытость регионального управления. Информационная открытость является ключевой особенностью демократической вовлеченности населения в общественные процессы, в особенности на муниципальном уровне. С одной стороны, население и хозяйствующие субъекты имеют возможность получать необходимую информацию о государственных решениях, с другой стороны, власть получает обратную связь от стейкхолдеров территории. Это более чем важно при стратегическом планировании, в особенности при разработке документов целеполагания: стратегий социально-экономического развития федерального, регионального и местного уровней.

Например, особенностью стратегического планирования в Германии является открытость обсуждения всех региональных программ (не только стратегий): все программы проходят процедуру общественного обсуждения и публикуются в средствах массовой информации.

В России в 2009 г. был принят Федеральный закон № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», который определяет принципы и способы доступа к информации органов власти [1]. Применительно к стратегическому планированию ст. 14 ФЗ-172 определяет, что для его информационного обеспечения в России создается федеральная информационная система [2]. Она реализована в ГАИС «Управление» и позволяет организовать доступ всех заинтересованных лиц к любому стратегическому документу федерального, регионального и местного уровней и участие в общественном обсуждении проектов документов стратегического планирования РФ.

Помимо отличительных особенностей региона, связанных с неопределенностью условий его функционирования и адаптивностью поведения его стейкхолдеров, затрудняющих осуществление долгосрочного прогнозирования, а также других

особенностей региона как территориальной социально-экономической системы, необходимо учитывать и современные условия его функционирования.

Современные условия разработки региональных стратегий

Несмотря на то, что традиционные школы стратегического планирования получили свое развитие больше полувек назад, базовые их принципы и подходы применимы и сейчас. Но нужно учитывать, что современный этап развития экономики характеризуется своими особенностями, также кардинально изменились информационные технологии и инструментарий принятия управленческих решений.

Современное состояние развития экономики приняло новую форму, которую называют цифровой экономика, представляющую собой «парадигму ускорения экономического развития с помощью цифровых технологий», «значение которых для функционирования предприятий просто огромное, а дальнейшее повсеместное их проникновение будет значительно увеличиваться во всех направлениях и секторах экономики в будущем» [9, с. 92, с. 99]. Благодаря новым технологиям как в бизнесе, так и в органах государственной власти, внедряется программный инструментарий, позволяющий анализировать огромный объем информации и помогать в принятии управленческих решений.

С другой стороны, сама цифровизация влияет на «тенденции развития инструментария математического и компьютерного моделирования в контексте анализа проблем совершенствования методологии стратегического планирования» [12, с. 502]. Автор рассматривает методологические изменения аппарата формирования и оценки проектов стратегических решений в стратегическом планировании в виде дихотомии: причина — следствие: разнородная информация — гетерогенные модели; большие объемы данных — дезагрегированные модели; быстрые изменения — адаптивные модели; неопределенность развития — мягкие вычисления; волатильность — оценка чувствительности; неоднозначность — сценарное моделирование (вариативность развития — переход от техник прогнозирования к методологии проектирования и управления будущим).

В совокупности анализ показывает, что в условиях адаптивного поведения экономических агентов региона, неопределенной внешней и внутренней среды, традиционные методологические подходы и методический инструментарий становится малоприменимым в реальной практике регионального

управления, а потому не являются методологическим и инструментальным базисом для выработки стратегий регионального развития.

И одним из ключевых требований к разработке методологии разработки региональной стратегии является понимание того, что стратегия — не формальный инструмент усиления конкурентных преимуществ региона, а долгосрочный инструмент достижения компромисса интересов основных стейкхолдеров территории. При использовании текущего или разработке нового модельного инструментария нужно учитывать, что экономические агенты каждый конкретный момент времени адаптируются к текущему поведению друг друга, обеспечивая при этом достижение собственных локальных целей, а, соответственно, и на долгосрочную перспективу это имеет место быть. Задача региона

в рамках Стратегии социально-экономического развития учесть это свойство адаптивности экономических агентов и регионального управления в целом, и через систему регуляторов более высокого уровня использовать для одновременного обеспечения достижения глобальной цели развития всей региональной системы в целом.

Эффективным направлением совершенствования методов стратегического планирования в этих условиях представляется применение технологий адаптивного управления и имитационного моделирования на базе современных информационных технологий в области решения задач инструментального обеспечения процесса формирования и реализации стратегий и программ социально-экономического развития регионов России.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 09.02.2009 №8-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 21.10.2019).
2. Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 27.10.2019).
3. Закон Пензенской области от 4.09.2007 г. № 1367-ЗПО «О стратегии социально-экономического развития Пензенской области на долгосрочную перспективу (до 2030 года) (с изменениями на: 02.12.2016) // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/cons/> [Электронный ресурс]. — Режим доступа: (дата обращения: 29.10.2019).
4. Приказ Минэкономразвития России № 132 23.03.2017 (ред. от 07.09.2018) «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 01.11.2019).
5. Проект Стратегии социально-экономического развития Пензенской области на период до 2035 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pnzreg.ru/> (дата обращения: 01.11.2019).
6. Бейтсон, Г. Теория игры и фантазии // Социальные и гуманитарные науки. 1998. № 4. С. 181–199.
7. Бухвальд, Е. М., Валентик, О. Н. Стратегическое планирование и новые ориентиры политики регионального развития в Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 5. С. 21–41.
8. Казаченко, Л. Д. Обзор научных подходов к определению категории «регион» // Вестник-экономист. Забайкальский

References

1. Federal'nyi zakon ot 29.02.2009 № 8-FZ "Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatel'nosti gosudarstvennykh organov i organov mestnogo samoupravleniya" [*Federal Law dated on 29 February, 2009 No. 8-FZ "On ensuring access to information on the activities of state bodies and local self-government"*] SPS "KonsultantPlyus" [*Legal reference system "ConsultantPlus"*]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (accessed 21.10.2019).
2. Federal'nyi zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ "O strategicheskoy planirovaniy v Rossiiskoi Federatsii" [*Federal Law dated on 2 June, 2014 No. 172-FZ "On strategic planning in the Russian Federation"*] SPS "KonsultantPlyus" [*Legal reference system "ConsultantPlus"*]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (accessed 27.10.2019).
3. Zakon Penzenskoi oblasti ot 4.09.2007 g. № 1367-ZPO "O strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Penzenskoi oblasti na dolgosrochnuyu perspektivu (do 2030 goda)" (s izmeneniyami na: 02.12.2016) [*The Law of the Penza Region dated on September 4, 2007 No. 1367-ZPO "On the strategy of social and economic development of the Penza Region for the long term (until 2030)" (with the changes on December 2, 2016)*]. — Available at: <http://www.zspo.ru/legislative/acts/4123/> (accessed: 29.10.2019).
4. Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii № 132 ot 23.03.2017 "Ob utverzhdenii Metodicheskikh rekomendatsii po razrabotke i korrektyrovke strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya sub'ekta Rossiiskoi Federatsii i plana meropriyatiy po ee realizatsii" [*Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 132 dated on 23 March, 2017 "On the approval of the Methodological Recommendations for the development and adjustment of the strategy of socio-economic development of a constituent entity of the Russian Federation and an action plan for its implementation"*]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214725/ (accessed 01.11.2019).
5. Proekt Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Penzenskoi oblasti na period do 2035 goda [*Draft strategy of social and economic development of the Penza region for the*

- государственный университет [Электронный ресурс]. 2012. № 4. — Режим доступа: <http://vseup.ru/> (дата обращения 25.10.2019).
9. Ляшук, А. В., Тихонова, М. В. Стратегическое планирование на предприятии в рамках цифровой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 91–97.
 10. Матвеева, В. М. Цифровая экономика: тренды и перспективы // Сборник трудов научно-практической конференции «Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, результаты и возможности». Орехово-Зуево: ГГТУ, 2017. С. 98–104.
 11. Михеева, Н. Н. Региональная экономика и управление. Хабаровск, 2000. 400 с.
 12. Писарева, О. М. Анализ состояния и характеристика потенциала развития инструментария стратегического планирования в условиях цифровой трансформации экономики и управления // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9, № 4. С. 502–529.
 13. Унтура, Г. А. Регион как эпицентр зарождения конкурентоспособности // Регион: экономика и социология. 2002. № 1. С. 3–16.
 14. Шан, Ян. Стратегическое управление структурными преобразованиями экономики региона // Дисс. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук. Воронеж, 2018. 218 с.
 - period until 2035] SPS “KonsultantPlyus” [Legal reference system “ConsultantPlus”]. Available at: <http://pnzreg.ru/project-office/projects/strategiya-razvitiya-penzenskoy-oblasti-do-2035-goda-1/57883/> (accessed: 01.11.2019).
 6. Bateson G. Teoriya igry i fantazii [Theory of games and fantasies], Sotsial'nye i gumanitarnye nauki [Social and Human Sciences], 1998, no. 4, pp. 181–199.
 7. Bukhval'd Ye. M., Valentik O. N. Strategicheskoe planirovanie i novye orientiry politiki regional'nogo razvitiya v Rossiiskoi Federatsii [Strategic planning and new guidelines for regional development policy in the Russian Federation], Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra [Economy: yesterday, today, tomorrow], 2015, no. 5, pp. 21–41.
 8. Kazachenko L. D. Obzor nauchnykh podkhodov k opredeleniyu kategorii «region» [Review of scientific approaches to the definition of the category “region”], Vestnik-ekonomist. Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet [Herald-economist. Transbaikal State University], 2012, no. 4. Available at: <http://vseup.ru/> (accessed 25.10.2019).
 9. Lyashchuk A. V., Tikhonova M. V. Strategicheskoe planirovanie na predpriyatii v ramkakh tsifrovoy ekonomiki [Strategic planning at an enterprise within the digital economy], Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [News of St. Petersburg State University of Economics], 2018, no. 4 (112), pp. 91–97.
 10. Matveeva V. M. Tsifrovaya ekonomika: trendy i perspektivy [Digital economy: trends and prospects], Sbornik trudov nauchno-prakticheskoi konferentsii “Innovatsionnoe razvitiye sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: usloviya, rezul'taty i vozmozhnosti” [Collection of papers of the scientific-practical conference “Innovative development of socio-economic systems: conditions, results and opportunities”], Orekhovo-Zuyev, GGTU, 2017, pp. 98–104.
 11. Mikheeva N. N. Regional'naya ekonomika i upravlenie [Regional Economics and Management], Khabarovsk, 2000, 400 p.
 12. Pisareva O. M. Analiz sostoyaniya i kharakteristika potentsiala razvitiya instrumentariya strategicheskogo planirovaniya v usloviyakh tsifrovoy transformatsii ekonomiki i upravleniya [Analysis of the state and characteristics of the development potential of strategic planning tools in the context of digital transformation of the economy and management], MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye) [MID (Modernization. Innovations. Development)], 2018, vol. 9, no. 4, pp. 502–529.
 13. Untura G. A. Region kak epitsentr zarozhdeniya konkurentosposobnosti [The region as the epicenter of the birth of competitiveness], Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: economics and sociology], 2002. no. 1, p. 6.
 14. Shan Yan. Strategicheskoe upravlenie strukturnymi preobrazovaniyami ekonomiki regiona [Strategic management of structural transformations of the regional economy], Dissertatsiya na soiskaniye uchenoi stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk [Dissertation for the degree of candidate of economic sciences], Voronezh, 2018, 218 p.

Особенности доходной политики как важнейшего направления социальной политики

Биганова Мадина Александровна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова»,
г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0001-8411-9647, e-mail: biganovamadina@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены основные положения, сущность и содержание доходной политики как ключевой части социальной политики государства. Автор справедливо отмечает, что политика доходов нацелена на решение таких важных задач, как оказание помощи уязвимым группам населения прибегая к использованию системы социального обеспечения и нивелирования инфляционных процессов, оказывающих влияние на доходы и сбережения граждан. Приведены различные модели социального регулирования, в числе которых «скандинавская», или «шведская» модель, монетаристская, патерналистская и другие. В ходе исследования применялись различные общенаучные методы: наблюдения, системно-функциональный, синтеза и анализа, научной абстракции.

Предложены основные направления совершенствования реализации государственной социальной политики, которая представляется как объемный, многоаспектный процесс, имеющий сложную структуру и пересекающийся с множеством других направлений деятельности государства. Сформулирован вывод, что общество не существует само по себе, социальная сфера находится в постоянном взаимодействии с другими сферами, такими как производство материальных благ, политика, культура и окружающая среда. Отмечено, что социальную политику признают эффективной тогда, когда вся социальная сфера находится на высоком уровне, а со стороны общества отчетливо виден положительный отклик действиям государства. Таким образом, чем шире такая политика, чем масштабнее полнота охватываемых направлений, как явных (борьба с бедностью, социальная защита и т. п.), так и неявных (отношения между социальными группами, мотивация в обществе и т. д.), тем результативнее функционирование государства в целом.

Ключевые слова: экономическая теория, социальная политика, доходная политика, экономические процессы, государство, социальные отношения, рыночная экономика, общественные блага.

Цитирование: Биганова М. А. Особенности доходной политики как важнейшего направления социальной политики // Управление. 2019. № 4. С. 100-105.

JEL D31, E64

DOI 10.26425/2309-3633-2019-4-100-105

Received: 09.10.2019

Approved: 11.11.2019

Published: 20.12.2019

Revenue policy features as an important direction of social policy

Biganova Madina

Candidate of Economic Sciences, North Ossetia State University
named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russia,
ORCID: 0000-0001-8411-9647, e-mail: biganovamadina@mail.ru

Abstract

The main provisions, essence and content of the revenue policy as a key part of the social policy of the state have been considered in the article. The author rightly notes, that the income policy is aimed at solving such important tasks as helping vulnerable groups of the population by resorting to the use of the social security system and leveling the inflationary processes that affect the income and savings of citizens. Various models of social regulation have been introduced, including the “Scandinavian” or “Swedish” model, monetarist, paternalistic, and others. The study have used various general scientific research methods: observation method, the systemic-functional method, method of synthesis and analysis, method of scientific abstraction.

The main directions of improving the implementation of the state social policy, which is presented as a voluminous, multi-faceted process that has a complex structure and intersects with many other areas of state activity, have been proposed. The conclusion has been formulated, that society does not exist by itself, so the social sphere is in constant interaction with other spheres, such as production of material goods, politics, culture and the environment. It has been noted, that social policy is recognized as effective when the entire social sphere is at a high level, and the society clearly shows a positive response to the actions of the state. Thus, the broader is such a policy, the greater is the completeness of the covered areas, both explicit (the fight against poverty, social protection, etc.) and implicit (relations between social groups, motivation in society, etc.), the more effective is the overall functioning of the state as a whole.

Keywords: economic theory, social policy, income policy, economic processes, state, social relations, market economy, public goods.

For citation: Biganova M.A. Revenue policy features as an important direction of social policy (2019) *Upravlenie*, 7 (4). pp. 100-105. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-100-105



Социальная сфера в условиях рынка является важным объектом государственного регулирования, призванного обеспечить необходимые для успешного функционирования государства условия распределения. На сегодняшний день в различных странах в определенной степени используются механизмы, инструменты и показатели для организации качественной социальной политики, в связи с чем выстраивается и осуществляется социальная политика. Поэтому одним из важнейших направлений социальной политики является доходная политика. В разных государствах такая политика может иметь неодинаковый характер, но в большинстве экономически развитых стран она схожа.

Политика доходов нацелена на решение таких задач, как оказание помощи уязвимым группам населения прибегая к использованию системы социального обеспечения и нивелирования инфляционных процессов, оказывающих влияние на доходы и сбережения граждан. Для того, чтобы такая система функционировала, государство через собственный бюджет осуществляет перераспределение доходов, поступивших в виде налогов. Налогообложение может быть в разной степени дифференцированным и учитывать множество направлений и характеристик. Зачастую значительная часть национального дохода поступает от высокообеспеченного населения к общественным группам с наиболее низкими доходами. Перераспределение осуществляется на основе доходных трансфертов, контроля минимального объема заработной платы, а также влияния на цены, естественно сложившиеся в условиях рынка. Нельзя говорить о том, что социальная политика доходов направлена только на помощь нуждающимся группам населения. Ее смысл намного глубже и заключается в попытке государства обеспечить наибольший экономический рост, так как в перераспределении участвуют средства всего общества. Тем более, что в случае ошибочной политики доходов может произойти снижение экономической эффективности различных общественных групп.

Подобную ситуацию в своих работах описывал А. Оукен, сравнивая ее с «дырявым ведром» [3]. Аналогия вполне явная и заключается в том, что при передаче доходов от богатых к бедным происходит утечка средств, так как трансфертный механизм также нуждается в обеспечении. При этом повышение налогов и увеличение объемов трансфертов в пользу уязвимых групп населения может вызывать снижение предложения труда на рынке. Данная проблема не имеет решения по сей день, невозможно найти тот уровень социальных выплат, при котором предложение на рынке труда не будет изменяться

в худшую сторону, при этом выплаты будут оставаться на достаточном для нормальной жизнедеятельности уровне. Вместе с тем важное значение в доходной политике приобрели проблемы защиты от инфляции доходов в обществе. Достижение этой цели является весьма сложным в условиях рыночной экономики. Проводить индексацию доходов в соответствии с инфляцией, вызывающей рост потребительских цен, напрямую возможно только с социальными выплатами или заработной платой работников государственных организаций. Влиять на частный сектор гораздо сложнее, здесь доходы устанавливаются по рыночным законам [1]. Неравенство по доходам порождает социальную напряженность, однако чрезмерные перераспределительные меры могут вызвать аналогичную ситуацию. В поиске необходимого равновесия некоторые государства добились определенных положительных результатов.

Свободный рынок при всех своих плюсах в части возможностей для каждого индивида к получению разнообразных доходов, а значит и росту благосостояния, неуклонно приводит к росту все большей разницы между обеспеченными группами населения и необеспеченными. Противоречие между богатством и бедностью очевидно, но решение проблемы отнюдь непростая задача. Здесь нужно учитывать множество сторон данного процесса и опираться на основополагающие законы функционирования экономики в рыночных условиях. Потребности населения растут вместе с увеличением его численности, обеспечивать такое потребление возможно только благодаря усложнению и расширению разделения труда, а также научному технико-технологическому развитию производства. Однако для производства многих материальных благ по-прежнему требуется тяжелый физический труд, который в рыночной экономике не оплачивается в объемах, необходимых для накопления богатства. Основная часть доходов сосредоточена в таких направлениях экономической деятельности как управление, даже инновационная высокотехнологичное производство не идет в сравнение. Свое влияние оказывают и глобализационные процессы, не только в отношении расширения рынков товаров и услуг или стирания границ производства. В попытках снизить стоимость факторов производства экономически развитые государства устремляются на рынки развивающихся государств, готовых предлагать свои ресурсы по весьма конкурентной цене. Взамен они пользуются технологиями, информацией и другими благами государств-лидеров. Соответственно, происходит эволюция их экономического развития, а, значит, и социальной сферы. Человек, как составляющая общества, также развивается,

возрастает уровень его образования. Все больше людей в экономическом пространстве начинают понимать свою роль в системе хозяйствования и требовать достойного возмещения своего труда. Несответствие доходов в обществе, резкая их дифференциация вызывают диссонанс в восприятии человеком окружающей действительности. Это может вызвать социальную напряженность и другие негативные явления в социальной сфере, что непременно повлечет отклонения в экономическом развитии. В свою очередь, в интересы части населения, обладающего большими объемами факторов производства, также не входит значительное снижение собственных ресурсов, доходов и благосостояния. Государство, опираясь на рынок, не может директивно влиять на такое положение дел, необходимо учитывать мнение таких групп населения. Тем более, возвращаясь к глобализации, действия государства, нарушающие интересы наиболее обеспеченных слоев населения, могут вызвать отток капитала за его пределы, что также худшим образом отразится на национальной экономике.

Идеи социального государства в рамках рыночной экономики реализуются через систематизацию жизнедеятельности общества, опираясь на экономические, социальные, политические и правовые механизмы. Экономически развитые государства используют различные модели социального регулирования, и одной из наиболее успешных среди них с точки зрения достижения справедливости является так называемая «скандинавская», или «шведская» модель. После окончания Второй мировой войны Швеции одной из первых удалось достичь наиболее высокого уровня жизни населения. Во многом это произошло благодаря социал-демократической основе данной модели, когда учитываются права всех граждан на социальное обеспечение и объемный спектр социальных услуг под чутким контролем и руководством властных структур. Это особенность шведской модели, в которой нет признаков пожертвования для малоимущих граждан, каждый гражданин имеет право на социальную помощь и услуги. Государство активно участвует в экономических процессах и не ограничивается национализацией многих жизненно важных отраслей, вступает в отношения между трудом и капиталом, обеспечивая высокую занятость и оплату труда. Во многом это становится возможным благодаря грамотному выстраиванию диалога с объединениями работодателей и работников, что позволяет на практике ощущать реальную социальную политику, ведущую к повышению уровня жизни и благосостояния общества. Поэтому скандинавскую

модель в научной литературе обозначают как «государство благосостояния». Однако существуют и минусы такой политики, наиболее яркими из которых является постоянное воспроизводство богатства и бедности, что вызывает цикличность производства и социальную дифференциацию. Для большей доли населения нет необходимости в труде, так как социальные доходы весьма велики, в тоже время, высокая налогооблагаемая база является препятствием для накопления богатства, что снижает мотивацию к трудовой активности.

В научной литературе можно встретить и другие модели социальной политики, которые принято рассматривать с точки зрения принадлежности к тому или иному государству (группе государств), где модель получила наибольшее распространение, как в случае скандинавской модели, а также роли государства и общества в социальном регулировании. Согласно первому подходу известны англосаксонская (США, Великобритания, Канада, Ирландия), континентальная (страны Западной Европы) и южно-европейская (Испания, Португалия, Греция) модели [2]. К направлениям второго подхода относят либеральную, консервативную, корпоративную и социал-демократическую модели. Можно также выделить классификацию моделей социальной политики, которые в более широкой форме отражают функции государства в социальной сфере: монетаристскую, патерналистскую и всеобщего благосостояния [4].

Все озвученные модели имеют схожие черты, поэтому можно их сгруппировать по общим признакам. В первую группу можно объединить англосаксонскую, консервативную и монетаристскую модели. Отмеченные модели социальной политики предполагают, прагматичную роль государства, которая заключается в создании общих, равноправных стартовых условий для общества без разделения его на группы. Перераспределение доходов в таком случае не нацелено на выравнивание социальных слоев населения, напротив, участие государства в общественной жизни минимально. Поддержка института частной собственности и стимулирование бизнеса здесь выступают главными социально-экономическими инструментами государства. Человек, как полноправный член общества в такой системе, должен сам обеспечивать свой доход для роста благосостояния, что нередко приводит к росту социальных различий внутри населения.

Во вторую группу моделей можно соотнести континентальную, южно-европейскую, в некоторой степени либеральную и корпоративную модели, а также всеобщего благосостояния. Здесь государство

активно участвует в экономических и социальных процессах, взяв на себя ответственность за незащищенные группы населения, одновременно выстраивая партнерские отношения с представителями бизнеса. При этом государство стремится к стимулированию рыночных отношений, здоровой конкуренции и в больших объемах финансирует социальные услуги, что позволяет называть такие модели социально рыночными. Главной идеей таких моделей является достижение условия, при котором экономический рост будет сопровождаться улучшением качества жизни и благосостояния населения [5].

В третью группу следует соотнести скандинавскую, социал-демократическую модели и всеобщего благосостояния. Такие модели в свою основу включают необходимость обеспечения экономических, социальных и политических прав всех граждан, когда выполняется условие равных, единых индивидуальных возможностей в границах всеобщей свободы населения. Государство пронизывает все процессы, происходящие в обществе, и является неотделимым его элементом. Для государств, осуществляющих социальную политику по признакам указанных моделей, провозглашают социальное регулирование не как вынужденную функцию, а как первостепенную и основную свою задачу.

Каждое государство в процессе деятельности сталкивается с проблемой выбора вектора социальной политики с учетом собственных внутренних особенностей. Социальная сфера одного государства отличается от сферы другого, поэтому невозможно полностью перенимать опыт и использовать механизмы, которые продемонстрировали свою эффективность в иных условиях. При этом нужно отметить, что социальная сфера имеет определенные общие черты, в том числе по составляющим ее структурным элементам. Так, зачастую общественная сфера имеет несколько составных частей, которые взаимосвязаны между собой. В первую очередь социальная сфера включает в себя структуру общества, которая представлена определенными исторически сложившимися социальными группами. Такие группы могут различаться по демографическому, этническому, культурному и другим признакам, а также по достигнутому уровню благосостояния.

Неотъемлемой составляющей социальной сферы является ее инфраструктура, включающая совокупность множества разнообразных отраслей хозяйства и форм общественной индивидуальной и совместной деятельности, призванной обеспечить необходимый объем социальных непосредственных услуг индивиду. Социальная сфера выражается не только через материальные признаки, но и нематериальные,

представленные интересами, потребностями, ожиданиями и системой стимулов граждан. Без этого человек не был бы вовлечен в общественную жизнь, а значит не участвовал бы в общественном производстве. Для государства данная составляющая имеет важнейшее значение с точки зрения существования и развития экономики.

Не менее существенной частью общественной сферы, что перекликается с ее предыдущими элементами, являются принципы социальной справедливости, с гарантией условий их существования. Именно в отношении установившихся в государстве принципов справедливости в социальной сфере могут быть значительные расхождения, которые основываются на различиях в элементах социальной сферы. Общим принципом справедливости для любого современного общества может выступать равенство граждан перед законодательством в социальном, экономическом и правовом смыслах. Государству необходимо учитывать особенности каждой составляющей общественного поля, для формирования единых принципов социальной справедливости и построения на их основе социальной политики.

Особенностью социальной сферы является то, что она не ограничена какими-то временными или пространственными рамками, за исключением того, что социальная сфера государства находится внутри его границ. Общество не существует само по себе, поэтому социальная сфера находится в постоянном взаимодействии с другими сферами, такими как производство материальных благ, политика, культура и окружающая среда. Поэтому можно отметить взаимное влияние сфер друг на друга, зависимость их сосуществования и функционирования в целом. В итоге наблюдается определенная фокусировка через социальную сферу всех составляющих развития общества. С этой точки зрения социальную сферу можно рассматривать как необходимое условие для существования других общественных сфер, выражающееся в поддержании стабильных социальных отношений, что является фактором целостности и устойчивости.

Государству нужно находить равновесие между справедливостью в социальной сфере и эффективностью экономики. Деятельность государства находится перед выбором между сокращения неравенства по доходам, благосостоянию, общим снижением дифференциации среди населения и возможностью максимального экономического роста, с наращиванием инвестиционного капитала. В свою очередь положительные стороны одного направления являются отрицательными другого и наоборот. Это определяет направления регулирования

социальной политики, включающее в себя множество инструментов в зависимости от целей и задач, стоящих перед государством на определенном этапе развития.

На сегодняшний день социальная политика представляется как объемный, многоаспектный процесс, который имеет сложную структуру и пересекается с множеством других направлений деятельности государства. Наличие большого количества критериев и показателей создают определенные сложности в реальной оценке ее состояния и будущих перспектив. Социальная политика направлена на решение задач в крупной системе взаимосвязанных компонентов, в число которых входят и отрасли социальной сферы, представленные образованием, здравоохранением, культурой, жилищно-коммунальным сектором и т. д., и рынком труда, с его уровнем занятости и безработицы, и сферой социального партнерства, и социальной защитой, и направлениями социального страхования, такими как

например пенсионная система. Поэтому реализация и регулирование социальной политики требует равномерного учета всего поля ее охвата, без предпочтения одного направления другим. Эффективная социальная политика, это когда вся социальная сфера находится на высоком уровне, а со стороны общества отчетливо виден положительный отклик действиям государства. Безусловно, нельзя полностью отказаться от системы приоритетов в решении задач, предусмотренных социальной политикой, что происходит под влиянием конкретных условий действительности и особенностей, присущих государству, но чем более шире такая политика, чем масштабнее полнота охватываемых направлений, как явных (борьба с бедностью, социальная защита и т. п.), так и неявных (отношения между социальными группами, мотивация в обществе и т. д.), тем результативнее функционирование государства в целом.

Библиографический список

1. Галазова, С. С. Актуальные аспекты современной теории экономической безопасности страны // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2013. № 4. С. 381–385.
2. Олейникова, Е. Г. Модели социальной политики государства: проблемы теории и практики // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 3. С. 11–14.
3. Савина, Т. Н. Политика формирования доходов населения // Экономический анализ: теория и практика. 2015, № 5. С. 45–54.
4. Черникова, Г. В. Экономические основы социальной работы: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2015. 149 с.
5. Яницкий, О. Н. Европа: социальная политика в неустойчивом мире // Современная Европа, 2011. № 3. С. 152–157.

References

1. Galazova S. S. Aktual'nye aspekty sovremennoi teorii ekonomicheskoi bezopasnosti strany [Actual aspects of the modern theory of economic security of the country]. Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Lev-anovicha Khetagurova, 2013, no. 4, pp. 381–385.
2. Oleinikova E. G. Modeli sotsial'noi politiki gosudarstva: problemy teorii i praktiki [Models of social policy of the state: problems of theory and practice]. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [Society: Politics, Economics, Law], 2013, no. 3, pp. 11–14.
3. Savina T. N. Politika formirovaniya dokhodov naseleniya [Policy of formation of incomes of the population]. Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika [Economic analysis: theory and practice], 2015, no. 5, pp. 45–54.
4. Chernikova G. V. Ekonomicheskie osnovy sotsial'noi raboty: uchebnoe posobie [Economic foundations of social work: a textbook], Moscow - Berlin: DirectMedia, 2015, 149 p.
5. Yanitskii O. N. Evropa: sotsial'naya politika v neustoichivom mire [Europe: social policy in an unstable world]. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe], 2011, no. 3, pp. 152–157.

Проблемы и противоречия международной статистики по миграции

Логинов Борис Борисович

доцент, Дипломатическая академия МИД РФ, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-1527-8163, e-mail: loguinov_boris@mail.ru

Аннотация

Анализ проблем и трендов развития международной миграции невозможен без достоверной статистической информации. Особую экономическую значимость для любой страны, включая Россию, имеют данные о потоках трудовых мигрантов, оказывающих большое влияние на внутренний рынок труда, валовой внутренний продукт, платежный баланс. Международные организации, включая институты системы ООН, до сих пор не выработали однозначных рекомендаций по ведению статистики миграции, стратификации миграционных потоков. К настоящему времени отсутствует универсальная для всех стран методика пограничного и внутреннего учета потоков и накопленного количества трудовых мигрантов.

Автор акцентирует внимание на ключевых расхождениях национальной миграционной статистики разных стран и широко практикуемой в последнее время произвольной ее интерпретации западными политиками и средствами массовой информации, в результате чего нередко искусственно переоценивается острота проблем, связанных с миграцией в западных странах, прежде всего Евросоюзе, и наоборот, принижаются или полностью замалчиваются миграционные сложности у других стран, включая Россию, Иран, Турцию. Указаны сложности в подсчетах международной миграции, возникающие в результате неоднозначной трактовки самого понятия «мигрант». Три подхода — проживание за пределами страны рождения, гражданство, место обычного ежедневного отдыха — нередко вступают в противоречие друг с другом, когда возникает необходимость установить подлинную страну происхождения мигранта.

В статье также проанализированы недостатки основных источников информации об иммигрантах: перепись населения, административный учет, опросы населения. Новые явления в международных миграционных потоках, такие как «кросс-мотивация» мигранта и миграция без выезда за рубеж, требуют своего осмысления.

Ключевые слова: мигрант, беженцы, потоки мигрантов, накопления мигрантов, легальная миграция, нелегальная миграция, виза, кросс-мотивация, «зачетная мобильность», миграция без выезда за рубеж.

Цитирование: Логинов Б.Б. Проблемы и противоречия международной статистики по миграции // Управление. 2019. № 4. С. 106–112.

JEL F22

DOI 10.26425/2309-3633-2019-4-106-112

Received: 13.09.2019

Approved: 14.11.2019

Published: 20.12.2019

Problems and contradictions of international migration statistics

Loginov Boris

Associate professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, State University of Management,
Moscow, Russia, ORCID: 0000-0003-1527-8163, e-mail: loginov_boris@mail.ru

Abstract

Analysis of problems and trends in the field of international migration development is impossible without reliable statistical data. Particular economic importance for any country including Russia are data on the flows of labor migrants, which have a great impact on the domestic labor market, gross domestic product, balance of payments. International organizations, including United Nations bodies, haven't worked out single recommendations on proceeding migration statistics, stratification of migration flows. The universal worldwide technique with border and internal migrant calculation principles regarding flows and stocks of labor migrants is absent at the moment.

The author focuses on key discrepancies of national migration statistics in different countries and widely practiced flexible interpretation of it by Western politicians and mass media, therefore, the acuteness of migration problems in the Western countries (first, in the European Union) is overestimated and, on the contrary, migration difficulties of such countries as Russia, Iran, Turkey are downgraded or fully ignored. The difficulties in the calculation of international migration, arising from the ambiguous interpretation of the concept of "migrant", have been indicated. Three approaches – residence outside the country of birth, citizenship, place of usual daily rest – often conflict with each other, when it is necessary to establish the true country of origin of the migrant.

The shortcomings of the main sources of information about immigrants: population census, administrative records, population surveys have been also analyzed in the article. New phenomena in international migration flows, such as "cross-motivation" of migrants and migration without going abroad, require their understanding.

Keywords: migrant, refugees, flows of migrants, stocks of migrants, legal migration, illegal migration, visa, cross-motivation, credit mobility, migration without leaving a country.

For citation: Loginov B.B. Problems and contradictions of international migration statistic (2019), *Upravlenie*, 7 (4), pp. 106–112. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-106-112

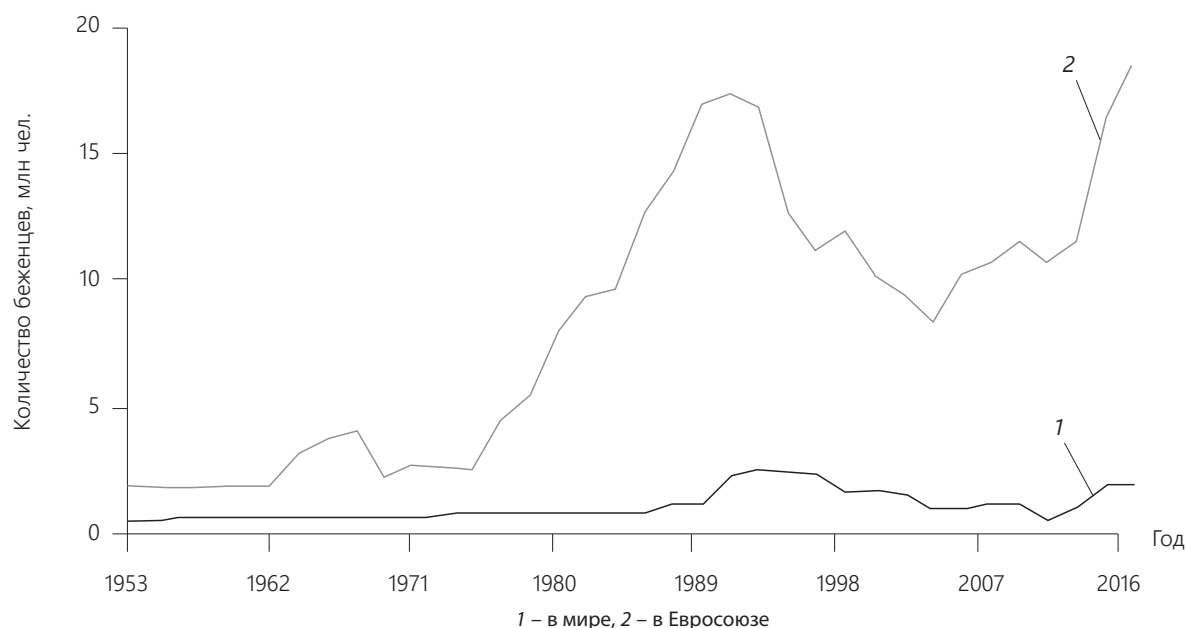


В начале XXI в. по данным Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, количество международных мигрантов, проживающих во всех странах мира, заметно выросло: с 173 млн чел. в 2000 г. до 258 млн чел. в 2017 г., существенно изменилась структура миграционных потоков, причем практически повсеместно [6, с. 4]. Для иллюстрации последнего утверждения достаточно посмотреть, как менялась страна происхождения лиц, пересекающих южную границу США, стремящихся попасть в самую большую экономику мира (или вторую по паритету покупательской способности после Китая). Сальвадорцы, гватемальцы и гондурасцы давно вытеснили мексиканцев с первого места в условной иерархии переселенцев с юга в ежегодных потоках. Легальная миграция в США из стран Центральной Америки выросла вдвое, а нелегальная — вчетверо. Число мобильных мексиканцев, которых еще 2–3 десятилетия назад можно было назвать основными мигрантами, въезжающими в южные штаты США, напротив, существенно сократилось [8]. Вместе с тем, в накопленной численности иммигрантов мексиканцы все еще лидируют с огромным отрывом. В совокупной массе нелегалов они устойчиво занимают первое место с долей в 51 %.

Трансграничное перемещение мигрантов в Европу за последние 10 лет также изменилось. За счет жителей Ближнего Востока поменялся национальный состав миграционного потока, хотя суммарно накопленная численность мигрантов в Европейском союзе (далее — ЕС), на наш взгляд, не выглядит

чрезмерным и алармистски разрушительным, на что указывают европейские политики и пресса, а также отечественные аналитики [4, с. 179]. К тому же, заявления об избыточности мигрантов в западно-европейских странах сопровождаются отсутствием анализа причин, вызвавших это явление, а именно: абсолютным провалом ближневосточной политики западных правительств во главе с США в Ираке, Ливии, Сирии, Афганистане, приведшей к смене власти (за исключением Сирии), разрушению целостности этих государств и размыванию границ, что помогло быстрому увеличению территории запрещенного в России квазигосударства ИГИЛ. Проблема беженцев в Европе, конечно, существует, и для отдельных территорий, городов и небольших государств Старого Света она действительно стала колоссальным вызовом.

Однако, возникает вопрос, настолько ли катастрофичным выглядит возросшее количество беженцев в крупных странах ЕС и ЕС в целом. Для ответа на него следует проанализировать накопленную статистику по беженцам в странах ЕС (рис. 1). На основе представленных данных можно сделать вывод о том, что количество лиц, вынужденных искать убежища в Европе, выросло, но не столь значительно, как в начале 1990-х гг. и намного меньше по сравнению с общемировыми показателями. В 28 странах ЕС суммарное количество данных лиц, приезжающих из других регионов мира, по-прежнему не превышает некую условную максимальную планку для последних 65-ти лет — 2,3 млн чел. или примерно 10 %



Составлено автором по материалам источника [9] / Compiled by the author on the source materials [9]

Рис. 1. Количество беженцев, проживающих во всех странах мира и ЕС-28: накопленная миграция в млн чел., 1953–2017
Figure 1. Refugee stock worldwide and in EU-28 accumulated migration, in million of people, 1953–2017

от суммарного количества беженцев во всем мире — 18,5 млн чел. в 2017 г. Наибольшее количество беженцев из Сирии (6 млн чел.), Афганистана (2,6 млн), Южного Судана (2 млн) приняли к себе не страны ЕС, а Турция (3,2 млн), Пакистан (1,4 млн), Уганда (1,3 млн), Иран (1 млн). При этом величина ежегодных потоков беженцев в ЕС за последние 10 лет не была постоянной: в 2009 г. заявок о предоставлении убежища получены властями государств ЕС всего 200 тыс., в 2015 г. и 2016 г. таких заявлений поступило 1 млн 200 тыс., а в 2017 г. сократилось в 2 раза — до 651 тыс. чел. [7, р. 16]. Заметим также, что приток мигрантов за период 2000–2017 гг. не смог переломить давно сложившегося тренда на сокращение общей численности населения ЕС.

Российская Федерация (далее — РФ) как государство-реципиент за период 2014–2018 гг. приняло сопоставимое с Германией количество мигрантов, правда не с Ближнего Востока, а с Украины, но эти цифры тоже измеряются миллионами человек. Однако никаких заявлений о миграционной катастрофе ни в политической, ни в информационной среде в нашей стране в связи с этим не прозвучало. Скорее всего, сказывается культура большей открытости и более устойчивый к распространению ксенофобии менталитет нашего населения, чем в ЕС Украинцы ассимилируются и интегрируются в российское общество без особых проблем. Наряду с трудовыми мигрантами в Россию, как и в Европу приезжают беженцы. Среди них немало жителей непризнанных Донецкой и Луганской Республик, ищущих убежище в нашей стране. В 2019 г. российским руководством принято решение о выдаче российского гражданства всем жителям самопровозглашенных республик ДНР и ЛНР, желающим его получить.

В приведенных выше фактах специально подчеркивается разноформатность взятых из разных источников статистических данных. Напомним, что подсчеты международной миграции населения, включая беженцев и трудовых мигрантов, ведутся в двух формах:

- учет миграционных потоков (flow) лиц, пересекающих границы страны в порядке въезда-выезда за отдельные промежутки времени (месяц, квартал, год). Есть немало стран, которые не считают миграционные потоки или считают иммиграционный, но не считают эмиграционный поток;
- накопленная статистика (stock) уехавших и прибывших из-за границы лиц, которые проживают за рубежом или в данной стране, соответственно, на конкретную дату, как правило, начало или конец года. Данный учет суммирует всех тех, кто выехал/въехал в страну за все предыдущие годы статистических

наблюдений и имеет статус мигранта. При этом отметим отсутствие в русском языке, равно как и в других языках, адекватного и уважительного к людям термина, отражающего этот вид статистики. Термины «накопление» или «запасы» (трудовых) мигрантов являются не вполне корректными с гуманитарной точки зрения [2, с. 158].

Здесь можно провести параллели с аналогичным универсальным для всех факторов производства подходом в статистическом учете международного капитала в виде (а) притока/оттока за период и (б) накопления капитала на конкретную дату. Универсальность такого двойного подхода «потоки/запасы» заложена в Системе национальных счетов, применяемой по рекомендации Статистической комиссии ООН в большинстве стран мира и эти данные, подсчитанные по-разному ни в коем случае нельзя смешивать [10]. Рейтинги стран-лидеров в методиках потоков и запасов часто различаются и различия эти могут быть существенными. При этом совершенно очевидно, что устойчивый тренд в миграционных потоках со временем может изменить накопленную статистику, но для этого нужно время, превышающее несколько лет, а может быть и десятилетий. Или же, напротив, непродолжительные по времени всплески в результате оказываются всего лишь «статистическим шумом».

Выводы, которые делают аналитики, и тренды, которые они выделяют, базируются на статистических данных, далеко не бесспорных и однозначных с точки зрения применяемых терминологии и методик сбора, обобщения и представления цифровых данных. Добавим к этому политический фактор и деятельность средств массовой информации в западных странах, которые, порой, по своему, как им выгодно, интерпретируют собранную статистику, обходя отдельные явления, не укладывающиеся в формируемую ими картину мира, или иногда даже манипулируя общественным сознанием, выделяя отдельные факты и цифры, в том числе подменяя потоки запасами и наоборот, следуя сиюминутной конъюнктуре, интересам отдельных политических партий, социальных групп или текущего этапа электорального цикла. Именно так следует относиться к одностороннему и неадекватно освещаемой в информационном пространстве проблеме ближневосточных беженцев в ЕС.

При том, что отдельные элементы статистического учета международной миграции в странах мира все еще не унифицированы, аналитики с легкостью проводят международные сопоставления по имеющимся данным, не углубляясь в методологию. А ведь 8 % стран, вообще, не имеют данных

о мигрантах, не говоря уже о дополнительной информации о возрасте мигрантов (собирают в 77 % стран), стране происхождения: только 81 % стран информированы об этом.

Напомним, что определение международного мигранта как «лица, проживающего за пределами страны рождения» используется в 182 из 232 стран мира [8, р. 3]. В других странах, где такую информацию получить не удастся, и используются данные о гражданстве другой страны у данного лица, что создает ряд проблем при подсчете лиц с двойным гражданством или тех, кто находится в процессе получения гражданства. Третий подход резидентский — по месту обычного проживания — сформулирован в рекомендациях Статистической комиссии ООН и тоже далеко небесспорен, поскольку это «место обычного ежедневного отдыха (where the person normally spends the daily period of rest)» [5, с. 5]. Таким образом, такая дифференциация подходов к определению самого субъекта статистического анализа по месту рождения, гражданству и резидентству создает многочисленные коллизии в парной, зеркальной статистике стран. Есть немало примеров стран с кросс-факторной дефиницией мигранта, например, по месту резидентства матери во время родов вместо реальной страны рождения ребенка в тех случаях, когда мать уезжает на роды в другую страну. Также немало проблем в подсчетах появилось после распада СССР, когда люди оказались жителями другой страны, никуда не выезжая за пределы места проживания (фактор «перемещения национальных границ, а не людей»).

Еще одной серьезной методологической проблемой учета мигрантов являются страновые несоответствия по срокам пребывания лица в другой стране. Особенно это важно для государств, которые определяют мигранта по изменению места обычного проживания (резидентству). Минимальный срок перемены места жительства выступает здесь одним из ключевых элементов определения статуса лица, пересекающего границу. Временные выезды за границу для отдыха, на каникулы или в отпуск, по делам, для медицинского лечения или религиозного паломничества не влекут за собой трансформацию статуса перемещающегося лица в категорию мигранта. Однако в перечисленных случаях добавляется еще один критерий — цель выезда (въезда), что влечет за собой целый набор новых статистических проблем, связанных с документарным оформлением пересечения границы. Тип документа(-ов), признаки и условия выезда-въезда, а также пребывания в зарубежной стране и другие дополнительные параметры должны однозначно отражать эту цель. Однако оформление

миграционных документов и набор данных, которые они содержат, в странах мира также различается. Так, например, тип визы (туристическая, рабочая, учебная и др.) в ряде случаев не покажет весь набор целей пребывания человека в данной стране. Резидентский подход часто базируется на сроке пребывания и чаще всего это период 12 и более месяцев, но в ряде стран этот срок может быть в три или шесть месяцев. Добавим к этому, что в некоторых странах в статистику попадают первоначальные данные о намерениях въезжающего в страну лица проживать в течение такого-то периода, хотя по факту впоследствии оказывается совсем другой срок. Приехав изначально на короткий период и указав это в документах на въезд, человек может в дальнейшем запросить вид на жительство и срок, естественно, станет совсем другим, гораздо более длительным, но при этом первоначальные данные уже попали в статистику и были учтены.

В статистике международной миграции сложности учета являются не только результатом разных дефиниций и методологических подходов в разных странах, но и многообразия источников собираемой информации о мигрантах внутри отдельных стран. Применяют три основных источника: а) перепись населения; б) административный учет, включая пограничный; в) опросы населения. Самый точный из них — перепись населения, но при этом важно при переписи правильно формулировать вопросы, на основе которых можно сделать однозначные выводы о стране рождения, гражданства, сроках пребывания данного лица в стране. Недостатком переписи являются относительные большие промежутки времени между проводимыми в стране переписями, как правило 10 лет, что существенно усложняет или даже делает невозможным сбор и анализ информации о потоках. Кроме того, перепись не дает информации об эмиграции. Административный учет на основе предоставленных документов также создает проблемы для формирования надежной статистической базы мигрантов. Например, вид на жительство может давать право на проживание не только одному лицу (главе семейства), но и включать еще нескольких лиц, находящихся на его иждивении, которые в статистику иммигрантов не попадут — одна заявка от имени семьи. Другой проблемой, имеющей место и в России, является ведение статистики на основе пограничного учета. Одно и то же лицо может неоднократно въезжать и выезжать из данной страны, «накручивая статистический счетчик» миграционного потока. В России административный учет мигрантов осуществляют 4 органа: Пограничная служба Федеральной службы безопасности, Министерство иностранных дел РФ,

Министерство внутренних дел РФ, Росстат [1, с. 38]. У каждого из них свой метод статистического наблюдения: регистрация иностранцев при въезде, ведение реестра выданных виз, приглашений на въезд, вида на жительство, разрешений на работу и отчеты работодателей. Опросная методика (например, среди пассажиров) часто не позволяет отличить мигрантов от путешественников.

Большие сложности возникают во многих странах, включая Россию, при стратификации миграционных потоков по целям въезда/выезда. Ориентация на документальное сопровождение может вводить в заблуждение статистические службы и аналитиков в силу множественности целей, назовем ее кросс-мотивацией мигранта. К примеру, получив учебную визу на въезд в страну мигрант нередко подрабатывает. Скажем, в России миграционное и трудовое законодательство не запрещает совмещать эти виды деятельности, хотя и установлен ряд ограничений, таких как подработка во внеучебное время. Или еще одна проблема: в категорию студентов-мигрантов (во всем мире их насчитывают суммарно 4 млн чел.) в большинстве стран не попадают учащиеся, которые приезжают на обучение на короткий период времени, длящийся меньше учебного года [6, р. 1]. Такую студенческую миграцию международные организации называют «зачетной мобильностью» (*credit mobility*), поскольку студент приезжает на короткий учебный курс, по окончании которого он получает не диплом,

а баллы (сумму условных кредитов), зачитываемые ему по приезду в учебном заведении своей страны. Многие страны также не собирают статистику о поле, этнической, религиозной, языковой (диалекты) специфике студента-мигранта, что не позволяет установить степень свободы или дискриминации по данным характеристикам приезжающих на учебу лиц в те или иные страны.

Заключение

В статье отражены ключевые статистические проблемы, не позволяющие проводить точный учет численности потоков и количества проживающих мигрантов в разных странах. Однако имеются и другие проблемы точного статистического подсчета. К примеру, остаются в современном мире страны, которые до сих пор считают мигрантов не только в первом, но и во втором поколении, что еще больше запутывает информацию по международной миграции. Отдельного исследования требует проблема растущей цифровизации, которая формирует новые вызовы для статистического учета международной трудовой миграции [3, с. 161]. Появляется масса новых явлений, таких как «миграция без выезда за рубеж» для выполнения работ иностранным работником удаленным способом по электронным каналам. Вместе с тем, задача аналитика, зная эти сложности, делать правильные выводы с поправкой на отсутствие или некорректность собираемых и публикуемых статистических данных.

Библиографический список

1. Гребенюк, А. А. Международная трудовая миграция и экономическое развитие: последствия, система показателей, российские реалии: монография. — М.: Высшая школа современных социальных наук (факультет) МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://istina.msu.ru/download/197803898/1i8U8T:wEeLnjrrV-8gIIBM4urfusT49tI/> (дата обращения: 07.09.2019).
2. Логинов, Б. Б., Руднева, А. О. Международные факторы производства в национальных экономиках: монография. М.: НИЦ Инфра-М, 2012. 312 с.
3. Ревенко, Л. С., Перская, В. В., Холопов, А. В. и др. Международные экономические отношения: реалии, вызовы и перспективы: монография; под общ. ред. и с предисл. Л. С. Ревенко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. междунар. экон. отношений и внешнеэкон. связей им. Н. Н. Ливенцева. М.: МГИМО-Университет, 2019. 750 с.
4. Суворова, В. А. Миграционный кризис в Европе: проблемы вынужденной миграции // Власть. 2018. № 1.

References

1. Grebenyuk A. A. Mezhdunarodnaya trudovaya migratsiya i ekonomicheskoe razvitiye: posledstviya, sistema pokazatelei, rossiiskie realii monografiya [*International labor migration and economic development: consequences, system of indicators, Russian realities monography*], Moscow, 2019. Available at: <https://istina.msu.ru/download/197803898/1i8U8T:wEeLnjrrV-8gIIBM4urfusT49tI/> (accessed 07.09.2019).
2. Loginov B. B., Rudneva A. O. Mezhdunarodnye faktory proizvodstva v natsional'nykh ekonomikakh: monografiya [*International factors of production in national economies: monography*], Moscow, NITs Infra-M, 2012, 312 p.
3. Revenko L. S., Perskaya V. V., Kholopov A. V. et al. Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya: realii, vyzovy i perspektivy: monografiya [*International economic relations: realities, challenges and perspectives*], pod obshch. red. i s predisl. L. S. Revenko, Mosk. gos. in-t mezhhdunar. otnoshenii (un-t) MID Rossii, kaf. mezhhdunar. ekon. otnoshenii i vneshneekon. svyazei im. N. N. Liventseva, Moscow, MGIMO-University, 2019, 750 p.

- [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-krizis-v-evrope-problemy-vynuzhdennoy-migratsii> (дата обращения: 12.09.2019).
5. Global Migration Group. Handbook for improving the production and use of migration data for development, Global knowledge partnership for migration and development (KNOMAD), World Bank, Washington, DC, 2017. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/others/docs/handbook_GMG_Dec_2017.pdf (дата обращения: 08.09.2019).
 6. International Migration Report 2017. UN DESA [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (дата обращения: 06.09.2019).
 7. Key figures on Europe — Statistics illustrated. 2018 edition. Eurostat. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/9376615/KS-EI-18-101-EN-N.pdf/83c1b958-4c97-4410-b86e-91ae4b729701> (дата обращения: 08.09.2019).
 8. Massey D. S. Today's US-Mexico "border crisis" in 6 charts. June 27, 2018. Режим доступа: <http://theconversation.com/todays-us-mexico-border-crisis-in-6-charts-98922> (дата обращения: 06.09.2019).
 9. Migration and development brief. migration and remittances. World Bank Group. 29 April 2018. P. 13. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.knomad.org/sites/default/files/2018-04/Migration%20and%20Development%20Brief%2029.pdf> (дата обращения: 08.09.2019).
 10. System of National Accounts 2008. United Nations Statistical Commission [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/sna2008.asp> (дата обращения: 07.09.2019).
 4. Suvorova V. A. Migratsionnyi krizis v Evrope: problemy vynuzhdennoi migratsii [*Migration crisis in Europe: problems of forced migration*], Vlast', 2018, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-krizis-v-evrope-problemy-vynuzhdennoy-migratsii> (accessed 12.09.2019).
 5. Global Migration Group. 2017. Handbook for Improving the Production and Use of Migration Data for Development, Global Knowledge Partnership for Migration and Development (KNOMAD), World Bank, Washington, DC. Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/others/docs/handbook_GMG_Dec_2017.pdf (accessed 08.09.2019).
 6. International Migration Report 2017. UN DESA. Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/Migration-Report2017_Highlights.pdf (accessed 06.09.2019).
 7. Key figures on Europe — Statistics illustrated. 2018 edition. Eurostat. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/9376615/KS-EI-18-101-EN-N.pdf/83c1b958-4c97-4410-b86e-91ae4b729701> (accessed 08.09.2019).
 8. Massey D. S. Today's US-Mexico 'border crisis' in 6 charts. June 27, 2018. Available at: <http://theconversation.com/todays-us-mexico-border-crisis-in-6-charts-98922> (accessed 06.09.2019).
 9. Migration and development brief. migration and remittances. World Bank Group. 2018. April, 29. p. 13. Available at: <https://www.knomad.org/sites/default/files/2018-04/Migration%20and%20Development%20Brief%2029.pdf> (accessed 08.09.2019).
 10. System of national accounts 2008. United nations statistical commission. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/sna2008.asp> (accessed 07.09.2019).

Развитие трансграничных территорий как индикатор эффективности интеграционных процессов

Мищенко Инна Витальевна¹, Шустова Елена Павловна², Милькина Ирина Владимировна³

¹канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
г. Барнаул, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-6871-6668, e-mail: mis.iv@mail.ru

²канд. экон. наук, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет,
г. Семей, Республика Казахстан, Scopus Author: 57204011490, ORCID: 0000-0003-1685-912X,
e-mail: shustova_yelena@mail.ru

³канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-5254-6326, e-mail: iv_milkina@guu.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы развития трансграничных территорий и влияния на них интеграционных процессов. Создание Евразийского экономического союза становится импульсом для развития как стран — членов данной организации, так и отдельных их территорий. Данное интеграционное образование относительно молодое, но уже сегодня в его рамках создается общий рынок движения товаров, услуг, рабочей силы и капитала. Именно трансграничные территории, как мосты между странами, ощущают на себе эффект от проходящих на общем экономическом пространстве процессов: увеличивается товарооборот между странами, а также происходит приток инвестиций и рабочей силы.

Исследование направлено на выявление эффекта от интеграционных процессов на развитие двух трансграничных территорий — Алтайского края (Российская Федерация) и Восточно-Казахстанской области (Республика Казахстан). Анализ показал, что взаимный товарооборот увеличился между странами и данными территориями, имеется хороший задел для развития кооперации в производстве. Однако другие показатели социально-экономического развития имеют негативную тенденцию. Продолжается отток населения с данных территорий. Территории не привлекают в значительном объеме инвестиции.

Предложены меры, способствующие повышению привлекательности Алтайского края и Восточно-Казахстанской области в рамках Евразийского экономического союза: усиление производственных связей через создание промышленных кластеров; включение территорий в реализацию проекта «Экономический пояс Шелкового пути»; использование природного потенциала территорий для создания и развития совместных туристических направлений. Предложенные в статье меры позволят укрепить сотрудничество между трансграничными территориями, создать благоприятные условия для повышения интеграционного эффекта на данных территориях, развития инфраструктуры и кооперации в основных отраслях приграничных стран, усиления финансовых связей и привлечения инвестиций.

Ключевые слова: интеграция, трансграничные территории, Алтайский край, Восточно-Казахстанская область, сотрудничество, Евразийский экономический союз.

Цитирование: Мищенко И.В., Шустова Е.П., Милькина И.В. Развитие трансграничных территорий как индикатор эффективности интеграционных процессов // Управление. 2019. № 4. С. 113–122.

Cross-border territories development as an indicator of the integration processes effectiveness

Mishchenko Inna¹, Shustova Elena², Milkina Irina³

¹Candidate of Economic Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia,
ORCID: 0000-0002-6871-6668, e-mail: mis.iv@mail.ru

²Candidate of Economic Sciences, Kazakh Humanitarian Law Innovative University, Semei, Republic of Kazakhstan,
Scopus Author: 57204011490, ORCID: 0000-0003-1685-912X, e-mail: shustova_yelena@mail.ru

³Candidate of Economic Sciences, State University of Management,
Moscow, Russia, ORCID: 0000-0002-5254-6326, e-mail: iv_milkina@guu.ru

Abstract

The development of cross-border territories and the impact of integration processes on them has been considered in the article. The creation of the Eurasian Economic Union becomes an impetus for the development of both the member states of the organization and their individual territories. This integration formation is relatively young, but today it creates a common market for the movement of goods, services, labor and capital. That is the cross-border territories, as bridges between countries, which feel the effect of the processes taking place in the common economic space: the trade turnover between the countries increases, as well as the inflow of investment and labor.

The study is aimed at identifying the effect of integration processes on the development of two cross – border areas – Altai territory (Russian Federation) and East Kazakhstan region (Republic of Kazakhstan). The analysis showed, that the mutual trade turnover has increased between the countries and these territories; there is a good foundation for the development of cooperation in production. However, other indicators of socio-economic development have a negative trend. The outflow of population from these territories continues. The territories do not attract a significant amount of investment.

The measures to increase the attractiveness of the Altai territory and East Kazakhstan region within the Eurasian Economic Union have been offered: strengthening production ties through the creation of industrial clusters; the inclusion of territories in the implementation of the project “economic belt of the silk road”; the use of the natural potential of the territories for the creation and development of joint tourist destinations. The measures proposed in the article will strengthen cooperation between cross-border territories, create favorable conditions for increasing the integration effect in these territories, developing infrastructure and cooperating in the main sectors of the border countries, strengthening financial ties and attracting investment.

Keywords: integration, cross-border territories, Altai territory, East Kazakhstan region, cooperation, Eurasian Economic Union.

For citation: Mishchenko I.V., Shustova E.G., Milkina I.V. Cross-border territories development as an indicator of the integration processes effectiveness (2019) *Upravlenie*, 7 (4), pp. 113–122. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-113-122



Одной из тенденций развития мировой экономики является углубление интеграционных процессов между странами, создание мира без границ. Интеграция проходит на уровне хозяйствующих субъектов, расширяя производственный процесс и выходя за национальные рамки. Другими словами, происходит создание единого экономического пространства, усложняются и расширяются производственные связи, снижаются издержки производства. Интеграционный эффект приводит к увеличению товарооборота между странами, приливу иностранных инвестиций, увеличению миграционных потоков.

После распада СССР первым шагом на постсоветском пространстве к созданию интеграционного объединения стало Содружество независимых государств (СНГ). Однако углубление интеграционных процессов в рамках СНГ столкнулось с рядом объективных проблем, страны находились в стоянии кризиса, все усилия были брошены на развитие национальных экономик, включая применение политики протекционизма. Уже в 2000 г. возникла необходимость усиления интеграционных процессов в рамках нового типа интеграции — Евразийского экономического сообщества. ЕврАзЭС имел форму таможенного союза и включал Россию, Казахстан, Беларусь, Киргизию, Таджикистан. Создание таможенного союза значительно упрощало перемещение товара между странами участниками, вместе с тем сохранялась разобщенность стран, отсутствовала возможность для свободного перемещения людей и капиталов. С целью создания общего рынка в 2014 г. президентом Казахстана Н. Назарбаевым было предложено создание Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС).

Одной из целей развития ЕАЭС стало создание общего рынка товаров, услуг, рабочей силы и капиталов. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС), подписанный президентами стран Союза 11 апреля 2017 г., вступил в силу 01 января 2018 г. Кодекс должен способствовать существенному упрощению трансграничной торговли [11, с. 4].

Несмотря на то, что интеграция проходила в крайне сложных геополитических и экономических условиях (санкции и экономический кризис 2014 г.), странам участникам удалось выйти на стадию устойчивого экономического роста [2]. В странах ЕАЭС наблюдается рост валового внутреннего продукта, внешней торговли и торговли между странами участниками, промышленного производства и производства сельскохозяйственной продукции, увеличение кооперационных поставок,

сокращение инфляции, улучшение позиций стран в международных рейтингах.

Вместе с тем, до сих пор отсутствует четкое понимание об эффективности интеграционных процессов для отдельных территорий. В первую очередь речь идет о трансграничных территориях. По мнению О. В. Толстогузова, их можно рассматривать как своеобразную площадку применения инструментов и форм взаимодействия хозяйствующих субъектов, то есть как мост через границы государств и инструмент в интеграции стран, реализуемый через создание единого экономического пространства и приграничное сотрудничество [4, с. 9].

Иначе говоря, именно трансграничные территории могут стать индикаторами эффективности проводимой политики в рамках ЕАЭС. Считаем, что именно на трансграничных территориях должен в первую очередь проявлять себя интеграционный эффект, проявляющийся в росте внешней торговли, иностранных инвестиций и положительного миграционного притока (как внутри страны, так из других стран).

Алтайский край и Восточно-Казахстанская область – репрезентативные трансграничные территории России и Казахстана

Алтайский край и Восточно-Казахстанская область (далее — ВКО) имеют много общего для установления прочных отношений. Так, Россия (Алтайский край, Республика Алтай), Казахстан (Восточно-Казахстанская область), Монголия (Баян-Ульгийский аймак, Ховдский аймак), Китай (Синьцзян-Уйгурский автономный район) входят в проект сотрудничества приграничных регионов «Большой Алтай». Тесные отношения также продиктованы общим прошлым и наличием тесных кооперационных связей в странах бывшего СССР. Можно говорить о ресурсной и технологической взаимозависимости отдельных отраслей и производств представленных стран, технологической взаимозависимости их предприятий.

Алтайский край можно считать типичным аграрно-промышленным регионом РФ. Сельское хозяйство было и остается базовой отраслью специализации региона. Агропромышленный комплекс (далее — АПК) и торговля формируют свыше 62 % общего объема валового регионального продукта. Что касается внешней торговли, то спросом у иностранных партнеров пользуется каменный уголь, угольный кокс, грузовые вагоны, древесина и продукция деревообработки, рапс, подсолнечное масло, обработанное зерно злаков.

Алтайский край входит в число крупнейших производителей продовольствия в России. По площади пашни (около 7 млн га) регион превосходит любую другую область или край РФ. Он занимает первое место в России по посевной площади зерновых и зернобобовых культур. Основные отрасли сельскохозяйственного производства Алтайского края: животноводство, кормопроизводство и зерновое производство. Также среди значимых отраслей можно выделить пчеловодство и мараловодство. Алтайский край – единственный регион России от Урала до Тихого океана, где развито семеноводство и товарное производство подсолнечника и сахарной свеклы.

Восточно-Казахстанская область – один из ведущих индустриально-аграрных регионов Казахстана со значительным экономическим потенциалом. Также регион является основным промышленным потенциалом страны, где расположены крупные предприятия пищевой и легкой промышленности, машиностроения, цветной металлургии, энергетики. На его территории функционирует крупнейший в мире завод по производству топлива для атомных электростанций, производится бериллий, тантал. Область богата такими ресурсами как свинец (27 % балансовых запасов Казахстана), цинк (48 %), медь (49 % от общереспубликанских запасов). Здесь расположено 50 месторождений золота. Производится 6 % промышленной продукции всей республики, одна пятая часть обрабатывающей промышленности и четвертая часть продукции металлургии

и машиностроения. В то же время, высокими темпами развивается АПК ВКО [12].

Для Алтайского края Казахстан является самым крупным внешнеторговым партнером. По словам губернатора Алтайского края В. П. Томенко, территории имеют значительный потенциал дальнейшего развития торгово-экономических связей. Несмотря на уменьшение доли Казахстана в географической структуре импорта края, его доля остается самой большой среди других партнеров (табл. 1). Изменение в импортных операциях вызвано усилением торговых отношений с Беларусью в области черной металлургии. По экспорту наблюдается обратная тенденция – его доля растет из года в год. Треть всех Алтайских товаров идут именно в Казахстан, и более 20 % импортных товаров поступают на территорию Алтайского края из Казахстана (табл. 1).

Основными товарами, которые идут в Казахстан из Алтайского края, являются транспорт, минеральные продукты, машины и оборудование, а также сельскохозяйственные товары (подсолнечное масло, рапс, пшеница, обработанное зерно злаков). Около 80 % всех экспортируемых товаров относится к несырьевому экспорту. В рассматриваемый период наибольший прирост показала товарная группа «Транспорт». По сравнению с 2015 г., в 2018 г. величина данной продукции увеличилась практически в 3 раза. Это произошло вследствие увеличения поставок железнодорожных и трамвайных вагонов [17]. По данной товарной группе Алтайский край занимает одно из лидирующих мест в российском экспорте (рис. 1).

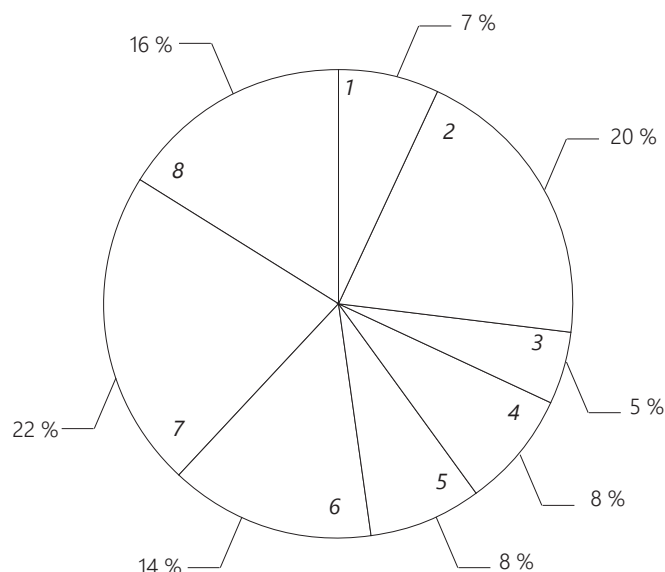
Таблица 1

Внешнеторговый оборот Алтайского края и Восточно-Казахстанской области

Table 1. Foreign trade turnover of Altai territory and East Kazakhstan region

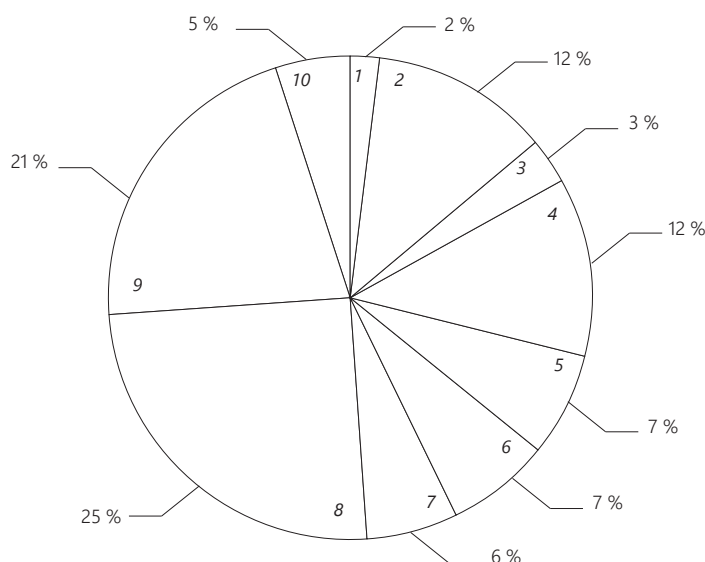
Внешнеторговый оборот	Ед. изм.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Алтайский край				
Экспорт, всего	млн долл. США	667	660	953
в том числе в Казахстан	млн долл. США	214	184	305
доля Казахстана в экспорте	%	32	28	32
Импорт, всего	млн долл. США	260	298	488
в том числе: из Казахстана	млн долл. США	101	85,2	120
доля Казахстана в импорте	%	39	29	25
Восточно-казахстанская область				
Экспорт, всего	млн долл. США	2 175	2 274	2 626,2
в том числе в Россию	млн долл. США	306,7	288	236,5
доля России в экспорте	%	14,1	13	9,0
Импорт, всего	млн долл. США	1 851	1 539	2 122,2
в том числе: из России	млн долл. США	831	817,2	н/д
доля России в импорте	%	44,9	53,1	н/д

Источник: [9] / Source: [9]



1 – пищевые продукты на табак; 2 – минеральные продукты; 3 – продукция химической промышленности; 4 – пластмассы, каучук, резина; 5 – древесина и изделия из нее; 6 – машины, оборудование и аппаратура; 7 – транспорт; 8 – прочее
 Составлено авторами по материалам источника [17] / Compiled by the authors on the source materials [17]

Рис. 1. Структура экспорта в Казахстан из Алтайского края, 2018 г.
 Figure 1. The structure of export to Kazakhstan from the Altai territory, 2018



1 – продукты животного происхождения; 2 – продукты растительного происхождения; 3 – пищевые продукты, напитки, табак; 4 – минеральные продукты; 5 – продукция химической промышленности; 6 – пластмассы, каучук, резина; 7 – текстиль; 8 – металлы и изделия из них; 9 – машины, оборудование и аппаратура; 10 – прочее
 Составлено авторами по материалам источника [9; 17] / Compiled by the authors on the source materials [9; 17]

Рис. 2. Структура импорта из Казахстана в Алтайский край
 Figure 2. The structure of import from Kazakhstan to the Altai territory

В Россию из ВКО идет в основном медь нерафинированная, медные аноды (60,6 млн долл. США) сплавы цинковые, необработанные (35,2 млн долл. США), портландцемент (14,2 млн долл. США). Также широкое применение нашли такие товары, как обувь, плиты, листы, пленка, фольга и полосы

или ленты из полимерных материалов, части для бурильных или проходческих машин субпозиции, приборы и инструменты топографические, тушки домашних кур [9, с. 120].

Большая часть продукции ВКО представлена на территории Алтайского края. Она представлена

минеральными продуктами, металлами и изделиями из них, а также продуктами растительного происхождения (рис. 2).

Что касается готовых изделий, то в крае пользуются популярностью машины и механические устройства, в том числе сельскохозяйственного назначения, машины и механические устройства, имеющие индивидуальные функции, формы для литья металлов, резины, пластмасс, стекла, материалов и др. Алтайский край работает с такими предприятиями ВКО как АО «Азия Авто», АО «Семмашзавод», АО «Востокмашзавод», АО «Усть-Каменогорский арматурный завод», АО «Семей инжиниринг», АО «КЭМОНТ», ТОО «Казэлектромаш», ТОО «Казцинкмаш», ТОО «Усть-Каменогорский конденсаторный завод», ТОО «Гидросталь», ТОО «СемАЗ», ТОО «Машзавод» и др. [12].

Также существует большой спрос в Казахстане на продукцию сельского хозяйства Алтайского края. По словам заместителя начальника управления Алтайского края по пищевой, перерабатывающей, фармацевтической промышленности и биотехнологиям А. А. Кондыкова, экспорт продукции АПК является ключевым направлением экономики региона. В соответствии с паспортом национального проекта России «Международная кооперация и экспорт» в Алтайском крае разработан и утвержден паспорт регионального проекта «Экспорт продукции АПК». Данный проект направлен на развитие международной кооперации и взаимной торговли в рамках ЕАЭС. В соответствии с ним, перед Алтайским краем стоит задача: увеличение к 2024 г. экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия в 2,7 раза, достижение объема экспорта продукции АПК к концу 2024 г. 501 млн долл. США (с 185,8 млн долл. США в 2017 г.) [10]. Большой популярностью пользуются овощи, фрукты, молочная продукция из Казахстана, семена рапса, подсолнечника, мясо крупного рогатого скота, пищевые продукты, содержащие какао. В Казахстан, в свою очередь, ввозится масло подсолнечное, зерно злаков, семена подсолнечника, алкогольные и безалкогольные напитки, прочие пищевые продукты. Совместно с иностранными партнерами внедряется два крупных инвестиционных проекта по строительству мясоперерабатывающих комбинатов в городах Семей и Аягоз [2; 14].

Фармацевтическая продукция традиционно пользуется спросом у иностранных партнеров. Особый интерес со стороны ВКО отводится предприятиям научно-производственного комплекса наукограда Бийска. Продукция наукоемких предприятий города (ЗАО «Эвалар», ЗАО «Алтайвитамины»,

ФКП «Бийский олеумный завод», ОАО «Бийский котельный завод», ООО «Бийский завод стеклопластиков», ЗАО «Источник плюс») пользуется высоким спросом [8]. Несмотря на снижение спроса на продукцию, выпускаемую вышеперечисленными предприятиями (пик пришелся на 2016 г.), она занимает большую долю экспортируемой химической продукции Алтайского края в Казахстан.

Близкое расположение регионов позволяет развивать производственные связи между трансграничными территориями. Стоит отметить, что ВКО славится своим природным потенциалом. Регион ориентирован на экспорт 8 основных товаров: цинк, серебро, медь рафинированная, свинец, титан, цинковые руды, пшеница, нефтяные газы. Область занимает традиционно лидирующие места среди регионов Казахстана:

- по показателям внешней торговли региона находится на 8 месте (доля 6,1 %);
- по показателям экспорта — на 8 месте (6,1 %);
- по показателям обработанного экспорта — на 2 месте (14,6 %) [12].

Необходимо использовать эти преимущества в развитии производственной кооперации между странами. Так, ведущие металлургические предприятия приграничных областей Казахстана ТОО «Восток-Универсал» (г. Усть-Каменогорск) и АО «Казцинк» являются крупными потребителями коксохимической продукции ОАО «Алтай-Кокс». ОАО «Алтайский трансформаторный завод» выполняет поставки распределительных масляных трансформаторов общепромышленного назначения и комплектных подстанций. Поставку химических реактивов и фармацевтических субстанций восточно-казахстанским заводам химической и горнорудной промышленности осуществляет ОАО «Михайловский завод химических реактивов». Продукты неорганической химии (соль, сера, известь) поставляет в Казахстан ОАО «Кучуксульфат». Основным поставщиком автомобильных шин, камер и ободных лент выступает ОАО ПО «Алтайский шинный комбинат». Также с республикой сотрудничают ОАО «Алтайвагон», ЗАО «Алтайталь», ООО «УК АЗПИ».

На сегодняшний день два региона России — Алтайский край и Астраханская область — активно работают более чем с 300 промпредприятиями Восточного Казахстана. На них приходится 45 % внешнеторгового оборота области [13].

Несмотря на создание общего экономического пространства и развития торговли между странами, интеграция дает недостаточно положительный импульс для развития трансграничных территорий. Это проявляется в следующем:

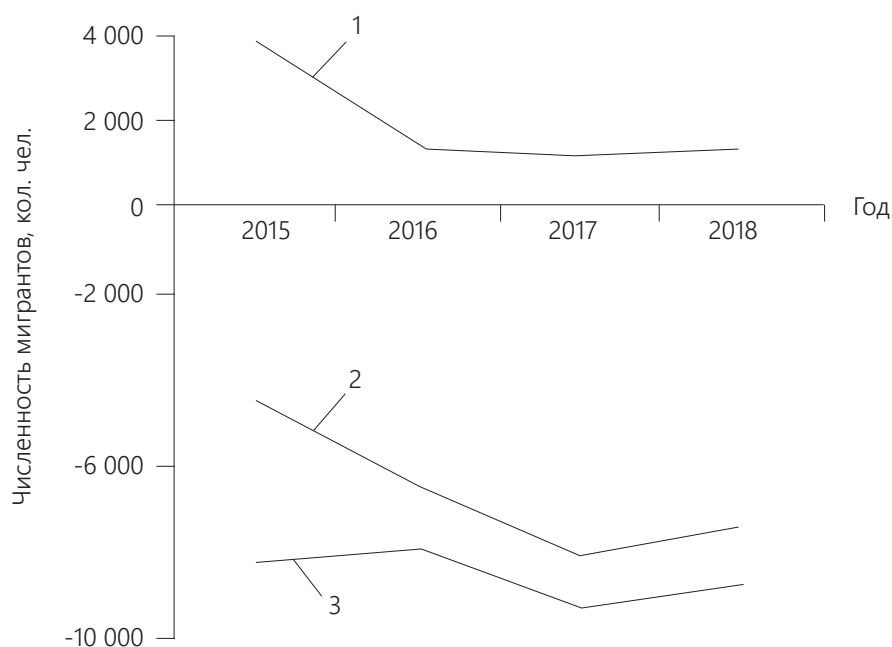
1) низкая инвестиционная привлекательность со стороны иностранных инвесторов. Несмотря на положительную динамику инвестиций в экономику Алтайского края в период с 2015 г. (прирост в 2018 г. составил 30 % от величины 2015 г), иностранные источники составляют не более 6 %. А процент чистых иностранных инвестиций (без офшорных компаний) еще меньше [6, с. 89]. В 2018 г. край традиционно вошел в самую нижнюю группу по инвестиционной привлекательности — группу регионов с умеренным уровнем инвестиционной привлекательности, и занял 60 место среди 85 регионов России [15]. В ВКО в 2016–2018 гг. наблюдается снижение инвестиционной активности. Так, индексы физического объема инвестиций в основной капитал снижаются ежегодно на 5–7 % [12].

2) высокий отток населения данных территорий. В 2017 г. Алтайский край вошел в тройку регионов с самым большим миграционным оттоком населения (рис. 3) [7]. Несмотря на положительный иммиграционный приток из стран ближнего зарубежья, ситуация усугубляется из года в год и усиливается естественной убылью населения.

Данные тенденции характерны и для ВКО (рис. 4). Для нее характерна естественная убыль населения на фоне высокой внешней и внутренней миграции. Регион входит в пятерку регионов лидеров Казахстана по оттоку населения.

Отток населения может привести к обезлюдению больших территорий и потери социального контроля над ними, усилению миграционного давления на край со стороны других стран и его заселению иностранными гражданами, а также сокращению демографических ресурсов для социально-экономического развития региона и обеспечения обороноспособности страны [1; 3].

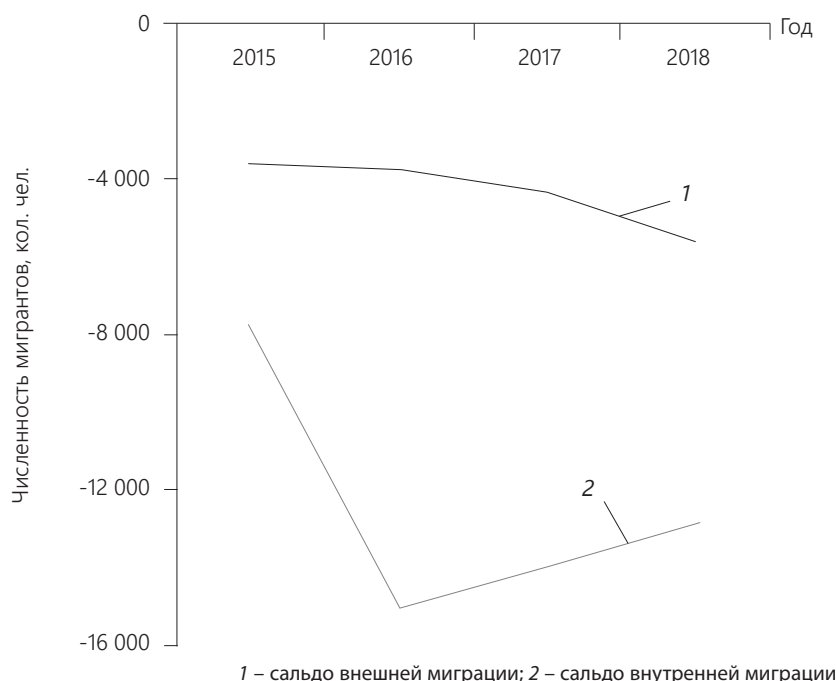
Создание ЕАЭС сформировало стабильную основу для развития торговых отношений между странами — членами ЕАЭС, но о полноценном использовании интеграционного эффекта говорить рано. Особенно это проявляется на трансграничных территориях. Несмотря на рост взаимной торговли как Алтайский край, так и ВКО, не стали более привлекательны для таких ключевых факторов производства, как рабочая сила и капитал (в первую очередь, иностранный). Возможно, еще рано делать выводы, ведь формирование общего рынка продолжается и в настоящее время. Однако уже сегодня понятно, что для развития трансграничных территорий недостаточно только интеграционного эффекта, необходимы значительные усилия со стороны отдельных государств. Рассмотрим возможные пути кооперации Алтайского края и ВКО.



1 – миграция с зарубежными странами; 2 – миграционный прирост; 3 – миграция внутри РФ

Составлено авторами по материалам источника [7] / Compiled by the authors on the source materials [7]

Рис. 3. Динамика внешней и внутренней миграции населения АК
Figure 3. Dynamics of external and internal migration of the population of AT



Составлено авторами по материалам источника [14] / Compiled by the authors on the source materials [14]

Рис. 4. Динамика внешней и внутренней миграции населения Восточно-казахстанской области
Figure 4. Dynamics of external and internal migration of the population of East Kazakhstan region

Меры по обеспечению трансграничного сотрудничества

Во-первых, необходимо расширять производственные связи между предприятиями двух регионов, реализовывать кластерное сотрудничество. Оно имеет особое значение для развития периферийных территорий, так как позволяет значительно усилить потенциал территорий через эффект синергии. Вместе с тем, необходимы значительные усилия со стороны государственных органов для реализации подобных форм сотрудничества: развитие регионального предпринимательства (формирование бизнес-климата, стимулирование инновационной активности), правовое региональное законодательство (регулирование вопросов участия государства в кластерных инициативах); сотрудничество по развитию межгосударственного научно-исследовательского сектора, в том числе, партнерство среди образовательных учреждений.

Сегодня подобный опыт имеется в европейской части России (например, проект по стимулированию взаимодействия между региональными инновационными кластерами Regions of knowledge («Регионы знаний»), платформы сотрудничества участников высокотехнологичных кластеров European Territorial Cooperation («Европейское территориальное сотрудничество») и Europe INNOVA initiative [5, с. 102].

Для привлечения инвестиций необходимо создавать благоприятные условия для развития бизнеса на сопредельных территориях: предоставлять льготный налоговый режим, обеспечивать территории современной транспортной инфраструктурой, унифицировать документооборот между странами-партнерами, разрабатывать нормативно-правовое поле в сфере международного сотрудничества.

В Договоре об ЕАЭС прописана дорожная карта движения к общему рынку. В 2016 г. было создано правовое поле, регулирующее сферу фармацевтики, в 2019 г. формируется общий электроэнергетический рынок, к 2022 г. — планируется разработать общие финансовые мегарегуляторы, к 2024–2025 гг. — сформировать общий рынок нефти, газа и нефтепродуктов. Все эти меры направлены на стимулирование развития профильных кластеров в Евразии.

Особенно перспективна тема общего рынка электроэнергетики. Речь идет о значимой территории со значительной зоной покрытия. В перспективе речь может идти о создании кольцевой энергосистемы Центральной Евразии, включающей регионы Южной Сибири России, территорию Казахстана, страны Центральной Азии и западные районы Китая [16].

В основе отношений должны лежать конкурентные преимущества территорий. Со стороны ВКО наличие относительно недорогих энергетических

ресурсов и продукции черной металлургии, со стороны Алтайского края — сельскохозяйственной продукции.

Во-вторых, использовать трансграничный статус для реализации глобального мегапроекта «Экономический пояс Шелкового пути». По словам президента России В. В. Путина, данный проект позволит выйти в перспективе на новый уровень партнерства, подразумевающий общее экономическое пространство на всем евразийском континенте. Он подразумевает создание рентабельных транспортных маршрутов, соединяющих Европу и Азию. Предполагается, что Северный маршрут пройдет через территорию Казахстана и Транссибирскую магистраль. Так, ВКО и Алтайский край могут выступать своеобразными мостами для реализации данного проекта на территории России и Казахстана.

С точки зрения преимуществ для стран ЕАЭС, эксперты отмечают, что проект будет стимулировать кооперацию в транспортной сфере и благотворно сказываться на ее регулировании. Кроме того, он послужит основой для разработки единых регламентов и стандартов качества товаров и услуг, что в свою очередь создаст благоприятные условия для притока иностранных инвестиций в транспортную инфраструктуру и развития производственного потенциала [16].

В-третьих, создавать основу для консолидации потенциалов территорий. В частности, речь идет о туризме. Уже предпринимаются значительные

меры в данном направлении. Так, был создан проект «Большой Алтай» и Международный координационный совет «Наш общий дом — Алтай». Изначально он был создан для защиты природного комплекса Алтайских гор. Но сегодня данный проект нацелен на решение широкого круга вопросов социально-экономического характера. Необходима консолидация усилий, в первую очередь, финансовых для реализации крупномасштабных проектов на территории большого Алтая. Так, на территории Большого Алтая проводится крупный туристско-спортивный фестиваль, выставки, событийный туризм.

Итак, несмотря на пока невысокую эффективность интеграционных процессов на территориях России и Казахстана, у данных территорий имеется значимый потенциал. Он обусловлен их трансграничным положением, наличием природных ресурсов (в том числе рекреационных), новыми геополитическими реалиями. Предложенные меры позволят укрепить сотрудничество между трансграничными территориями, будут способствовать развитию их инфраструктуры, кооперации в промышленности, повышению занятости населения, притоку иностранных инвестиций. Это, в свою очередь, окажет положительный эффект на социально-экономическое развитие трансграничных территорий России и Казахстана, будет способствовать диверсификации экономики стран Евразийского экономического союза в целом.

Библиографический список

1. Волох, В. А., Герасимова, И. В. Управление миграционными процессами в Российской Федерации: анализ и перспективы // Управление. 2019. Т. 7. № 1. С. 5–12.
2. Петрина, О. А., Савкина, Е. В. К вопросу об устойчивом развитии социально-экономических систем // Вестник университета. 2017. № 2. С. 37–41.
3. Родионова, Л. В. Оценка современных миграционных процессов в приграничном регионе в контексте безопасности // Экономика. Профессия. Бизнес. 2018. № 8. С. 61–74.
4. Толстогузов, О. В. Типология периферийных регионов и особенности граничной периферии северо-запада России // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 47. С. 6–13.
5. Цветкова, О. В. Трансграничное сотрудничество приграничных субъектов Российской Федерации // PolitBook. 2016. № 4. С. 96–107.
6. Щетинин, М. П. Новые возможности для привлечения иностранных инвестиций в экономику Алтайского края // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2015. № 4 (82). С. 84–91.

References

1. Volokh V. A., Gerasimova I. V. Upravlenie migratsionnymi protsessami v Rossiiskoi Federatsii: analiz i perspektivy [Management of migration processes in the Russian Federation: analysis and prospects], Upravlenie, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 5–12.
2. Petrina O. A., Savkina E. V. K voprosu ob ustoichivom razvitiu sotsialno-ekonomicheskikh system [To the issue of sustainable development of social and economic systems], Vestnik universiteta, 2017, no. 2, pp. 37–41.
3. Rodionova L. V. Otsenka sovremennykh migratsionnykh protsessov v prigranichnom regione v kontekste bezopasnosti [Assessment of modern migration processes in the border region in the context of security], Ekonomika. Professiya. Biznes [Economics. Profession. Business], 2018, no. 8, pp. 61–74.
4. Tolstoguzov O. V. Tipologiya pereferiinykh regionov i osobennosti granichnoi periferii severo-zapada Rossii [Typology of peripheral regions and features of the border periphery of the North-West of Russia], Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika [Regional economy: theory and practice], 2010, no. 47, pp. 6–13.
5. Tsvetkova O. V. Transgranichnoe sotrudnichestvo prigranichnykh sub'ektov Rossiiskoi Federatsii [Cross-Border

7. Алтайский край вошел в топ сибирских регионов с массовым оттоком населения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.altai.aif.ru/society/altayskiy_kray_voshel_v_troyku_sibirskih_regionov_po_ottoku_naseleniya (дата обращения: 18.09.2019).
8. Алтайский край и Казахстан — лучший пример междunarodных связей // Вестник промышленности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://365-tv.ru/index.php/analitika/rossiya/507-altajskij-kraj-i-kazakhstan-luchshij-primer-mezhdunarodnykh-svyazey> (дата обращения: 18.09.2019).
9. Анализ потенциальных возможностей для экспорта казахстанской обработанной продукции в разрезе регионов. Астана, 2015. 333 с.
10. Аналитическая информация о развитии отраслей / Управление Алтайского края по пищевой, перерабатывающей, фармацевтической промышленности и биотехнологиям [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ffprom22.ru/industry/analytical-development/> (дата обращения: 20.09.2019).
11. ЕАЭС: социально экономическое развитие регионов // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. 2018. 20 с.
12. Инвестиционный портал Восточно-Казахстанской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://invest.e-vko.kz/ru/menu/o-regione/prioritetnyie-otrasli/> (дата обращения: 20.09.2019).
13. Объемы экспорта наращивают в Восточно-Казахстанской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://24.kz/ru/news/social/item/212486-ob-emy-eksporta-narashchivayut-v-vostochno-kazakhstanskoj-oblasti> (дата обращения: 20.09.2019).
14. О социально-экономическом развитии Восточно-Казахстанской области за 2018 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://aqmo.kz/news/read/id-10236> (дата обращения: 20.09.2019).
15. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России по итогам 2018 г. Национальное рейтинговое агентство, 2018. 14 с.
16. Создание центральной Евразии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://m.lenta.ru/articles/2015/06/02/karaganovdoklad/> (дата обращения: 20.09.2019).
17. Экспорт и импорт России по товарам и странам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru-stat.com/date-Y2015-2018/RU01000/export/KZ/06> (дата обращения: 20.09.2019).
- cooperation of border subjects of the Russian Federation*], PolitBook, 2016, no. 4, pp. 96–107.
6. Shchetinin M. P. Novye vozmozhnosti dlya privlecheniya inostrannykh investitsii v ekonomiku Altaiskogo Kraja [*New opportunities for attracting foreign investment in the economy of the Altai territory*], Vestnik REU im. G. V. Plekhanov [*Bulletin REU named after G. V. Plekhanov*], 2015, no. 4 (82), pp. 84–91.
7. Altaiskii kraj voshel v top sibirskikh regionov s massovym ottokom naseleniya [*Altai Territory was included into the top of Siberian regions with the mass outflow of the population*]. Available at: http://www.altai.aif.ru/society/altayskiy_kray_voshel_v_troyku_sibirskih_regionov_po_ottoku_naseleniya (accessed 18.09.2019).
8. Altaiskii kraj i Kazakhstan — luchshii primer mezhhdunarodnykh svyazei [*Altai Territory and Kazakhstan are the best example of international relations*], Vestnik promyshlennosti [*Bulletin of industry*]. Available at: <https://365-tv.ru/index.php/analitika/rossiya/507-altajskij-kraj-i-kazakhstan-luchshij-primer-mezhdunarodnykh-svyazey> (accessed 18.09.2019).
9. Analiz potentsial'nykh vozmozhnostei dlya eksporta kazakhstanskoi obrabotannoi produktsii v razreze regionov [*Analysis of potential opportunities for export of Kazakhstan processed products by regions*], Astana, 2015, 333 p.
10. Analiticheskaya informatsia o razvitii otraslei [*Analytical information about development of industries*], Upravlenie Altaiskogo kraja po pishchevoi, pererabatyvayushchei, farmatsevticheskoi promyshlennosti i biotekhnologiyam [*The Department of the Altai territory for food manufacturing, processing and pharmaceutical industry and biotechnologies*]. Available at: <http://www.ffprom22.ru/industry/analytical-development/> (accessed 20.09.2019).
11. EAEU: sotsialno ekonomicheskoe razvitie regionov [*EAEU: socio-economic development of regions*], Byulleten o tekushchikh tendentsiyakh v mirovoi ekonomike [*Bulletin on current trends in the world economy*], 2018, 20 p.
12. Investitsionnyi portal Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti [*Investment portal of the East Kazakhstan region*]. Available at: <https://invest.e-vko.kz/ru/menu/o-regione/prioritetnyie-otrasli/> (accessed 20.09.2019).
13. Ob'emy eksporta narashchivayut v Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti [*Export volumes are increasing in the East Kazakhstan region*]. Available at: <https://24.kz/ru/news/social/item/212486-ob-emy-eksporta-narashchivayut-v-vostochno-kazakhstanskoj-oblasti> (accessed 20.09.2019).
14. O sotsial'no-ekonomicheskom razvitii Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti za 2018 god [*On the socio-economic development of East Kazakhstan region for the year 2018*]. Available at: <https://aqmo.kz/news/read/id-10236> (accessed 20.09.2019).
15. Reiting investitsionnoi privlekatel'nosti regionov Rossii po itogam 2018 g. [*Rating of investment attractiveness of the Russian regions in 2018*], Natsional'noe reitingovoe agentstvo [*National Rating Agency*], 2018, 14 p.
16. Sozdanie tsentralnoi Evrazii [*The creation of Central Eurasia*]. Available at: <https://m.lenta.ru/articles/2015/06/02/karaganovdoklad/> (accessed 20.09.2019).
17. Eksport i import Rossii po tovaram i stranam [*Export and import of Russia by goods and countries*]. Available at: <https://ru-stat.com/date-Y2015-2018/RU01000/export/KZ/06> (accessed 20.09.2019).

Опыт Швейцарской Конфедерации по приему мигрантов

Воронина Наталья Александровна

канд. юр. наук, Институт государства и права РАН, г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0001-5182-7532, e-mail: natalia.a.voronina@gmail.com

Аннотация

В статье исследован опыт приема и интеграции иностранцев в Швейцарии — одной из наиболее развитых стран мира, занимающих одно из первых мест в Европе по доле иностранного населения в общей демографической структуре. Рассмотрена эволюция понятий интеграции, социальной ассимиляции, аккультурации и др., и приведены различные научные трактовки западных ученых этих терминов.

Отслежена иммиграционная политика Швейцарии за последние десятилетия и проанализирована современная политика страны по вопросам интеграции иностранных граждан в принимающее общество. Также выполнен подробный анализ национальной нормативной правовой базы в сфере миграции, убежища и интеграции, отмечено активное развитие законодательства по вопросам интеграции за последнее десятилетие. Миграционная политика Швейцарии, как и других развитых западных стран-реципиентов иностранной рабочей силы, включает как иммиграционную политику (контроль за въездом и пребыванием иностранцев в стране), так и политику интеграции в отношении находящихся в стране иностранцев, подлежащих интеграционным процессам.

Процесс интеграции иностранного гражданина в новую социально-экономическую, политическую и культурную среду принимающей страны представляет собой сложное и многоаспектное явление. В Швейцарии существует развитая и научно обоснованная система приема, обустройства и интеграции иностранных трудящихся и лиц, ищущих убежище, базирующаяся на конституционных ценностях, уважении и взаимной толерантности. В основе этой системы лежит общая стратегия интеграции, составляющая ядро интеграционной политики страны и охватывающая различные сферы: права, политики, вопросов труда, жилищной сферы, образования, культуры и религии. В целях реализации политики интеграции в Швейцарии разрабатываются и осуществляются федеральные и кантональные программы по интеграции.

Управление интеграционными процессами осуществляется посредством развитой системы органов государственной власти на федеральном, кантональном и иных уровнях при активном участии различных общественных организаций, включая организации самих мигрантов. Федеральный совет публикует доклады о развитии политики интеграции в стране, Федеральная служба по вопросам миграции издает ежегодные доклады, проводятся многочисленные научные исследования по теме. В настоящее время каждый кантон имеет собственную программу по интеграции, разработанную в соответствии с Модельной кантональной программой, что позволяет претворять в жизнь различные интеграционные модели, исходя из региональных потребностей и приоритетов.

Ключевые слова: интеграция иностранцев, адаптация, мигранты, Швейцарская Конфедерация, социокультурное разнообразие, интеграционная политика.

Цитирование: Воронина Н.А. Опыт Швейцарской Конфедерации по приему мигрантов//Управление. 2019. № 4. С. 123–130.

Swiss Confederation experience on reception of migrants

Voronina Natalia

Candidate of Jurisprudence, Institute of State and Law of RAS, Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0001-5182-7532, e-mail: natalia.a.voronina@gmail.com

Abstract

The experience of Swiss Confederation in the field of integration of immigrants – one of the most economically developed countries of the world, occupying the leading position in Europe on the rate of foreign population in general demographic structure, – has been examined in the article. Evolution of the notions of “integration”, “social assimilation”, “acculturation” and others has been considered and different scientific approaches of Western researches to these notions have been adduced. Swiss immigration policy for the past decades has been traced and the modern integration policy of the country in the field of integration of foreign citizens into receiving society has been analyzed. A detailed analysis of the Swiss normative and legal framework in the field of migration, asylum and integration has been made also, and active development of migration laws over the last decade has been noted. Swiss migration politics, like in other developed Western countries-recipients of foreign labor, contains both: immigration policy (control over entry and stay of foreigners in the country) and policy of integration towards foreigners subject to integration processes.

The process of integration of a foreign citizen into a new socio-economic, political and cultural environment is a complex, multidimensional phenomenon. There is a developed and scientifically grounded system of reception, accommodation and integration of foreigners and asylum seekers in Switzerland, which is based on constitutional values, respect and mutual tolerance. At the core of this system is a general strategy of integration, which constitutes a country’s core policy of integration and covers various areas: law, politics, labour issues, housing, education, culture and religion. In order to implement the policy of integration, in Switzerland there are being developed and implemented federal and cantonal integration programs. Integration processes management is administered through the developed system of state authorities at federal, cantonal and other levels, with active participation of different public organizations, including migrant organizations. Federal Council publishes reports on development of integration policy in the country, Federal Migration Office issues annual reports, numerous scientific researches on the theme are being conducted. At present each canton has its own Integration program, designed in accordance with the Modal cantonal program, that allows to implement different integration models, depending on regional requirements and priorities.

Keywords: integration of foreigners, adaptation, migrants, Swiss Confederation, socio and cultural diversity, policy of integration.

For citation: Voronina N.A. Swiss Confederation experience on reception of migrants (2019) *Upravlenie*, 7 (4), pp. 123–130. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-123-130



Для России как принимающей большое количество мигрантов страны актуальна проблема их адаптации и социально-культурной интеграции в общество. В новой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г. эта проблема выдвигается в качестве одной из важнейших задач миграционной политики страны [1]. Поэтому для России крайне важно изучать опыт зарубежных развитых стран, практикующих многие годы интеграционную политику в отношении иностранных граждан, живущих и работающих в этих странах. Особенно важным представляется изучение положительного опыта стран с федеративным государственным устройством и языковым многообразием.

Швейцарская Конфедерация — одна из наиболее экономически развитых стран мира. Это федеративная республика, состоящая из 26 кантонов, обладающая языковым, религиозным и культурным разнообразием (немецкая, французская, итальянская и ретоманская). Каждый кантон имеет свою конституцию и законодательство, которые ограничены федеральной конституцией. Имеется Федеральное собрание, состоящее из Национального совета и Совета кантонов (законодательная власть) и Федеральный совет (исполнительный орган). Принятые парламентом законы могут рассматриваться (быть утверждены или отклонены) на всенародном референдуме. Миграционные вопросы регулярно выносятся на всенародное обсуждение.

Швейцария занимает одно из первых мест в Европе по такому показателю, как «доля иностранного населения в общей демографической структуре». В настоящее время доля иностранцев в общем населении страны превысила 2 млн человек, составив практически 25 % от общего населения страны в 8,3 млн чел. [12]. И, хотя для Швейцарии вопрос приема иностранных граждан не новый, однако политика в области интеграции иностранцев — относительно недавнее явление.

До 1980-х гг. приоритетом иммиграционной политики преимущественно являлось сокращение въезда иностранных граждан на территорию страны. Лишь в 1990-х гг. Федеральный совет приступает к разработке интеграционных механизмов, направленных на иностранцев, которые уже находятся на территории страны (лица, признанные беженцами, временно находящиеся, выходцы из Евросоюза и некоторые другие категории). С разработкой правовой базы в конце 1990-х гг. — начале 2000-х гг. (Постановление от 13 сентября 2000 г. и Постановление от 24 октября 2007 г. «Об интеграции иностранцев» Конфедерация начинает принимать реальные шаги по интеграции, позволившие в 2001 г.

разработать несколько федеральных программ, направленных на поддержку интеграционных проектов и развитие соответствующей инфраструктуры (интеграционные центры, языковые центры, вспомогательные службы и пр.) [6; 7]. В 2014 г. появляются Кантональные программы по интеграции; участниками интеграционной политики становятся каждый кантон, округ, община, а также социальные партнеры, неправительственные организации и организации иностранных граждан.

Первые интеграционные стратегии кантонов достаточно сильно отличались друг от друга. Однако в 2014 г. Конфедерация приняла модельную Кантональную интеграционную программу, в рамках которых каждый кантон должен был разрабатывать свою программу.

Одними из первых зарубежных исследователей процессов, укоренения (обустройства) иммигрантов в принимающее общество в конце XX в. были социологи, использующие для обозначения этого явления термин «ассимиляция». Однако, с 1960 гг. возникли новые «культурные» и «социальные» измерения ассимиляции, появилась необходимость в новых терминах. Так, культурное измерение, под которым подразумевалось «принятие иммигрантом новых культурных черт» принимающего общества, стало обозначаться на Западе терминами «аккультурация», «ассимиляция», «культурная ассимиляция» или «культурная интеграция». Что касается социального измерения, связанного с участием иммигрантов в жизни общества, его стали называть «структурной ассимиляцией», «социальной ассимиляцией», «интеграцией», «структурной интеграцией» или «социальной интеграцией» [18, с. 11].

В настоящее время, как отмечают французские ученые, термином «ассимиляция» принято обозначать процесс «делания иммигрантов похожими (в социальном и культурном плане) на членов принимающей социальной группы и на нацию» [8, с. 25]. При этом различается французская и американская трактовки данного понятия. Согласно французскому подходу, ассимиляция побуждает иностранцев отказаться от своей культуры и принять культуру той страны, где они находятся. Это выражается в изучении языка и обычаев принимающей страны. В США под термином «ассимиляция» понимается процесс взаимопроникновения и слияния, благодаря которому отдельные лица и другие группы превращаются в единое культурное сообщество. Согласно этому подходу, иммигранты должны воспринять некоторые элементы американской культуры, не отказываясь полностью от культуры своей родины, которая сохраняется в частной жизни.

Латинский термин *integrare* (интегрировать) означает «делать целым». Некоторые исследователи определяют интеграцию как действие, «противоположное исключению из общего, фрагментации, несвязности и разбросу». По мнению исследователя из Университета Невшатель (Швейцария) М. Шиффеле, интеграция в местное сообщество или среду является для мигрантов необходимым этапом, предшествующим более «продвинутой» интеграции в рамках национального общества [10, с. 8.] Так, для того, чтобы рассчитывать на интеграцию в общество в полной мере, мигранту необходимо сначала обосноваться на длительное время на территории страны, что, однако, может представлять для него определенную трудность, так как разрешение на пребывание иностранцу выдается лишь на определенный ограниченный срок.

С точки зрения изучения и оценки процесс интеграции представляет собой сложное и многоаспектное явление. Большинство исследователей сходятся во мнении, что миграционная политика принимающей страны состоит из двух составляющих: иммиграционной политики (контроль за въездом и пребыванием иностранцев в стране) и собственно политики интеграции (в отношении находящихся в стране иностранцев, подлежащих интеграционным процессам). При этом исследователи подчеркивают, что интеграционная политика подразумевает «необходимость разработки общей стратегии интеграции», охватывающей сферы права, политики, вопросов труда, жилищной сферы, образования, культуры и религии [13, с. 63].

Сфера права включает политику, определяющую условия въезда на территорию страны и устанавливающую условия пребывания/проживания (категории статуса проживания) для иностранцев. С этой точки зрения в Швейцарии существует три категории лиц: к первой относятся граждане страны и иммигранты, обладающие в полном объеме правами, присущими гражданам; ко второй — иммигранты, частично обладающие социальными правами и некоторыми политическими (статус «*denizen*») и третья группа — лица, обладающие ограниченными социальными правами или не имеющие таких прав (в частности, лица, обращающиеся за статусом беженца и нелегальные иммигранты). В зависимости от условий доступа на территорию устанавливается тот или иной «статус проживания» (вид на жительство) лица, что в свою очередь, влияет, на степень включенности иммигранта в другие «сферы интеграции». Сфера политики подразумевает предоставление политических прав, в частности, право голоса, а также участие в политической жизни общества.

Как показывают исследования, в Швейцарии, как и в других странах-реципиентах, среди иммигрантов особенно высок уровень безработицы. Это заставляет обращать особое внимание на вопросы интеграции в сфере труда. Как отмечалось в Ежегодном докладе Федерального ведомства по миграции (*Office federal des migrations*) Швейцарии за 2012 г., «создание условий для более быстрой адаптации мигрантов напрямую отражается на их эмоциональном состоянии, а, следовательно, и на качестве труда» [17, с. 23]. В настоящее время сфера труда все более рассматривается в качестве важнейшего инструмента интеграции.

С вопросами занятости тесно связана сфера проживания (жилья), ибо уровень заработной платы определяет вид жилья, которое иммигрант может снять. Среди мигрантов наблюдается, так называемая, «пространственная концентрация». При этом, если ряд исследователей говорит в данном случае о «пространственной сегрегации», препятствующей реальной социальной интеграции, то другие исследователи привлекают внимание к тому положительному, что приносит такое проживание, а именно: «развитие этнической экономической деятельности» [13, с. 66].

Сфера образования также относится к той области, которая тесно связана и влияет на интеграцию. Посредством социализации — принятии определенных норм и ценностей — лицо приобретает навыки жизни в новом обществе, и, как считают зарубежные исследователи, таким образом, в обществе интегрируются сходные взгляды и ощущения, что позволяет сохранять определенную гомогенность внутри данного общества. Образование позволяет иммигранту быстрее войти в рынок труда. При этом, если на часть мигрантов возможности системы обучения как средства интеграции распространяются в полной мере, то у мигрантов, находящихся в ряде регионов страны, эти возможности оказываются ниже.

Особую полемику среди западных ученых вызывает сфера культуры как область интеграции. Некоторые исследователи данной проблемы связывают ее с противостоянием культур. Исходя из такого подхода, к иммигрантам предъявляются требования «соответствовать культурным нормативам» принимающего сообщества, что в противном случае негативно сказывается на их интеграции в рынок труда, образования и сферы жилья. Другие исследователи придерживаются мнения, что успех социальной интеграции подразумевает «отказ мигранта от своей специфической культурной идентичности и приверженности» стране происхождения. Эта позиция вызывает возражение сторонников так называемого «транснационального подхода», считающих, что

«процессы интеграции и транснациональности являются взаимозависимыми» [11, с. 121].

В Швейцарии после Второй мировой войны ощущалась нехватка рабочих рук в ряде секторов (сельском хозяйстве, текстильной и машиностроительной промышленности, гостиничном деле, строительстве, сфере услуг). Швейцарские предприниматели стали нанимать рабочую силу из-за рубежа; в 1948 г. было заключено соответствующее соглашение между Швейцарией и Италией. С этого времени власти Швейцарии получили возможность увеличивать или сокращать число иностранных рабочих в стране в зависимости от нужд экономики.

Столкнувшись в 1950 гг. с возросшим числом прибывающих из-за рубежа иностранцев, Конфедерация ввела так называемую «ротационную модель», позволяющую постоянно обновлять иностранную рабочую силу. Разрешение на пребывание стало увязываться с ежегодным разрешением на работу, которое могло продляться, и после десяти лет нахождения в стране лицо получало разрешение на обустройство (*permis d'établissement*). Широко известный в международном миграционном праве принцип «воссоединения семьи» подвергался определенным ограничениям.

В течение 1960-х гг. Швейцария предпринимала меры, направленные на сокращение иностранной рабочей силы в стране. В эти же годы в Швейцарии начинают возникать движения в поддержку иммигрантов и сообщества иностранцев, выступающие за интеграцию иностранцев и требующие предоставления прав (социальных, экономических, политических) для проживающих в стране иностранцев. Италия стала оказывать давление, чтобы выходцам из Италии было предоставлено больше прав (в частности, в вопросах воссоединения семьи) и призывала Швейцарию уменьшить срок проживания, дающий право на разрешение на обустройство, до пяти лет.

Вследствие значительной социокультурной дистанции между принимающим сообществом и определенной частью мигрантов, восприятие их обществом становилось негативным. И в начале 1970 гг. в Швейцарии активизируются ксенофобские движения, выступающие с инициативой сократить на 10 % количество иностранцев в каждом кантоне.

В 1973 г. Швейцарию поражает нефтяной кризис, особо отрицательно сказавшийся на положении иностранных трудовых мигрантов, вынуждая их покинуть страну. В результате, к концу 1970-х гг. число иностранцев в стране значительно сократилось, что ослабило ксенофобские настроения в обществе и вытеснило тему «засилья иностранцев» из политической повестки дня. И с начала 1980-х гг. получают развитие движения солидарности, возникают

различные гуманитарные ассоциации в поддержку мигрантов и организации самих иммигрантов, выдвигающие требования предоставлять им больше прав и обеспечивать более качественную интеграцию в швейцарское общество. Был выдвинут лозунг: «Быть солидарным с новой политикой в отношении иностранцев», подразумевающий отмену статуса сезонного работника и облегчение продления разрешения на пребывание.

В начале 1990-х гг. неблагоприятная экономическая ситуация в странах Запада вновь способствовала росту безработицы. В этих условиях швейцарская экономика стала предъявлять новые требования к иностранной рабочей силе: если таким отраслям, как ресторанному и гостиничному делу, а также сельскому хозяйству требовалось большое число низко квалифицированных работников, то в других секторах экономики проявился спрос на рабочую силу высокой квалификации. Федеральные власти Швейцарии в 1991 г. разработали так называемую «модель трех кругов», распределяя иммигрантов по трем категориям в зависимости от страны происхождения. Первый круг, предусматривающий свободное перемещение рабочей силы, включал выходцев из стран Евросоюза, второй — из США и Канады, а третий — из всех других стран, наем которых, за исключением высококвалифицированных специалистов, не осуществлялся.

Около 80 % иммигрантов в Швейцарии — выходцы из Германии, Италии, Франции и Португалии. Доля иностранного населения распределена по территории страны неравномерно, что позволяет выявить закономерность: мигранты из франкоязычных стран расселяются по франкоговорящим кантонам, и такая же модель расселения характерна для немецко- и италияязычных мигрантов.

В 1997 г. рабочей группой была предложена новая модель политики приема иммигрантов, основанная на системе баллов и учитывающая личностные характеристики кандидата в иммигранта: уровень подготовки, опыт работы, знание языка. Эта модель позднее легла в основу нового федерального «Закона об иностранцах», установившего критерии для определения «личностной квалификации» работника, вступившего в силу в 2008 г. [2]. В последующие годы в целях «интенсификации политики интеграции» был принят ряд мер: облегчен доступ к профессиональному обучению, облегчен процесс натурализации, оказывалась социальная поддержка и пр.

В настоящее время, в условиях миграционного кризиса, масштабного притока мигрантов на европейский континент и террористических угроз Швейцария вновь рассматривает вопрос об ограничении

масштабов иммиграции («Инициатива против массовой иммиграции»).

Термин «интеграция» упоминался в ряде правовых актов Швейцарии еще задолго до принятия подлинной политики интеграции. Так, Закон о гражданстве 1952 г. предписывал претенденту на швейцарское гражданство быть хорошо интегрированным в швейцарское общество [3]. Закон об убежище 1998 г. связывал предоставление временного допуска на территорию с обязательной интеграцией [4]. Лица, получившие статус беженца, в обязательном порядке должны были быть интегрированы с точки зрения социальной, профессиональной и культурной сферы.

С конца 1990-х гг. вопросы интеграции включаются в компетенцию Конфедерации. Это нашло свое законодательное закрепление в статье 25а Закона 1999 г. о пребывании и обустройстве иностранцев, в которой устанавливается, что финансирование мер по интеграции возлагается на Конфедерацию [5].

За последнее десятилетие швейцарское законодательство по вопросам интеграции активно развивалось. «Постановление об интеграции иностранцев» (*L'Ordonnance sur l'integration*), вступившее в силу с 01 октября 2000 г., определило цели интеграции, обязанности и организацию работы Федеральной комиссии по иностранцам, а также условия предоставления финансовой помощи для содействия интеграции [6]. На основе этого Постановления была подготовлена первая федеральная программа по интеграции. Пересмотренное в 2007 г. Постановление устанавливало компетенцию Федеральной службы по вопросам миграции (*L'Office federal des migrations*) в сфере интеграции. Отныне процесс интеграции иностранных граждан в Швейцарии становится межсекторальной задачей, в решении которой должны участвовать одновременно как власти различного уровня, так и вовлеченные в эту деятельность общественные организации, а также сами иностранцы, которым статьей 4 Постановления предписано «уважать правопорядок и ценности Федеральной конституции, учить государственный язык, на котором говорит местное сообщество, знать швейцарский образ жизни, иметь желание участвовать в экономической жизни и приобретать профессиональную подготовку» [7].

Принятый 16 декабря 2005 г. Федеральный закон об иностранцах (вступил в силу 01 января 2008 г.) содержит специальный раздел, включающий несколько статей, посвященных вопросам интеграции [2]. Так, в статье 4 раскрываются принципы интеграционной политики страны. В частности, отмечается, среди прочего, что «интеграция иностранцев направлена на содействие сосуществованию населения страны и иностранцев на основе конституционных

ценностей, а также уважения и взаимной толерантности. Она должна позволять иностранцам, законно находящимся продолжительное время в стране, участвовать в экономической, социальной и культурной жизни» [2]. При этом иностранцы должны проявлять желание интегрироваться, быть знакомы с швейцарским образом жизни и учить язык, а население положительно к ним относиться. Как отмечалось в докладе Федерального совета в 2010 г., политика интеграции, начавшаяся с принятием в 2008 г. Закона об иностранцах, основывается на двух основных подходах: «поощрении и требовании» [16].

Закон об иностранцах официально включил в круг лиц, причастных к интеграции иностранцев, не только федеральные власти, но и кантоны, округа, общины и других акторов. Координация этой деятельности возложена на Федеральную службу по вопросам миграции и Федеральную комиссию по миграции. При этом, их функции и компетенции различаются: Федеральная служба обеспечивает взаимодействие между Конфедерацией, кантонами и крупными городами, Федеральная комиссия сотрудничает с различными департаментами и федеральными службами по вопросам, связанным с интеграцией [15, с. 14].

Как отмечают исследователи, практика реализации политики интеграции в разных кантонах Швейцарии различается [9, с. 47]. Кантоны обладают определенной свободой действий в том, что касается вопросов обучения мигрантов, медицинской помощи, религии и участия в жизни общества. Так, в отношении учебной интеграции иностранцев, в ряде кантонов имеются специальные структуры по приему (классы по приему и интеграции), в других — принимаются дополнительные меры (классы интенсивного обучения, контроль за выполнением заданий и пр.), и лишь в незначительном числе кантонов не предпринято никаких специальных мер. Наблюдаются кантональные различия и в отношении медицины (меры по предупреждению заболеваний, доступ к услугам) и вопросов культуры (проведение кампаний в поддержку культурного многообразия, борьба с расизмом, отношение к мусульманским сообществам). Различаются кантоны и по вопросам политической интеграции: участия в общественной жизни, права голоса и натурализации. В ряде кантонов существуют консультативные комиссии с участием иностранцев и осуществляется финансовая поддержка ассоциаций иммигрантов; лишь незначительное число кантонов не имеет таких консультативных органов.

Во многом интеграционная политика Швейцарии зависит от степени открытости местного сообщества культурному многообразию: ряд кантонов демонстрирует/проявляет свое уважение к иной культуре

и желание наладить диалог культур, другие защищают «автохтонную» (местную) культуру, считая, что иностранцы должны в ней ассимилироваться. Как утверждают исследователи, в Швейцарии существует тройственная модель интеграции: 1) плюралистическая, при которой кантоны признают и содействуют культурному многообразию; 2) дифференциалистская, объединяющая те кантоны, в которых признается культурное разнообразие, но проводится различие между «швейцарцами» и «иностранцами» (интеграция в этом случае рассматривается как желание адаптироваться к «швейцарской» культуре); и 3) ассимиляционистская модель, предписывающая иностранцам полное растворение в местной культуре (интеграция в данном случае рассматривается как культурная ассимиляция). В начале 2000-х гг. дифференциалистская модель была характерна для немецкой Швейцарии и кантонов Во и Вале, ассимиляционистская — для Тессина и Гртзона, а плюралистическая — для кантонов Невшатель, Фрибург, Женева и Жюра. К настоящему моменту модельные различия не столь явно выражены.

Проведенное в 2011 г. исследование, касающееся тех требований и тех прав, которые кантоны предъявляют и предоставляют иностранцам в области участия в политической, общественной, экономической, социокультурной и религиозной жизни, также выявило большие различия [14]. Большинство немецких кантонов проводят более жесткую политику интеграции — предъявляют более строгие требования (в частности, по вопросам натурализации), ограничивают мигрантов в некоторых правах (право голоса) и принимают минимум интеграционных мер. Романские кантоны (за исключением Вале) осуществляют более либеральную политику, предъявляя минимальные

требования к интеграции и принимая специальные меры, например, борясь против дискриминации.

С начала 2000-х гг. швейцарские федеральные власти начали осуществлять финансирование первой федеральной программы по интеграции (2001–2003 гг.). Федеральная служба по вопросам миграции осуществляла финансирование выбранных проектов и координацию административных служб, занимающихся вопросами социальной и культурной интеграции. В последующих федеральных программах был расширен круг входящих в них мероприятий: языковое обучение, повышение квалификации интеграционных работников, прием иностранцев в институты гражданского общества, поддержка местных мелких проектов по совместному проживанию различных групп населения, создание в коммунах центров по переводу и пр.

В январе 2014 г. на основе опыта федеральных программ, были подготовлены первые кантональные программы по интеграции в форме соглашений между кантонами и Конфедерацией, продолжительностью по 4 года. Таким образом, в настоящее время каждый кантон осуществляет свою собственную программу по интеграции, разработанную с учетом стоящих перед страной общих федеральных задач.

Как мы видим, Швейцария проводит всеохватывающую, научно обоснованную политику приема и адаптации/интеграции иммигрантов. При этом государственное устройство страны позволяет на уровне кантонов претворять в жизнь различные интеграционные модели, наиболее подходящие и соответствующие жизненному укладу населения данной местности.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения: 18.09.2019).
2. Loi federale du 16 decembre 2005 sur les etrangers et l'integration (LEtr) [Федеральный закон об иностранцах и интеграции от 16.12.2005 г.] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/20020232/> (дата обращения: 15.09.2019).
3. Loi federale du 29 septembre 1952 sur l'acquisition et la perte de la nationalite Suisse (Loi sur la nationalite. LN) [Федеральный закон от 29.09.1952 г. о приобретении и утрате швейцарского гражданства (закон о гражданстве)] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/19520208/index.html> (дата обращения: 15.09.2019).
4. RS 142.31. Loi du 26 juin 1998 sur l'asile (LAsi) [Закон о предоставлении убежища от 26.06.1998 г.] [Электронный

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 31.10.2018 № 622 “O Kontseptsii gosudarstvennoi migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii na 2019–2025 gody” [Decree of the President of the Russian Federation No. 622, dated on October 31, 2018 “On the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019–2025”], SPS «KonsultantPlyus» [Legal reference system «Consultant Plus»]. Available at: <http://www.consultant.ru/document/cons> (accessed 18.09.2019).
2. Federal Law on foreigners and integration, dated on December 16, 2005, Available at: <https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/20020232/> (accessed 15.09.2019).
3. Federal Law, dated on September 29, 1952 on the acquisition and loss of Swiss citizenship (nationality act), Available at: <https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/19520208/index.html> (accessed 15.09.2019).
4. Asylum act, dated on June 26, 1998. Available at: <https://www.admin.ch> (accessed 15.09.2019).

- ресурс]. — Режим доступа: <https://www.admin.ch> (дата обращения: 15.09.2019).
5. Loi federale du 1998 sur le sejour et l'etablissement des etrangers. 142.20 (LSEE) [Федеральный закон 1998 г. о пребывании и поселении иностранцев] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.sem.admin.ch> (дата обращения: 17.09.2019).
 6. RS 142.205 Ordonnance du 13 Septembre 2000 sur l'integration des etrangers (OIE) [Постановление об интеграции иностранцев от 13.09.2000 г.] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.admin.ch> — 20001861 (дата обращения: 17.09.2019).
 7. RS 142.205 Ordonnance du 24 Octobre 2007 sur l'integrations des etrangers (OIE) [Постановление об интеграции иностранцев от 24.10.2007 г.] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.admin.ch> — 20070995 (дата обращения: 17.09.2019).
 8. Boucher, M. Les theories de l'integration. Entre universalisme et differencialisme: des debats sociologiques et politiques en France [Теории интеграции. Между универсализмом и дифференциализмом: социологические и политические дебаты во Франции]. Paris: L'Harmattan. 2000. No. 105, Mai. 256 p.
 9. Cattacin, S., Kaya, B. Le developpement des mesures d'integration de la population migrante sur le plan local en Suisse [Разработка мер по интеграции мигрантов на местном уровне в Швейцарии] // Neuchatel: Forum Suisse pour l'etude des migrations [Невшатель: швейцарский форум по изучению миграции]. 2001. 47 P.
 10. Chiffelle, M. La mise en oeuvre der Programmes d'integration cantonaux (PIC): quel degre d'implication des entites administratives communales et cantonales? [Реализация программ кантональной интеграции (PIC): какова степень вовлеченности общинных и кантональных административных объектов?]. Universite de Neuchatel. 2018. Janvier. 84 P.
 11. Dahinden, J. Transnational belonging, non-ethnic forms of identification and diverse mobilities: rethinking migrant integration? // Messer Michi and al. (Eds.). Migrations: interdisciplinary perspectives. Wien: Springer. 2012. 121 P.
 12. Duc-Quang, N. Switzerland — classic country of immigration. 18.12.2017. P. 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.swissinfo.ch> (дата обращения: 04.09.2019).
 13. Engbersen, G. Spheres of integration: Toward a differentiated and reflexive ethnic minority policy // Rosemarie Sackmann (Eds.) Identity and integration. 2003. P. 63, 66.
 14. Manatschal, A. Taking cantonal variations of integration policy seriously — or how to validate international concepts at the subnational comparative level//Swiss Political Science Review. 2011. No. 17 (3). P. 336—357.
 15. Problemes d'integrations des ressortissants etrangers en Suisse [Проблемы интеграции иностранных граждан в Швейцарии]. Berne: Office federal des migrations, 2006. 14 P.
 16. Rapport du Conseil federal sur l'evolution de la politique d'integration de la Confederation du 5 Mars 2010 [Доклад Федерального совета об эволюции политики интеграции Конфедерации от 5.03.2010 г.]. Berne. P. 3401-3447 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.admin.ch/opc/> (дата обращения: 04.09.2019).
 17. Rapport annuel sur la migration [Ежегодный доклад о миграции] — 2012. Office federal des migration (ODM). 52 p. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.sem.admin.ch> (дата обращения: 15.09.2019).
 18. Schnapper D. Qu'est-ce que l'integration? [Что такое интеграция?]. Paris: Editions Gallimard. 2007. 238 p.
 5. Federal Law 1998 on the residence and settlement of foreigners. Available at: <https://www.sem.admin.ch> (accessed 17.09.2019).
 6. Ordinance on the integration of foreigners, dated on September 13, 2000. Available at: <https://www.admin.ch> — 20001861 (accessed 17.09.2019).
 7. Ordinance on the integration of foreigners, dated on October 24, 2007. Available at: <https://www.admin.ch> — 20070995 (accessed 17.09.2019).
 8. Boucher M. Integration theories. Between universalism and differentialism: sociological and political debates in France, Paris, L'Harmattan, 2000, no. 105, Mai, 256 p.
 9. Cattacin S., Kaya B. Development of measures for the integration of migrants at the local level in Switzerland, Neuchatel, Swiss forum for migration studies, 2001, 47 p.
 10. Chiffelle M. Implementation of cantonal integration programmes (PIC): what is the degree of involvement of community and cantonal administrative facilities? University of Neuchatel, 2018, January, 84 p.
 11. Dahinden, J. Transnational belonging, non-ethnic forms of identification and diverse mobilities: rethinking migrant integration? Messer Michi and al. (Eds.), Migrations: interdisciplinary perspectives, Wien, Springer, 2012, 121 p.
 12. Duc-Quang N. Switzerland — classic country of immigration, 18.12.2017, p. 1. Available at: <https://www.swissinfo.ch> (accessed: 04.09.2019).
 13. Engbersen G. Spheres of integration: Toward a differentiated and reflexive ethnic minority policy, Rosemarie Sackmann (Eds.), Identity and integration, 2003, pp. 63, 66.
 14. Manatschal, A. Taking cantonal variations of integration policy seriously — or how to validate international concepts at the subnational comparative level, Swiss Political Science Review, 2011, 17 (3), pp. 336—357.
 15. Problems of integration of foreign citizens in Switzerland, Bern, Federal Office on Migration, 2006, 14 p.
 16. Report of the Federal Council on the evolution of the Confederation's integration policy, dated on March 5, 2010, Bern, pp. 3401-3447 Available at: <https://www.admin.ch/opc/> (accessed 04.09.2019).
 17. Annual report on migration — 2012, Federal Office on Migration (FOM), 52 p. Available at: <https://www.sem.admin.ch> (accessed 15.08.2019).
 18. Schnapper D. What is integration? Paris, Editions Gallimard, 2007, 238 p.

Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации

Суворова Вера Александровна¹, Бронников Иван Алексеевич²

¹канд. полит. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-9072-3039, e-mail: sailor_mun@mail.ru

²канд. полит. наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-8277-0839, e-mail: ivbronn@gmail.com

Аннотация

В статье проанализирована международная образовательная миграция как ресурс «мягкой силы» государства. На основании всестороннего анализа существующих определений образовательной миграции, предложена авторская трактовка данного понятия. Представлена и проанализирована статистика международной образовательной миграции на основании данных ЮНЕСКО, Института международного образования США, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Основной акцент в статье сделан на таких категориях международных образовательных мигрантов, как студенты (бакалавры, магистры), аспиранты. Описаны причины популярности среди иностранных студентов таких стран, как Канада и США. На основании проведенного исследования выделены две группы факторов: внешние и внутренние (мотивационные), оказывающие влияние на принятие решения в выборе страны обучения.

На основании данных Министерства науки и высшего образования Российской Федерации проанализированы преимущества получения образования в России. Рассмотрен вопрос адаптации иностранных студентов в российских вузах: программы кураторства первокурсников, институт студенческих землячеств. Сделан вывод, что российские вузы имеют богатый опыт в обучении и адаптации иностранных обучающихся.

Также в статье подробно описаны концепции и проекты по привлечению иностранных обучающихся в Российскую Федерацию. Особое внимание уделено двум проектам: «5–100» и «Экспорт российского образования». В качестве одного из главных институтов в сфере экспорта российского образования обозначено Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Предложены меры по привлечению иностранных обучающихся в российские вузы.

Ключевые слова: международная образовательная миграция, мягкая сила, глобализация, иностранные студенты, высшее образование, зарубежный опыт в привлечении иностранных студентов, преимущества обучения в России, проект 5–100, экспорт российского образования.

Цитирование: Суворова В.А., Бронников И.А. Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации // Управление. 2019. № 4. С. 131–139.

International educational migration as a “soft power resource” in the globalization era

Suvorova Vera¹, Bronnikov Ivan²

¹Candidate of Political Sciences, State University of Management,
Moscow, Russia, ORCID: 0000-0002-9072-3039, e-mail: sailor_mun@mail.ru

²Candidate of Political Sciences, Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia, ORCID: 0000-0002-8277-0839, e-mail: ivbronn@gmail.com

Abstract

The international educational migration as a resource of «soft power» of the state has been analyzed in the article. Based on comprehensive analysis of the existing definitions of educational migration the author's interpretation of this concept have been proposed. Based on the data of UNESCO, the Institute of international education of the United States, the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation the statistics of international educational migration has been presented and analyzed. The main emphasis has been made on such categories of international educational migrants as students (bachelors, masters), postgraduate students. The reasons for the popularity of foreign students in countries such as Canada and the United States have been described. Based on the study two groups of factors have been highlighted: external and internal (motivational) factors, influencing decision-making in choosing the country of study.

Based on the data of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the advantages of education in Russia have been analyzed. The issue of adaptation of foreign students in Russian universities has been considered: first-year curatorial programs, the Institute of student fellowships. It has been concluded that Russian universities have a wealth of experience in teaching and adaptation of foreign students.

The concepts and projects to attract foreign students to the Russian Federation also have been described in detail. Special attention to two projects “5–100” and “Export of Russian education” has been paid. The Federal Agency for the Commonwealth of Independent States Affairs, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo) as one of the main institutions in the export of Russian education has been designated. The measures to attract foreign students to Russian universities have been proposed.

Keywords: international educational migration, soft power, globalization, foreign students, higher education, foreign experience in attracting foreign students, advantages of studying in Russia, project 5-100, export of Russian education.

For citation: Suvorova V.A., Bronnikov I.A. International educational migration as a “soft power resource” in the globalization era (2019) *Upravlenie*, 7 (4), pp. 131–139. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-131-139



В XXI в. в условиях глобализации, международная миграция населения играет важную роль в развитии современного общества. По данным ООН в 2017 г. численность международных мигрантов, проживающих вне страны своей гражданской принадлежности, составляет 258 млн человек, тогда как в 2000 г. их количество было 173 млн человек. Доля международных студентов в структуре международных миграционных потоков составляет 4,8 млн человек.

Рассмотрим, что такое образовательная миграция. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации (далее – РФ) до 2025 г., образовательная (учебная) миграция определяется как миграция с целью получения или продолжения образования, то есть образовательная и учебная миграция в данном определении являются синонимами. Такие ученые, как Д. Массей, М. Регет, В. А. Ионцев, И. В. Ивахнюк рассматривают образовательную миграцию как разновидность интеллектуальной миграции [4; 5]. С. В. Рязанцев определяет образовательную миграцию как социальный тип, так как она не связана с материальной выгодой от перемещения, в отличие от экономической миграции [6].

По нашему мнению, образовательную миграцию следует рассматривать как перемещение мотивированных людей внутри страны и между странами с целью получения или продолжения образования различного уровня. Также в нашей статье мы рассматриваем образовательную миграцию как ресурс «мягкой силы» государства в рамках реализации государственной миграционной политики. Понятие

«мягкая сила» введено в оборот американским профессором Дж. Наем и обозначает использование нематериальных ресурсов культуры и идеологии для оказания влияния на другие страны и их население, без применения военных или силовых методов («убеждение, а не принуждение»). Одним из важнейших направлений политики «мягкой силы» является система образования [11].

В мире с ростом глобализации большое количество молодых людей учатся или хотят учиться за границей. По данным ЮНЕСКО в 2016 г. число иностранных студентов составило более 4,8 млн человек по сравнению с 2 млн в 2000 г. Более половины из них были зачислены в образовательные программы в шести странах: США, Великобритании, Австралии, Франции, Германии и РФ. Доля иностранных студентов во Франции в 2017 г. достигла уровня 8 %, в Германии – 6 %. Основными странами-донорами иностранных студентов является Китай, Индия, Южная Корея, Нигерия, Саудовская Аравия и несколько стран Центральной Азии.

Согласно данным Института международного образования США за 2018 г. РФ занимает 7 место в списке стран принимающих иностранных студентов [13].

В таблице 1 представлено распределение иностранных студентов по странам-реципиентам. Как следует из таблицы 1, наибольший рост численности иностранных студентов произошел в Канаде и составил 18,8 % в 2018 г. по сравнению с 2017 г. Причины такой популярности Канады следующие:

Таблица 1

Распределение иностранных студентов по странам-реципиентам 2017–2018 гг.

Table 1. Distribution of foreign students by recipient countries 2017-2018

Страна	2017 г.	2018 г.
США	1 078 822	1 094 792
Великобритания	501 045	506 480
Китай	442 773	489 200
Австралия	327 606	371 885
Франция	323 933	343 386
Канада	312 100	370 710
Россия	296 178	313 089
Германия	251 542	265 484
Япония	171 122	188 384
Испания	94 962	109 522
Нидерланды	68 475	76 462
Новая Зеландия	62 570	61 402
Швеция	35 100	35 862
Финляндия	31 120	30 807

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

- высокий уровень образования, многие канадские университеты входят в сотню самых престижных университетов мира;
- более низкая стоимость обучения, по сравнению с такими англоязычными странами как США, Англия и Австралия, при таком же или более высоком уровне образования;
- толерантное отношение к любым национальностям, безопасная обстановка;
- возможность получить рабочую визу супругу обучающегося в Канаде студента;
- параллельно с учебой иностранным студентам разрешается работать до 20 часов в неделю: либо в системе своего учебного заведения (on-campus work), либо в любом другом месте (off-campus work) — для чего нужно получать специальное разрешение (work permit);
- возможность получить рабочую визу после окончания учебы;
- возможность подавать заявление на статус постоянного жителя по окончании учебы.

Кроме того, программа международных стипендий, финансируемая правительством Канады в рамках программы «Глобальные дела Канады», также способствует продвижению усилий канадских учреждений по интернационализации, способствует повышению мобильности студентов.

Традиционно первое место по численности иностранных студентов занимает США, где иностранные студенты являются особым предметом иммиграционной политики. Согласно докладу The Open Doors Report за 2018 г., иностранные студенты составляют 5,5 % всех студентов США. Самыми востребованными у иностранных студентов являются технические специальности (21,3 %), бизнес и управление (17,9 %), математика и информатика (17 %). Основные причины популярности США следующие:

- престижность обучения в ведущих американских вузах;
 - возможность составления индивидуальной программы обучения;
 - учеба в первую очередь ориентирована на практику и дальнейшую карьеру;
 - академическая среда в США стимулирует в студентах индивидуальный рост, развитие лидерских качеств и навыки командной работы на результат;
 - государственные стипендиальные программы.
- Так, Стипендиальная программа правительства США Fulbright Foreign Student Program (программа для иностранных студентов Фулбрайт). Она предоставляет стипендии студентам, молодым профессионалам для обучения в США в течение года или более, по всем направлениям образовательных

программ, исключая медицину, а также для проведения исследований в США. Программа Фулбрайт действует в 160 странах мира. Примерно 4 000 иностранных студентов получают стипендию каждый год. Право на участие в программе и процедуры отбора различаются в зависимости от страны [10].

Студенческая виза США относится к классу неиммиграционных виз и выдается для академических целей. Студенческие визы выдаются сроком либо на один, либо на три года. Иностранные студенты в США имеют право осуществлять трудовую деятельность, но не более 20 часов в неделю. На первом году обучения иностранные студенты могут работать только в своем учебном заведении, на втором году обучения такие ограничения снимаются. Во время обучения в США к иностранному студенту могут присоединиться члены его семьи (супруг и несовершеннолетние дети). После завершения обучения иностранный студент должен либо покинуть США, либо подать заявку на изменение статуса. Максимальное пребывание в США по студенческой визе возможно в течение 8 лет.

Согласно статистическим данным количество иностранных студентов в России в 2018 г. увеличилось на 5,7 % по сравнению с 2017 г.

Общее число иностранных граждан, обучавшихся в вузах РФ в 2016/2017 учебном году, по сравнению с 2015/2016 г. увеличилось на 28,6 тыс. человек или на 14,2 %. Это произошло в основном за счет стран Азии (прежде всего Казахстана, Китая, Туркмении, Таджикистана, Узбекистана и Индии). Наиболее крупными контингентами иностранных учащихся дневных отделений в 2016/2017 г. являлись (как и в предыдущем году) представители Казахстана (39,7 тыс. чел.), на втором месте — КНР (26,8 тыс. чел.), на третьем — Туркмении (17,3 тыс. чел.) [3, с. 9].

Доля иностранных граждан, обучавшихся за счет российского бюджета, неуклонно увеличивавшаяся с начала 2000-х гг. (22,8 % — в 2003/2004 г., 29,5 % — в 2009/2010 г., 40,0 % — в 2015/2016 г.), впервые несколько снизилась (до 39,1 % в 2016/2017 г.). Приrost численности иностранных учащихся очной формы обучения достигнут преимущественно в вузах Министерства науки и высшего образования РФ (далее — Минобрнаука) — на 13,7 тыс. человек и вузах иной ведомственной принадлежности (прежде всего Министерства здравоохранения РФ) — на 14,6 тыс. человек, расположенных в трех федеральных округах, — Центральном (на 9,5 тыс. чел.), Приволжском (на 6,4 тыс. чел.) и Сибирском (на 4,3 тыс. чел.) [3, с. 9].

Самыми востребованными у иностранных граждан специализациями в 2016/2017 учебном году стали инженерно-технические (их выбрали в целом

50,7 тыс. чел. или 22,1 %) и медицина (45,8 тыс. чел. или 20,0 %), а также экономика и управление (30,2 тыс. чел. или 13,2 %). Наиболее заметно, по сравнению с предшествующим годом, увеличилось число изучавших медицину (на 8,5 тыс. чел.), инженерно-технические специальности (в целом на 4,9 тыс. чел., особенно металлургию, машиностроение и материалобработку — на 1,2 тыс. чел., а также энергетику, энергетическое машиностроение и электротехнику — на 1,1 тыс. чел.) и гуманитарные науки (на 3,7 тыс. чел.) [3, с. 11].

Российские вузы-лидеры по численности иностранных обучающихся в 2016/2017 учебном году представлены в таблице 2.

При выборе страны обучения на иностранных студентов оказывает влияние две группы факторов: внешние и внутренние (мотивационные). К внутренним (мотивационным) факторам можно отнести желание получить качественное образование, диплом, востребованный на международном рынке труда, стремление улучшить языковую подготовку.

К внешним факторам можно отнести:

- академическую репутацию университета, в формировании мнения потенциальных студентов играют международные оценки качества или международные рейтинги университетов;
- гибкость образовательных программ, предлагаемых на мировом рынке образовательных услуг;
- финансовые условия (стоимость обучения и проживания);
- миграционная политика в отношении иностранных студентов;
- профессиональные перспективы выпускников на рынке труда (возможность устройства в стране после окончания обучения).

На сайте Минобрнауки отмечены следующие преимущества обучения в России.

1. Фундаментальный характер Российского образования. Россия известна своими сильными научными школами в области естественных наук и физико-математических.

2. Богатый выбор университетов и образовательных программ. 766 университетов в 82 регионах, 205 направлений подготовки, 657 специальностей по программам бакалавриата, магистратуры, аспирантуры. Кроме того, российские вузы предлагают довузовские подготовительные программы, краткие программы (летний университет, летние школы), программы изучения русского языка как иностранного и др. Так, в ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (далее — РУДН) реализуется программа летней школы «Давайте говорить по-русски». Программа рассчитана на слушателей, желающих повысить уровень русского языка в короткий срок. Особое внимание во время обучения уделяется разговорной практике.

3. Соотношение цены и качества обучения. Обучение на контрактной основе в российских вузах дешевле, чем за рубежом. В 2019 г. стоимость обучения в России на очных программах бакалавриата начиналась от 83 тыс. рублей в год в зависимости от специальности. Максимальный показатель в престижных вузах страны доходил до 586 000 рублей в год.

4. Возможность обучения на бюджетной основе. Правительство РФ ежегодно выделяет несколько тысяч бюджетных мест для иностранных студентов. Так в 2019 г. было выделено 15 000 мест. Также необходимо отметить такую категорию иностранных студентов, как соотечественники, которые могут поступать на бюджетные места вне квот наравне

Таблица 2

Динамика контингента иностранных обучающихся в российских вузах в 2014–2017 гг. (человек)

Table 2. Dynamics of the contingent of foreign students in Russian universities in 2014–2017 (people)

Наименование вуза	2014–2015 гг.	2015–2016 гг.	2016–2017 гг.
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»	7 927	8 246	9 580
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»	4 399	5 230	5 438
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»	3 612	4 507	5 161
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»	1 892	3 284	4 421
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»	3 090	3 241	4 278
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»	2 711	2 303	3 259
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	1 633	1 830	2 871
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»	1 982	2 774	2 820
ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет»	2 286	2 574	2 783
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»	3 203	3 260	2 592

Составлено авторами по данным исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

с гражданами РФ. Еще одна категория иностранных студентов — победители и призеры университетских олимпиад, которым предоставляются льготы при поступлении в ведущие вузы России.

5. Возможность обучения на английском языке. Так, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» (далее — МГУ им. М. В. Ломоносова) реализуется ряд магистерских программ на английском языке («Международная экономика и финансы»; «Математика» — программа реализуется совместно с Приморским университетом в филиале МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Копере (Словения); «Государственная политика в постсоветских странах»; «Глобальный порядок: трансформации и вызовы»).

6. Возможность получения двойных дипломов. В 2003 г. РФ подписала Болонскую декларацию, взяв на себя ряд обязательств в рамках создания общего образовательного пространства стран-участниц. Дипломы российских вузов признаются во многих странах мира. Особую роль играют межправительственные соглашения, которые заключены более с 60 странами. Российские вузы совместно с зарубежными университетами реализуют различные образовательные программы и выдают двойные дипломы [12].

Так, РУДН в рамках программы повышения конкурентоспособности РУДН «5–100» осуществляет совместные образовательные программы с 26 вузами, среди них: Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (Казахстан), Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова (Казахстан), Ереванский государственный университет (Армения), Ереванский государственный университет языков и социальных наук имени В. Я. Брюсова (Армения), Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Казахстан), Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына (Кыргызстан), Российско-Таджикский славянский университет (Таджикистан), Славянский университет (Молдова) и др. МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках программ включенного обучения ежегодно направляет 500 студентов за рубеж. Такое же количество студентов МГУ им. М. В. Ломоносова ежегодно принимает из вузов-партнеров: Университета Гумбольдта, Университета Париж-Сорбонна, Пекинского университета, Университета Ла Сапиенца, Университета Барселоны, Университета Хельсинки, Венского университета, Университета Токай, Стокгольмского университета и других зарубежных университетов.

7. Благоприятные условия для адаптации иностранных студентов. Российская Федерация является многонациональной страной, поэтому адаптация

и иностранных студентов может проходить достаточно легко. Кроме того, российские вузы имеют богатый опыт обучения и адаптации иностранных студентов: программы кураторства первокурсников, развит институт студенческих землячеств.

Так, в МГУ им. М. В. Ломоносова на основе основных образовательных программ разработаны и утверждены специальные образовательные программы для иностранных граждан в рамках соответствующих направлений подготовки с выделением аудиторных часов на формирование коммуникативной и языковой компетенции для получения высшего образования на русском языке (языковое сопровождение). В общей сложности в бакалавриате выделено 548 часов, а в магистратуре 136 часов на дисциплину русский язык как иностранный. Кроме того, иностранные студенты активно вовлекаются в общеуниверситетскую жизнь через языковые клубы, страновые сообщества, дни национальных культур и др. В ФГБОУ ВО «Псковском государственном университете» создано подготовительное отделение, реализующее две дополнительные образовательные программы: предвузовская подготовка иностранных граждан к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке и подготовительные курсы для иностранных граждан (предвузовское обучение). Цель таких программ — дать знания, необходимые для дальнейшего освоения иностранными гражданами профессиональных образовательных программ на русском языке и адаптация к новой социально-культурной среде.

Некоторые университеты разработали собственный подход к адаптации иностранных студентов. Например, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (далее — НГУ) с 2013 г. реализует специальную программу «Организованной адаптации», помогающей студентам, аспирантам успешно преодолеть «культурный шок». В течение учебного года основная задача программы организованной адаптации состоит в том, чтобы дать иностранцам НГУ системные знания о тех особенностях русской культуры, которые им нужны в первую очередь. Для новых иностранных студентов НГУ проводят программу первичной адаптации Orientation Session по аналогии с подобными программами в зарубежных вузах (Orientation Week, Welcome Week, Welcome Days). Цель этой программы, состоящей из нескольких мероприятий, — максимально подготовить новичков к жизни и учебе в России. Также организована работа специальных консультантов — International Student Advisers, которые помогают решать вопросы академического, социального, культурного и личного характера.

В ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (далее — МГИМО) реализуется проект — «Интеграционная неделя для иностранных студентов». Проект включает ряд мероприятий, призванных помочь иностранным студентам, начинающим обучение в МГИМО, как можно скорее влиться в студенческую жизнь университета и разнообразить учебу яркими и познавательными событиями. Во время проекта интеграционных недель студенты проходят первый этап адаптации, получают основы русского языка, готовятся к дальнейшему усвоению знаний в будущем семестре.

Рассмотрим, какие меры предпринимает Россия для привлечения иностранных студентов. На данный момент разработана национальная стратегия по привлечению иностранных обучающихся, которая нашла отражение в ряде нормативно-правовых документах, концепциях и проектах.

В Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 г. в качестве основных направлений в области содействия свободному перемещению обучающихся, научных и педагогических работников выделены следующие.

«1. Повышение доступности образовательных услуг для иностранных граждан, включая совершенствование правил въезда в Российскую Федерацию и пребывания на ее территории иностранных граждан, в целях обучения в российских образовательных организациях.

2. Обеспечение открытости Российской Федерации для обучающихся, научных и педагогических работников, в том числе создание для них комфортного режима въезда в Российскую Федерацию, пребывания, получения образования и осуществления профессиональной деятельности на ее территории.

3. Расширение возможностей для приглашения преподавателей из иностранных образовательных организаций в целях обучения российских граждан.

4. Совершенствование механизмов отбора талантливой иностранной молодежи для поступления в российские образовательные организации в пределах выделяемых квот» [2].

В 2014 г. принята «Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом», утвержденная Министерством иностранных дел. В этой концепции определены несколько целей, в том числе:

«1. Определение системы эффективных мер по продвижению российского высшего образования с использованием потенциала представительств Россотрудничества за рубежом с учетом внешнеполитических

интересов России и в целях обеспечения формирования эффективных инструментов российской «мягкой силы» на этом направлении международного гуманитарного сотрудничества.

2. Придание дополнительного импульса развитию всесторонних взаимовыгодных связей с иностранными образовательными организациями в различных странах мира в целях содействия дальнейшему укреплению престижа Российской Федерации на международной арене.

3. Содействие в создании условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации иностранных граждан, обучающихся в России, их приобщения к культуре народов России» [1].

С 2013 г. реализуется проект «5–100» повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров. В проекте обозначены несколько приоритетных задач, в том числе интернационализация всех областей деятельности, развитие инфраструктуры для привлечения лучших ученых, преподавателей, управленцев и студентов. Итогом данного проекта должно стать появление в России к 2020 г. группы современных университетов-лидеров с эффективной структурой управления и международной академической репутацией, способных соответствовать мировым тенденциям развития и мобильно реагировать на глобальные изменения [7].

С 2017 г. реализуется приоритетный проект «Экспорт российского образования». Цель проекта — повысить конкурентоспособность и привлекательность российского образования на международном уровне, в том числе увеличить количество иностранных студентов в три раза к 2025 г. [6]. Для повышения привлекательности образовательных программ предполагается разработать целевую модель деятельности вуза по экспорту образования, создавая международные службы для поддержки иностранных студентов. Объемы средств, полученных от экспорта российского образования, должны вырасти более чем в пять раз, до более чем 373 млрд рублей в 2025 г. [8].

По данным РБК Правительство 39 вузов для экспорта образования, которые первые начали реализацию проекта [9]. В список вошли такие вузы, как: ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской

Федерации», ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» и др. [9].

В экспорте российского образования принимают участие различные государственные институты, в том числе Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (далее — Россотрудничество). Россотрудничество создано в 2008 г. Ежегодно Россотрудничество реализует различные проекты и программы, в том числе активно участвует в отборе студентов в российские вузы. С 2011 г. является государственным заказчиком-координатором программы «Новое поколение» — краткосрочных ознакомительных поездок в РФ молодых представителей политических, общественных, научных и деловых кругов иностранных государств. Основные цели и задачи программы развитие связей между Россией и другими государствами, привлечение участия конструктивно настроенных по отношению к России, молодых иностранных граждан в укреплении партнерских отношений между РФ и другими государствами.

Учитывая все вышеизложенное можно сделать вывод, что Россия, наконец, стала уделять пристальное внимание образовательной миграции, разработана национальная стратегия по привлечению иностранных студентов, разработаны и реализуются различные проекты в данной области, однако конкуренция между странами за иностранных обучающихся усиливается, поэтому РФ необходимо разработать действенные механизмы по привлечению иностранных студентов. Образовательная миграция на данный момент рассматривается странами-реципиентами как наиболее желательная среди других видов миграции, так как имеет ряд положительных последствий. Во-первых, это увеличение численности трудоспособного населения на рынке труда страны-реципиента, иностранные выпускники вузов являются «потенциальным ресурсом» пополнения человеческого капитала для экономики стран. Важным элементом является финансовая сторона, система образования получает неплохие доходы от оплаты обучения иностранными студентами. Во-вторых, это развитие системы национального образования и культурный обмен между странами. В-третьих, это обучение иностранных студентов, которое рассматривается как эффективный путь влияния на формирование политической элиты в странах-донорах, то есть как ресурс «мягкой силы».

В связи с этим, с точки зрения авторов, необходимо предпринять следующие меры для привлечения большего количества иностранных обучающихся:

- разработать подготовительные программы для поступления в российские вузы в дистанционной форме;
- создать центры поддержки иностранных студентов, привлекая в эти центры выпускников;
- увеличить привлекательность образовательных программ, в том числе разработать программы на нескольких языках;
- расширить перечень дополнительных образовательных программ для иностранных обучающихся;
- создавать посредством международных соглашений совместные научные лаборатории;
- продвигать имидж российского образования;
- создать сайт и аккаунты в социальных сетях университета, что является определенным образом его визитной карточкой, главным источником информации для иностранных обучающихся. К сожалению, сайты российских вузов не всегда информативны для иностранца, например, не у всех есть веб-страница, посвященная адаптации и интеграции иностранных студентов в академическую жизнь. Поэтому при разработке сайтов или их редактированию необходимо учитывать эти моменты.
- сдерживающим фактором роста численности иностранных студентов является нехватка мест в студенческих общежитиях, а для успешной адаптации к новым условиям необходимы комфортные условия. В связи с этим необходимо организовать строительство и развивать существующие кампусы.
- специальные стипендиальные программы для иностранных обучающихся являются важным мотивирующим фактором.
- выпускники вуза являются также важным механизмом в привлечении иностранных студентов. Такой механизм хорошо проработан в странах-экспортерах, кроме того выпускники могут выступать в качестве международных послов своего университета. В России, к сожалению, этому уделяется недостаточно внимания.
- в качестве дополнительного элемента коммуникационной политики университета могут выступать социальные сети;
- внести изменения в миграционное законодательство в части рассмотрения возможности пребывания иностранного студента вместе с членами семьи, как это практикуется за рубежом.

Таким образом, образовательная миграция выделяется в отдельную категорию международной миграции, для которой характерно динамичное развитие. Проведенный анализ, показал, что образовательная миграция имеет важное значение

как для зарубежных стран, так и для России. В связи с этим, Российской Федерации необходимо совершенствовать существующие механизмы привлечения

образовательных мигрантов и создавать новые, которые бы их мотивировали выбирать в качестве страны обучения Россию.

Библиографический список

1. Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом» (утв. МИД России 27.03.2014) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения: 01.09.2019).
2. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения: 01.09.2019).
3. Арефьев, А. Л. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации. Статистический сборник. Выпуск 15 / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2018. С. 9.
4. Ионцев, В. А., Алешковкий, И. А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // Век глобализации, 2008, № 2. С. 77–87.
5. Ивахнюк, И. В. Международная трудовая миграция. Москва, 2005. С. 145.
6. Рязанцев, С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии. М., 2008. С. 28.
7. Проект 5–100 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.5top100.ru/about/more-about/> (дата обращения: 01.09.2019).
8. Проект «Экспорт российского образования» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://government.ru/info/27864/> (дата обращения 01.09.2019).
9. РБК [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/06/09/2017/59ae72459a7947706460c636> (дата обращения: 01.09.2019).
10. Fulbright Foreign Student Program [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://foreign.fulbrightonline.org/about/foreign-fulbright> (дата обращения: 01.09.2019).
11. Nye, J. Soft Power: The means to success in world politics. New York, Public Affairs Group, 2004. 192 p.
12. Study in Russia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://studyinrussia.ru/> (дата обращения: 01.09.2019).
13. Project Atlas [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.iie.org/Research-and-Insights/Project-Atlas/Explore-Data/Current-Infographics> (дата обращения: 01.09.2019).

References

1. Konceptsiya prodvizheniya rossiiskogo obrazovaniya na baze predstavitel'stv Rossotrudnichestva za rubezhom» (utv. MID Rossii 27.03.2014) [*The concept of promoting Russian education on the basis of Rossotrudnichestvo representative offices abroad (approved by the Russian Ministry of Foreign Affairs on March 27, 2014)*], SPS «KonsultantPlyus» [Legal reference system «Consultant Plus»]. Available at: <http://www.consultant.ru/document/cons> (accessed: 01.09.2019).
2. Ukaz Prezidenta RF ot 31.10.2018 № 622 «O Kontseptsii gosudarstvennoi migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii na 2019–2025 gody» [*Decree of the President of the Russian Federation dated on October 31, 2018 No. 622 “On the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025”*], SPS «KonsultantPlyus» [Legal reference system «Consultant Plus»]. Available at: <http://www.consultant.ru/document/cons> (accessed 01.09.2019).
3. Aref'ev A. L. Obuchenie inostrannykh grazhdan v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Rossiiskoi Federatsii. Statisticheskii sbornik. Vypusk 15 [*Education of foreign citizens in higher educational institutions of the Russian Federation Statistical Digest. Issue 15*], Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii [Ministry of Education and Science of the Russian Federation], Moscow, Tsentr Sotsiologicheskikh Issledovaniy, 2018, 9 p.
4. Iontsev V. A., Aleshkovkii I. A. Tendentsii mezhdunarodnoi migratsii v globaliziruyushchemsya mire [*Trends in international migration in a globalizing world*], Vek globalizatsii [*Age of Globalization*], 2008, no. 2, pp. 77–87.
5. Ivakhnyuk I. V. Mezhdunarodnaya trudovaya migratsiya [*International labor migration*], Moscow, 2005, 145 p.
6. Ryazantsev S. V. Trudovaya migratsiya v stranakh SNG i Baltii [*Labor migration in the CIS and Baltic countries*], Moscow, 2008, 28 p.
7. Proekt 5–100 [*Project 5–100*]. Available at: <https://www.5top100.ru/about/more-about/> (accessed 09.01.2019).
8. Proekt “Eksport rossiiskogo obrazovaniya” [*The project “Export of Russian education”*]. Available at: <http://government.ru/info/27864/> (accessed 01.09.2019).
9. RBK. Available at: <https://www.rbc.ru/society/06/09/2017/59ae72459a7947706460c636> (accessed 01.09.2019).
10. Fulbright Foreign Student Program. Available at: <https://foreign.fulbrightonline.org/about/foreign-fulbright> (accessed 01.09.2019).
11. Nye J. Soft power: The means to success in world politics, New York: Public Affairs Group, 2004, 192 p.
12. Study in Russia. Available at: <https://studyinrussia.ru/> (accessed 01.09.2019).
13. Project Atlas. Available at: <https://www.iie.org/Research-and-Insights/Project-Atlas/Explore-Data/Current-Infographics> (accessed 01.09.2019).

Миграционная преступность в современном мегаполисе: управление рисками

Юдина Татьяна Николаевна¹, Бормотова Татьяна Михайловна²

¹д-р социол. наук, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-7785-8601, e-mail: judinatn@rgsu.net

²д-р социол. наук, ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-5739-7369, e-mail: tbormotova.68@mail.ru

Аннотация

Существование взаимосвязи между миграцией и преступностью — одна из острых тем, поднимающихся при обсуждении миграционных процессов. Авторы предлагают рассматривать миграционную преступность как массовое социально-правовое, общественно опасное явление, состоящее из совокупности преступлений, совершаемых мигрантами в различных сферах жизнедеятельности региона, обеспечения личной и общественной безопасности его населения, общественного порядка. Присутствие рисков миграционной преступности в современном российском мегаполисе, а также их восприятие и оценка представителями общества лежат в основе появления социальной напряженности и могут повышать уровень конфликтности между местным населением и приезжими. Определенные причины и условия конкретной преступной деятельности, закладываясь на социальные, экономические факторы миграции, оказывают криминогенное влияние на мигрантов. Под риском миграционной преступности авторы предлагают различать меру возможной опасности, вызванной миграционными процессами, влияющими непосредственно на стабильность и криминогенное благополучие, проживающих на определенной территории людей.

Также в статье представлены основные результаты авторского социологического исследования рисков миграционной преступности, которые базируются на изучении субъективных оценок жителей московского мегаполиса и экспертов, представляющих 4 группы экспертов: руководителей департаментов правительства Москвы, представителей общественных организаций, правоохранительных органов и средств массовой информации. В ходе исследования выявлены и описаны риски миграционной преступности. Проведенный анализ позволил сформулировать основные предложения по минимизации рисков миграционной преступности. Данные предложения требуют особого внимания и дальнейшей научной рефлексии при дальнейшем совершенствовании миграционной политики Москвы.

Ключевые слова: миграционная преступность, риски криминогенности миграционных процессов, управление рисками, криминогенная обстановка, современный мегаполис, миграционная политика.

Цитирование: Юдина Т.Н., Бормотова Т.М. Миграционная преступность в современном мегаполисе: управление рисками // Управление. 2019. № 4. С. 140–148.

Благодарности. Исследование проведено в период с 05.11.2018 по 05.12.2018 на территории Москвы по теме «Риски миграционной преступности в современном мегаполисе». ВТК: д-р социол. наук, профессор Юдина Т.Н. (руковод.), члены ВТК: д-р социол. наук Т.М. Бормотова, А.И. Абрамов

© Юдина Т.Н., Бормотова Т.М., 2019. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)



Migration criminality in the modern megapolis: risk management

Yudina Tatyana¹, Bormotova Tatyana²

¹Doctor of Sociological Sciences, Russian State Social University, Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0001-7785-8601, e-mail: judinatn@rgsu.net

²Doctor of Sociological Sciences, Russian Research Institute of Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: 0000-0001-5739-7369, e-mail: tbormotova.68@mail.ru

Abstract

The existence interrelationship between migration and criminality is one of the controversial issues, rising in the discussion of migration processes. The authors propose to consider immigration criminality as a mass social, legal, socially dangerous phenomenon, consisting of the totality of crimes, committed by migrants in various spheres of life of the region, ensure personal and public safety of its population, public order. The risks of migration criminality in the modern Russian metropolis, as well as their perception and evaluation of representatives of society are the basis of appearance of social tension and can increase the level of conflict between local people and newcomers. Certain causes and conditions specific criminal activities, laying on the social, economic factors of migration exert a criminogenic influence on migrants. At the risk of the migration criminality the authors in their study propose to distinguish the extent possible danger caused by migration processes, directly affecting the stability and well-being crime, living in a certain area of people.

The article also presents the main results of author's sociological research of the risks of migration criminality, which are based on studies of subjective evaluations of residents of the Moscow megapolis and experts, representing 4 groups of experts: heads of departments of the Moscow government, representatives of public organizations, law enforcement agencies and the media. The risks of migration criminality have identified and described in the study. The performed analysis has allowed us to formulate the basic suggestions for minimizing the risks of migration criminality. These proposals require special attention and further scientific reflection with further improvement of the migration policy of Moscow.

Keywords: migration criminality, risks of criminogenicity of migration processes, risk management, criminal situation, modern megacity, migration policy.

For citation: Yudina T.N., Bormotova T.M. Migration criminality in the modern megacity: risk management (2019) *Upravlenie*, 7(4), pp. 140–148. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-140-148

Acknowledgments. The study was conducted from 05.11.2018 to 05.12.2018 in Moscow on the topic "Risks of migration crime in the modern metropolis". VTK: Dr. Sociol. Sciences, Professor Yudina T.N. (superv.), members of the VTK: Dr. sociol. Sciences Bormotova T.M., Abramov A.I.



Существование взаимосвязи между миграцией и преступностью — одна из острых тем, поднимающаяся при обсуждении миграционных процессов. Многие исследователи неоднократно анализировали данную проблему, что дало нам основание сделать вывод: миграция влияет на показатели преступности, следовательно, «воздействуя на ее причины и условия, можно оказывать влияние и на криминогенную обстановку» [7; 8; 15; 28; 31, с. 57]. Однако, как справедливо отмечает К. В. Дядюн, «зачастую причины и условия, побудившие лицо к перемене места жительства, трансформируются в причины и условия, толкающие к совершению преступлений конкретной направленности. И наоборот, определенные причины и условия конкретной преступной деятельности, закладываясь на социальные, экономические факторы миграции, оказывают криминогенное влияние на мигрантов» [6, с. 110].

В исследовании, по результатам которого написана настоящая статья, мы исходили из подхода, предложенного П. А. Насуровым, определяющим миграционную преступность как «преступные деяния, совершаемые мигрантами (группой мигрантов или этнической группой) на территории стран-реципиентов или на межгосударственном (транснациональном) уровне, а также совершенные в отношении мигрантов (законных и незаконных) общественно опасные деяния на территории принимающих государств или стран транзита» [11, с. 21; 13]. Поэтому рассматриваем миграционную преступность как массовое социально-правовое, общественно опасное явление, состоящее из совокупности преступлений, совершаемых мигрантами в различных сферах жизнедеятельности региона, обеспечения личной и общественной безопасности его населения, общественного порядка.

Под риском миграционной преступности мы понимаем меру возможной опасности, вызванной миграционными процессами, влияющими непосредственно на стабильность и криминогенное благополучие проживающих на определенной территории людей. Наш подход к рассмотрению риска миграционной преступности базируется на социологической теории риска, предложенной Н. Луманом, У. Бекон, Э. Гидденсом [28; 29; 30]. При этом мы также используем идею «социальной рефлексивности», которую У. Бек связывает с возможностью снижения риска и предупреждения негативных последствий [1, с. 40].

Мы также учитывали мнение исследователей из Санкт-Петербурга, что в период глобализации «сложные системы становятся более открытыми для рисков, а риски — разнообразнее, в результате чего

ни одному обществу не удастся избежать новых экономических и социальных вызовов» [15, с. 111]. Для мегаполиса, принимающего мигрантов, социальный риск существует хотя бы как риск для выхода социальной системы из прежнего состояния. Заметим, что выход системы из своего прежнего состояния не всегда имеет только негативные последствия. Важно выявить и нейтрализовать те риски, которые могут привести к социальному конфликту. Социальная ситуация, воспринимаемая в обществе как риск, способна повысить в нем социальную напряженность, независимо от того, являются риски объективно существующими угрозами стабильности общества и благополучия его субъектов или воспринимаются населением таковыми в силу культурных и социальных стереотипов [15, с. 120].

Для исследования нами выбран один из главных российских городов — Москва, как наиболее притягательный для мигрантов мегаполис. Население Москвы продолжает активно расти: каждое десятилетие его численность увеличивалась в среднем на 1 млн человек в течение 100 последних лет. И конечно такой быстрый рост численности столицы связан в первую очередь с миграцией, что в свою очередь накладывает отпечаток на криминологическую характеристику города. Как отмечают И. Ю. Гоцуляк и П. Н. Кобец, эта проблема связана с повышенной мобильностью населения и имеет как минимум три аспекта.

1. Это внутригородские передвижения населения, напрямую связанные с мобильностью преступности и криминогенным взаимовлиянием различных районов города.

2. Для Москвы характерна постоянная маятниковая миграция, связанная с постоянным притоком трудоспособного населения из ближайшего пригорода. На работу в Москву ежедневно из ближнего Подмосковья выезжает более трети трудоспособного населения. Это не может не влиять на криминальную обстановку в столице. Третий. В Москву приезжают люди из других регионов страны, так как она всегда притягательна как политический, культурный, экономический, транспортный центр (туристы, транзитные пассажиры, лица без определенного места жительства и т. д.) [3]. Считаем, что к этим положениям необходимо добавить четвертый аспект: большой приток мигрантов из других стран. Ежегодно в Москву прибывает порядка 500 тыс. иностранных граждан, что составляет чуть более 2 % всего миграционного потока, направленного в Российскую Федерацию (далее — РФ) [23]. На середину 2019 г. в Москве находилось более 1 млн иностранцев, 70 % из которых прибыли в российскую

столицу для работы [23]. По мнению, статс-секретаря-заместителя Министра внутренних дел И. Н. Зубова «...в Москве влияние мигрантов на криминогенную ситуацию значительно выше, чем по России» [24]. Данную тенденцию подтвердил и секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев, отметив, что «тенденция увеличения числа преступлений, совершенных иностранными гражданами, отмечается в Воронежской, Ивановской, Калужской, Московской, Орловской, Рязанской и Смоленской областях, а также в Москве» [15].

Согласно официальной статистики Министерства внутренних дел РФ за 2017 г., в Москву приехали 3,5 млн человек без учета нелегальных мигрантов [26]. По данным Генеральной прокуратуры Москвы, в 2017 г. всего на территории столицы было зарегистрированной более 140 тыс. преступлений [22]. Из них почти четверть (около 20 %) совершили граждане других государств или лица без гражданства [20]. По данным правительства Москвы на начало 2019 г. преступность среди мигрантов на треть снизилась [19].

Эмпирическую базу исследования составляют результаты анкетного опроса, проведенного в московском мегаполисе по изучению мнения его жителей о риске миграционной преступности и мнение экспертов о причинах возникновения рисков миграционной преступности в Москве. В ходе анкетного опроса по квотной выборке было опрошено 300 жителей 11 административных округов города Москвы в возрасте от 18 лет. Для опроса экспертов использовался стандартизированный бланк интервью. Было опрошено 4 группы экспертов: руководители департаментов правительства Москвы, представители общественных организаций, правоохранительных органов и средств массовой информации. Московский мегаполис был выбран как наиболее притягательный для мигрантов город, в котором сосуществует — хотя и не всегда взаимодействует — множество различных субкультур: языковых, религиозных, этнокультурных, конфессиональных, профессиональных, жизненно-стилевых и многих других.

По итогам проведенных исследований выделены основные риски миграционной преступности, которые, могут, по мнению москвичей и экспертов, усиливать социальную напряженность в городе и негативно влиять на общественную безопасность в мегаполисе.

Основными рисками миграционной преступности респонденты назвали конфликты на разной почве между коренным населением и мигрантами. Преобладающим, по мнению 36 % опрошенных

москвичей, в результате миграционной преступности возникает риск увеличения межнациональных конфликтов; 26 % респондентов полагает, что миграционная преступность ведет к риску снижения поддержки государственной миграционной политики со стороны гражданского населения; 14 % отметили риск увеличения организованных преступных группировок по национальному признаку; 11 % назвали риск ущемление интересов российских граждан; 8 % считают, что появляется риск роста наркотизации среди российского населения. К рискам, которые максимально негативно влияют на общественную безопасность в Москве респонденты отнесли: рост преступности (51 %) и массовые беспорядки (35 %). На вопрос анкеты: «Может ли миграционная преступность представить угрозу нарушения российского образа жизни?» 87 % респондентов считает, что миграционная преступность несет в себе такую угрозу.

Объектом протеста респондентов является также коррупционная администрация, покрывающая преступную этническую среду; 93 % опрошенных считает возможным наступления риска коррупции и криминализации экономических отношений из-за роста миграционной преступности. Факт установления тесных связей между, с одной стороны, организованными этническими преступными группировками, с другой, российскими правоохранительными органами и властными структурами, отмечается и другими исследователями [7; 9].

Москвичи все чаще видят в миграции угрозу не только своим рабочим местам, но и своей безопасности. Кроме этого, 72 % респондентов считает, что существует риск роста миграционной преступности на бытовой почве из-за увеличения количества мигрантов. При этом только 12 % респондентов считают, что существует риск появления террористических атак из-за роста миграционной преступности.

Анализ открытых вопросов респондентов показал, что по мнению 36 % ответивших, в результате миграционной преступности возникает риск увеличения межнациональных конфликтов; 26 % полагает, что, существует риск снижения поддержки государственной миграционной политики со стороны гражданского населения; 14 % отметили риск увеличения ОПГ по национальному признаку; 11 % назвали риск ущемление интересов российских граждан; 8 % считают, что появляется риск роста наркотизации среди российского населения; на риск ухудшения криминогенной обстановки в целом указали 2 % респондентов.

В настоящее время проблема рисков миграционной преступности в мегаполисе, по мнению практически

всех экспертов, существует. Но при этом 12 из 20 экспертов полагают, что это не является основным вопросом для жителей города. Подавляющее число экспертов (19 из 20) считают, что москвичи наиболее часто сталкиваются с проблемой рисков миграционной преступности в быту (на улице, во дворе, в транспорте, в местах отдыха). Три четверти опрошенных экспертов утверждают, что новый приток мигрантов может увеличить риски миграционной преступности в Москве. Все эксперты, высказали мнение, что появление рисков миграционной преступности связано в первую очередь именно с молодежью (от 18 до 35 лет). Большинство экспертов считают, на возникновение рисков в меньшей степени влияют: разница в культурах местного и приезжего населения; отношения людей, исповедующих разные религии. Риск миграционной преступности по отношению к людям других религий и других национальностей экспертами отрицается. Эксперты, как и простые москвичи считают, что риск террористических актов в Москве низок [18].

Наибольшую ответственность в урегулировании проблем снижения рисков миграционной преступности, по мнению экспертов, должны нести федеральные власти. Это эксперты связывают, в первую очередь, с неэффективностью миграционной политики. Такого мнения придерживается 2/3 из опрошенных экспертов. Они также считают, что меры органов, контролирующих общественную безопасность для профилактики и пресечения рисков миграционной преступности, недостаточны. Заметим, что проблема неэффективности миграционной политики характерна и для другого российского мегаполиса — Санкт-Петербурга. По итогам опроса экспертов в области миграции, выявлено что «формирование ясной миграционной политики в Санкт-Петербурге является отправной точкой для начала работы по информированию населения, для стабилизации отношений между принимающим сообществом и прибывающими иностранными гражданами. Особое внимание, считают эксперты, следует уделить работе с молодежью, так как чаще всего конфликты случаются именно между молодыми представителями разных культур» [2, с. 119].

Данные нашего исследования и коллег из С-Петербурга подтверждают идею Н. Лумана о «рисках власти», так как власть очень часто при принятии управленческих решений опирается на недостоверную информацию [30]. Как отмечает В. В. Шарин: «существование волн дезинформации на всех уровнях общества, включая и тот, на котором принимаются ответственные управленческие решения, позволяет выдавать желаемое за действительное, что влечет за собой шлейф ошибок в управлении. Это

усиливает дезориентационные процессы в обществе, ведет к хроническому злоупотреблению властью. К рискам власти можно отнести непродуманные решения органов власти или их неадекватные действия при реализации тех или иных социально-экономических нововведений» [21, с. 118–123].

В проблематике научных публикаций по проблемам управления рисками миграционной преступности можно выделить несколько направлений. Во-первых, сама миграция (в первую очередь международная) рассматривается как риск, и предлагаются меры и способы управления миграционными рисками.

Н. Д. Кочеткова утверждает, что в «условиях складывающейся общей геополитической ситуации в мире эскалация напряженности в отдельных регионах мира и степень интенсивности военных действий в зоне конфликтов практически незамедлительно провоцируют очередную волну миграции, тем самым существенно повышая внешние и внутренние миграционные риски для нашей страны» и предлагает конкретные меры по поддержанию миграционной стабильности, снижения возможных рисков неблагоприятного влияния миграции на криминогенную обстановку, которые могли быть использованы исполнительными органами государственной власти [8, с. 23–28].

О необходимости поиска по применению новых, более эффективных технологий управления миграционными процессами и связанных с ними рисков, говорят и другие исследователи. Ю. А. Дроздова предлагает понимать «под миграционными рисками меру неопределенности, опасности, которые нуждаются в выявлении и минимизировании» [5]. Также этот автор предпринял попытку разработать механизмы управления миграционными рисками, которые можно использовать для регулирования миграционных процессов в России и мире.

Представляет несомненный интерес и работа Н. А. Лопашенко, в которой детально раскрыты «криминогенные свойства миграции: преступность мигрантов и в отношении мигрантов», а также предлагает авторскую шкалу «рисков криминогенности миграционных процессов» [10, с. 16–18]. Разработанная этим автором шкала имеет разные показатели, «в зависимости от того, совершаются ли преступления в отношении мигрантов или мигрантами, а также в зависимости от того, является ли миграция законной (легальной) или же имеет место миграция нелегальная/незаконная» [10, с. 16–18].

Интересна работа О. И. Бородкиной, Н. В. Соколова, А. В. Тавровского по разработке социологической теории миграционных рисков. По мнению

исследователей, предложенный ими подход дает возможность учитывать социальные риски для всех участников миграционного процесса, то есть принимающих стран, стран исхода и самих мигрантов. Авторы, отталкиваясь от измерений социальной интеграции, предложенных в модели Х. Эссера и Ф. Хекманна, выделили группы рисков для участников миграционного процесса, которые могут проявляться на микро-, мезо- и макроуровне социальной реальности. Первая группа рисков — те, которым подвергаются сами мигранты; вторая группа рисков касается обществ-доноров; третья касается принимающего общества. Риск принимающего общества исследователи связывают с «развитием новых форм социального неравенства, появлением нового низшего класса в лице низкоквалифицированных работников-мигрантов, обладающих ограниченным набором трудовых и социальных прав, и недокументированных мигрантов, лишенных большинства прав», что в свою очередь приводит к «развитию этнической стратификации, этнизации социальных проблем и усилению правых антимигрантских позиций как в повестке политических партий, так и со стороны антимигрантских общественных движений» [2, с. 123, с. 131]. В. В. Романенко и О. И. Бородкина также предлагают выделять следующие риски: риски безопасности; риски распространения инфекций и антисанитарии; экономические риски и культурологические риски [25].

Большое внимание зарубежные и российские исследователи уделяют взаимосвязи миграции и преступности, рассматривая преступность как один из основных рисков миграционных процессов. В работе авторов данной статьи «Миграция и преступность в Москве: реальность и представления» подробно проанализированы причины миграционной преступности в работах зарубежных исследователей [29]. Поэтому обратимся к мнению российских. Так, К. В. Дядюн, исследуя особенности определенного типа миграции, подчеркивает целесообразность применения конкретных мер противодействия преступности мигрантов. Это, по ее мнению, обусловлено тем, что «причины и условия миграции и преступности зачастую взаимосвязаны, а потому требуют комплексного анализа с учетом специфики различных видов перемещения и преступной деятельности» и предлагает принимать во внимание указанное взаимовлияние при разработке мер борьбы с преступностью мигрантов [6, с. 109–114].

Система предупреждения миграционной преступности, по мнению В. Соболяникова, должна «строиться с учетом угроз безопасности России». К их числу он относит: «увеличение потока незаконной

миграции (китайцев, афганцев и представителей других азиатских государств); незаконное перемещение через границу наркотиков, оружия, «живого товара» и т. д.); резкую активизацию криминальной миграции (транснациональная и трансграничная преступности, этноорганизованные группы и т. д.); все более широкое вовлечение террористическими группировками мигрантов в свою деятельность; рост масштабов незаконного промысла и вывоза биоресурсов» [23].

Многие исследователи рассматривают миграцию как почву для терроризма и трансграничной преступности. Миграцию как причину, порождающую терроризм и как фактор, осложняющий борьбу с ним, анализирует А. Б. Паскачев [12]. Такой точки зрения придерживаются и другие авторы [17; 16; 27]. Анализ современного состояния миграционной преступности позволяет исследователям говорить о миграции и миграционной преступности как об угрозе национальной безопасности [4; 14; 22]. Однако научных работ по рассмотрению рисков миграционной преступности практически нет.

Заключение

Отметим, что для минимизации рисков миграционной преступности необходимо противодействие негативным социальным процессам, вызванным проявлениями миграционной преступности.

К основным рискам миграционной преступности можно отнести:

- 1) конфликты на разной почве между коренным населением и мигрантами;
- 2) коррупционизм и криминализация экономических отношений;
- 3) терроризм и трансграничная преступность.

Практическими мерами по минимизации рисков миграционной преступности могут быть следующие шаги: в первую очередь через снижение потока иммигрантов в Россию (так ответило 64 % респондентов); во-вторых, через депортацию на родину лиц, совершивших преступление (такую меру предложило 18 % респондентов); в-третьих — через ужесточение наказания мигрантов, совершивших преступление (так считают 17 % опрошенных москвичей).

При разработке программ миграционной политики Москвы и мер для снижения социальной напряженности в обществе в целом необходимо учитывать выявленные риски. Для этого необходимы постоянно проводить мониторинги, выявляющие потенциальные риски, профили и области рисков, а также выполнять оценку рисков, совершенствовать законодательство по управлению миграционными процессами.

Библиографический список

1. Бек, У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Бородкина, О. И., Соколов, Н. В., Тавровский, А. В. Социальные риски международной иммиграции в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 3. С. 114–133.
3. Гоцуляк, И. Ю.; Кобец, П. Н. Криминологически значимые проблемы г. Москвы и их учет в деятельности по предупреждению преступности. О состоянии и проблемах противодействия преступности в регионах Российской Федерации: Сборник научных трудов / Под ред. С. И. Гирько. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012. Вып. 1. 148 с.
4. Грищенко, Т. А., Андрейцо, С. Ю. Реализация миграционной политики в Санкт-Петербурге // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 37–40.
5. Дроздова, Ю. А. Миграционные риски в полиэтничном регионе (на примере Волгоградской области). 26.09.2017. <https://narodirossii.ru/?p=20333>. (дата обращения: 16.10.2019).
6. Дядюн, К. В. Миграция и преступность: взаимосвязь причин и условий // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 2. С. 109–114.
7. Калашников, О. Д. Незаконная миграция и организованная преступность: взаимосвязь и взаимозависимость // Следователь. 2006. № 6. С. 56–59.
8. Кочеткова, Н. Д. Миграционные риски – как факторы выявления основных направлений превенции в механизме реализации миграционной политики Российской Федерации // ВБ: Административное право и практика администрирования. 2018. № 6. С. 23–28.
9. Лелюхин, С. Е., Номоконов, В. А. Китайская организованная преступность на Дальнем Востоке России // Незаконная международная миграция как угроза всеобщей стабильности и безопасности государств в XXI веке: правовое обеспечение сотрудничества России и приграничных стран: материалы междунар. теор. семинара. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 160–171.
10. Лопашенко, Н. А. О шкале рисков криминогенности миграционных процессов. Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 16–18.
11. Насуров, П. А. Криминальные последствия незаконной миграции и меры предупреждения (на материалах Республики Таджикистан): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 221 с.
12. Паскачев, А. Б. Террористические риски и миграционная безопасность. Москва: Литера, 2019. 198 с.
13. Резник, Г. А., Амирова, Д. Р. Миграция как угроза национальной безопасности страны: международные и национальные аспекты // Наукоедение. 2016. Т. 8. № 6. <http://naukovedenie.ru/PDF/82EVN616.pdf> (дата обращения: 16.09.2019).
14. Романенко, В. В., Бородкина, О. И. Социальная напряженность и социальные риски в контексте международной трудовой миграции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 109–123.

References

1. Bek U. Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu [Risk society: Toward a different art nouveau], Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, 384 p.
2. Borodkina O. I., Sokolov N. V., Tavrovskii A. V. Sotsial'nye riski mezhhdunarodnoi immigratsii v Rossii [Social risks of international immigration to Russia], Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2017, vol. 10, no. 3, pp. 114–133.
3. Gotsulyak I. Yu., Kobets P. N. Kriminologicheski znachimye problemy g. Moskvy i ikh uchets v deyatel'nosti po preduprezhdeniyu prestupnosti [Criminologically significant problems of the city of Moscow and their consideration in crime prevention activities], O sostoyanii i problemakh protivodeistviya prestupnosti v regionakh Rossiiskoi Federatsii: Sbornik nauchnykh trudov. Pod red. zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiiskoi Federatsii, doktora yuridicheskikh nauk, professora S. I. Gir'ko [On the state and problems of combating crime in the regions of the Russian Federation: Collection of scientific papers. Ed. Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor S. I. Girko], Moscow, VNI MVD Rossii, 2012, no. 1, 148 p.
4. Grishchenko T. A., Andreitso S. Yu. Realizatsiya migratsionnoi politiki v Sankt-Peterburge [Implementation of the migration policy in St. Petersburg.], Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii, 2016, no. 3 (71), pp. 37–40.
5. Drozdova Yu. A. Migratsionnye riski v polietnichnom regione (na primere Volgogradskoi oblasti) [Migration risks in a multi-ethnic region (on the example of the Volgograd region)], 26.09.2017. Available at: <https://narodirossii.ru/?p=20333> (accessed 16.10.2019).
6. Dyadyun K. V. Migratsiya i prestupnost': vzaimosvyaz' prichin i uslovii [Migration and criminality: the relationship of causes and conditions], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanities research in Eastern Siberia and the Far East], 2012, no. 2, pp. 109–114.
7. Kalashnikov O. D. Nezakonnaya migratsiya i organizovannaya prestupnost': vzaimosvyaz' i vzaimozavisimost' [Illegal migration and organized criminality: interrelation and interdependence], Sledovatel' 2006, no. 6, pp. 56–59.
8. Kochetkova N. D. Migratsionnye riski – kak faktory vyyavleniya osnovnykh napravlenii preventsii v mekhanizme realizatsii migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii [Migration risks - as factors in identifying the main areas of prevention in the mechanism for implementing the migration policy of the Russian Federation], NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya, 2018, no. 6, pp. 23–28.
9. Lelyukhin S. E., Nomokonov V. A. Kitaiskaya organizovannaya prestupnost' na Dal'nem Vostoke Rossii [Chinese organized criminality in the Russian Far East], Nezakonnaya mezhhdunarodnaya migratsiya kak ugroza vseobshchei stabil'nosti i bezopasnosti gosudarstv v XXI veke: pravovoe obespechenie sotrudnichestva Rossii i prigranichnykh stran: materialy mezhhdunar. teoret. Seminara [Illegal international migration as a threat to the overall stability and security of states in the 21st century: legal support of cooperation between Russia and border countries: international materials. theoretically. a workshop], Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2009, pp. 160–171.
10. Lopashenko N. A. O shkale riskov kriminogennosti migratsionnykh protsessov [On the scale of the risks of the criminality of migration processes], Probely v rossiiskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation], 2017, no. 6, pp. 16–18.

15. Романова, Л. И. Миграция и преступность // Незаконная международная миграция как угроза всеобщей стабильности и безопасности государств в XXI веке: правовое обеспечение сотрудничества России и приграничных стран: материалы междунар. теорет. семинара. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 124–127.
16. Смыслова, В. Н. Влияние миграционных процессов на состояние преступности экстремистской направленности в условиях радикализации и роста протестной активности в России и зарубежных странах // Вопросы российского и международного права. 2017, Т. 7, № 4 А. С. 288–302.
17. Соболевников, В. Миграционная преступность и ее предупреждение [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/505> (дата обращения: 12.09.2019).
18. Собянин С. С.: ситуация с мигрантами в Москве стабилизировалась, 15.02.2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sptnkne.ws/rgd2> (дата обращения: 10.09.2019).
19. Соков, К. Питательная среда для терроризма и трансграничной преступности. Это — о нелегальной миграции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ritmeurasia.org/news--2017-08-16--pitatel'naja-sreda-dlja-terrorizma-i-transgranichnoj-prestupnosti.-eto-o-nelegalnoj-migracii-31848> (дата обращения: 11.09.2019).
20. Шарин, В. И. Социальные риски как угрозы социальному положению и защита от них // Известия УрГЭУ. 2013. № 6(50). С. 118–123.
21. Юдина, Т. Н., Бормотова, Т. М. Миграция и преступность в Москве: реальность и представления // Наука. Культура. Общество. 2018. № 4. С. 47–58.
22. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 16.10.2019).
23. Информационно-справочные материалы о результатах оперативно-служебной деятельности подразделений по вопросам миграции ГУ МВД России по г. Москве [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 10.10.2019).
24. МВД: в Москве влияние мигрантов на криминогенную ситуацию выше, чем по стране // Информационное агентство России: ТАСС, 26.10.2017 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tass.ru/moskva/4680757> (дата обращения: 18.10.2019).
25. Названы области России, где мигранты чаще совершают преступления. <https://tj.sputniknews.ru/migration/20180803/1026363789/moscow-oblast-migranty-patrushev-prestupleniya-russia.html> (дата обращения: 16.10.2019).
26. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2017 года с распределением по странам и регионам // Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162171> (дата обращения: 16.10.2019).
27. Социальный портрет преступности // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики, 2018 [Электронный ресурс]. — Режим
11. Nasurov P. A. Kriminal'nye posledstviya nezakonnoi migratsii i mery preduprezhdeniya (na materialakh Respubliki Tadjikistan) [*The criminal consequences of illegal migration and preventive measures (based on materials of the Republic of Tajikistan)*], Aftoref. dis. ... Kand. Yurid. nauk Sciences, Moscow, 2008, 221 p.
12. Paskachev A. B. Terroristicheskie riski i migratsionnaya bezopasnost' [*Terrorist risks and migration security*], Moscow, Litera, 2019.
13. Reznik G. A., Amirova D. R. Migratsiya kak ugroza natsional'noi bezopasnosti strany: mezhdunarodnye i natsional'nye aspekty [*Migration as a threat to the national security of the country: international and national aspects*], Internet-zhurnal "Naukovedenie", 2016, vol. 8, no. 6. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/82EVN616.pdf> (accessed 16.09.2019).
14. Romanenko V. V., Borodkina O. I. Sotsial'naya napryazhennost' i sotsial'nye riski v kontekste mezhdunarodnoi trudovoi migratsii [*Social tension and social risks in the context of international labor migration*], Vestnik Permskogo universiteta Filosophiya, Psikhologiya, Sotsiologiya [*Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology*], 2018, no. 1, pp. 109–123.
15. Romanova L. I. Migratsiya i prestupnost' [*Migration and criminality*], Nezakonnaya mezhdunarodnaya migratsiya kak ugroza vseobshchei stabil'nosti i bezopasnosti gosudarstv v XXI veke: pravovoe obespechenie sotrudnichestva Rossii i prigranichnykh stran: materialy mezhdunar. teoret. seminar [Illegal international migration as a threat to the general stability and security of states in the XXI century: legal support of cooperation between Russia and border countries: international materials. theoretically. a workshop], Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost, 2009, pp. 124–127.
16. Smyslova V. N. Vliyaniye migratsionnykh protsessov na sostoyaniye prestupnosti ekstremistskoi napravlenosti v usloviyakh radikalizatsii i rosta protestnoi aktivnosti v Rossii i zarubezhnykh stranakh [*Influence of migration processes on the state of extremist criminality in the conditions of radicalization and growth of protest activity in Russia and foreign countries*], Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava, 2017, vol. 7, no. 4 A, pp. 288–302.
17. Sobol'nikov V. Migratsionnaya prestupnost' i ee preduprezhdenie. [*Migration criminality and its prevention*]. Available at: <https://www.lawmix.ru/comm/505> (accessed 12.09.2019).
18. Sobyenin S. S. Situatsiya s migrantami v Moskve stabilizirovalas' [*The situation with migrants in Moscow has stabilized*], 15.02.2019. Available at: <https://sptnkne.ws/rgd2> (accessed 10.09.2019).
19. Sokov K. Pitatel'naya sreda dlya terrorizma i transgranichnoi prestupnosti. Eto o nelegal'noi migratsii [*The breeding ground for terrorism and cross-border crime. This is about illegal migration*]. Available at: <https://www.ritmeurasia.org/news--2017-08-16--pitatel'naja-sreda-dlja-terrorizma-i-transgranichnoj-prestupnosti.-eto-o-nelegalnoj-migracii-31848> (accessed 11.09.2019).
20. Sharin V. I. Sotsial'nye riski kak ugrozy sotsial'nomu polozheniyu i zashchita ot nikh. [*Social risks as threats to social status and protection against them*]. Izvestiya UrGEU. [*News of USEU*], 2013, no. 6 (50), pp. 118–123.
21. Yudina T. N., Bormotova T. M. Migratsiya i prestupnost' v Moskve: real'nost' i predstavleniya [*Migration and criminality in Moscow: reality and ideas*], Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. [*Science. Culture. Society*], 2018, no. 4, pp. 47–58.
22. General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii. Portal pravovoi statistiki. [*The General Prosecutor of the Russian*

- доступа: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 16.10.2019).
28. Beck, U. Risk Society. Towards a new modernity. London, 1992. 272 p.
 29. Giddens, A. Pierson, C. Conversation with Anthony Giddens. Making sense of modernity. Stanford, Stanford University Press, 1998. 244 p.
 30. Luhmann, N. Risk: A Sociological Theory. New York, 1993. 236 p.
 31. Yudina, T. N., Bormotova, T. M., Leskova, I. V., Chernikova, A. A., Zyazin, S. Yu. Migrant crime in the Moscow megalopolis: reality and public opinion//The Journal of Social Sciences Research. 2018. I. S3. P. 385–391.
 23. Informatsionno-spravochnye materialy o rezul'tatakh operativno-služhebnoi deyatel'nosti podrazdelenii po voprosam migratsii GU MVD Rossii po g. Moskve. [*Information and reference materials on the results of the operational activities of the units on migration issues of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow*]. Available at: https://xn--blaew.xn--plai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (accessed 10.10.2019).
 24. MVD: v Moskve vliyanie migrantov na kriminogennuyu situatsiyu vyshe, chem po strane [*Ministry of Internal Affairs: in Moscow, the influence of migrants on the criminal situation is higher than in the country*], Informatsionnoe agentstvo Rossii: TASS [News Agency of Russia: TASS], 26.10.2017 Available at: <http://tass.ru/moskva/4680757> (accessed 18.10.2019).
 25. Nazvany oblasti Rossii, gde migranty chashche sovershayut prestupleniya. [*Named the regions of Russia, where migrants often commit crimes*]. Available at: <https://tj.sputniknews.ru/migration/20180803/1026363789/moscow-oblast-migranty-patrushev-prestupleniya-russia.html> (accessed 16.10.2019).
 26. Otdel'nye pokazateli migratsionnoi situatsii v Rossiiskoi Federatsii za yanvar'-dekabr' 2017 goda s raspredeleniem po stranam i regionam [*Certain indicators of the migration situation in the Russian Federation for January-December 2017 with a distribution by country and region*], Ministerstvo Vnutrennikh Del Rossiiskoi Federatsii [*Ministry of the Interior of the Russian Federation*]. Available at: <https://mvd.rf/Deljatelnost/statistika/migracionnaya/item/12162171> (accessed 16.10.2019).
 27. Sotsial'nyi portret prestupnosti [*Social portrait of criminality*], General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii. Portal pravovoi statistiki [*Prosecutor General of the Russian Federation. Legal Statistics Portal*], 2018. Available at: http://crimestat.ru/social_portrait (accessed 16.10.2019).
 28. Beck U. Risk Society. Towards a New Modernity, London, 1992, 272 p.
 29. Giddens A., Pierson C. Conversation with Anthony Giddens. Making Sense of Modernity, Stanford, Stanford University Press, 1998, 244 p.
 30. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory, New York, 1993, 236 p.
 31. Yudina T. N., Bormotova T. M., Leskova I. V., Chernikova A. A., Zyazin S. Yu. Migrant crime in the Moscow megalopolis: reality and public opinion, The Journal of Social Sciences Research, 2018, no. 3, pp. 385–391.

О проблемах современной модели формирования и реализации государственной инновационной политики России

Гусарова Анжелика Николаевна¹, Знаменский Дмитрий Юрьевич²

¹ведущий консультант, Министерство экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: angelika_shilenkova@mail.ru

²канд. полит. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация, e-mail: belyferz@list.ru

Аннотация

В статье проведен анализ государственной инновационной политики современной России. Рассмотрены проблемы существующей модели формирования и реализации государственной инновационной политики. Данное направление политики исследовано с позиций институциональной, технологической и временной составляющих, что позволило охарактеризовать ее современную модель в России как модель, реализуемую «сверху-вниз», так как центр принятия решений смещен в сторону государства в лице госорганов и лиц, принимающих решения с минимальным учетом мнения других заинтересованных субъектов. Предмет исследования — взаимодействие политических институтов в процессах формирования и реализации государственной инновационной политики России. Подчеркнута роль малых и средних предприятий научно-технической и инновационной направленности в исследуемых процессах как наиболее «чувствующих» потребности рынка, фокус внимания смещен на повышение ответственности первых лиц регионов за региональное инновационное развитие, а также номинальный характер государственного приоритета инновационного развития России. В качестве методологической основы используется системно-динамический подход, позволяющий системно вскрыть недостатки действующей системы, выраженные в ограниченном взаимодействии политических институтов, их коммуникации и качестве партнерских отношений. Во многом это объясняется символическим (номинальным) политическим запросом на такое развитие и слабой настройкой, оптимальной для развития инноваций, социально-политической средой. Сделан вывод, что исправить текущее положение дел возможно при изменении правового обеспечения инновационной сферы, субъектного состава участников разработки и реализации госполитики в сфере инноваций и условий для развития и роста инноваций.

Ключевые слова: государственная инновационная политика, инновации, политические институты, партнерские отношения, системно-динамический подход, институты гражданского общества.

Цитирование: Гусарова А.Н., Знаменский Д.Ю. О проблемах современной модели формирования и реализации государственной инновационной политики России//Управление. 2019. № 4. С. 149–154.

Challenges of the modern model of formation and implementation of the Russian state innovation policy

Gusarova Angelica¹, Znamenskiy Dmitriy²

¹Leading consultant, Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: angelika_shilenkova@mail.ru

²Candidate of Political Sciences, State University of Management, Moscow, Russia, e-mail: angelika_shilenkova@mail.ru

Abstract

The state innovation policy of modern Russia has been analyzed in the article. The problems of the existing model of formation and implementation of the state innovation policy have been considered. This direction of policy has been studied from the standpoint of institutional, technological and time components, which allows us to characterize the modern model of the state innovation policy of Russia as a model implemented “top-down”, as the center of decision-making was shifted towards the state in the face of government agencies and decision-makers with minimal consideration of the views of other stakeholders. The subject of this study is the interaction of political institutions in the formation and implementation of the state innovation policy of Russia. The role of small and medium-sized enterprises of scientific, technical and innovative orientation in the studied processes as the most “sensitive” market needs has been emphasized, the focus has been shifted to increase the responsibility of the first persons of the regions for regional innovative development, as well as to the nominal nature of the state priority of innovative development of Russia. As a methodological basis, a system-dynamic approach is used, which allows you to reveal systematically the shortcomings of the current system, expressed in the limited interaction of political institutions, their communication and the quality of partnerships. This is largely due to the symbolic (nominal) political demand for such development and the weak setting, optimal for the development of innovation, socio-political environment. The conclusion has been made, that it is possible to correct the current state of affairs when changing: the legal support of the innovation sphere, the subject composition of the participants in the development and implementation of state policy in the field of innovation and the conditions for the development and growth of innovation.

Keywords: state innovation policy, innovations, political institutions, partnerships, system-dynamic approach, civil society institutions.

For citation: Gusarova A.N., Znamenskiy D.Yu. Challenges of the modern model of formation and implementation of the Russian state innovation policy (2019) *Upravlenie*, 7(4), pp. 149–154. doi: 10.26425/2309-3633-2019-4-149-154



Актуальность проблем государственной инновационной политики в современной России не вызывает сомнений и подчеркивается существующим противоречием между отсталостью в инновационном развитии от большинства стран мира и в то же время отмечаемой важностью и необходимостью такого развития на протяжении многих лет лидерами государства, руководителями органов власти [7]. Нетрудно заметить прямую зависимость роста экономики и повышения уровня благосостояния граждан от эффективности реализации инновационной политики государства. Вместе с тем официальная статистическая информация позволяет сделать вывод об отрицательной тенденции уровня благосостояния большинства российских граждан на протяжении уже нескольких лет. К тому же политическая система Российской Федерации (далее — РФ) перманентно изменяется, подстраивается под требования времени, активнее функционирует коммуникативная подсистема, что провоцирует изменение как самих политических институтов, участвующих в формировании и реализации государственной инновационной политики, так и их статусов, роли и форматов взаимодействия. По мнению авторов, необходимо сфокусироваться на институциональной основе государственной инновационной политики, а именно на проблемах действующей модели взаимодействия политических институтов в процессах формирования и реализации государственной инновационной политики и при необходимости выработать рекомендации по ее корректировке.

Для проведения комплексного анализа государственной инновационной политики в качестве методологической основы авторы считают оптимальным системно-динамический подход, с помощью которого удастся раскрыть инновационную политику с точки зрения ее институциональной, технологической и временной составляющих [4]. Набор участников (политических институтов) государственной инновационной политики меняется в зависимости от этапа ее жизненного цикла, несущественно меняется лишь роль такого института как государства, координатора и главного функционера, так как в России именно за государством закрепляются полномочия по формированию условий функционирования экономики, формирования и реализации иных направлений государственной политики. С учетом основ конституционного строя РФ, за государством должны быть закреплены и иные роли, в соответствии с которыми оно должно выступать партнером для других субъектов негосударственного сектора экономики. Однако в сложившихся условиях (этатизм, авторитарный характер

власти) центр принятия решений смещен в сторону государства в лице госорганов и лиц, принимающих решения, отстранены от указанного процесса и институты гражданского общества, характеризующиеся неразвитостью и низкой степенью структурированности [5]. Исходя из указанного, современную модель государственной инновационной политики России можно охарактеризовать как модель, реализуемую «сверху-вниз», вместо демократической модели, при которой государством обеспечиваются условия для активизации деятельности граждан, общественных объединений, политических партий. Наличие конструктивного диалога в отношениях типа «власть — общественность», «власть — бизнес», «бизнес — общественность» — результат работы демократической модели государственной политики.

Необходимо отметить, что в существующих политических реалиях в процессах формирования и реализации государственной инновационной политики главная роль закреплена за федеральными органами власти (профильными), которые и являются в первую очередь инициаторами идей и их исполнителями (например, подготовка проекта ФЗ «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» Министерством науки и высшего образования РФ, далее — Минобрнауки). Ситуация с бизнес-структурами несколько иная: на первом плане крупный бизнес, при этом участие крупных корпораций связано, как правило, с конкретной заинтересованностью компании, вместе с тем, мировой опыт показывает, что одним из основных двигателей технического прогресса являются малые и средние предприятия, особенно это касается предприятий научно-технической и инновационной направленностей, которые сами по себе являются инновационной инфраструктурой, и лучше других представителей бизнес-структур «ощущают» проблемы существующей системы [2]. В этой связи нельзя упускать из виду роль и мнение таких субъектов при формировании политической повестки дня в сфере инноваций.

Законодательно незакрепленное соотношение полномочий центральных органов и региональных способствует неоднородности инновационного развития регионов, которая также во многом обусловлена либо активным использованием, либо неиспользованием имеющегося регионального потенциала и административными ресурсами для решения задач инновационного развития. Представляется важным для полноценности инновационного развития, определения основных целей, направлений и приоритетов государственной инновационной политики, возможных рисков при решении установленных

проблем привлекать представителей органов власти субъектов РФ, ответственных за региональное инновационное развитие, независимо от степени такого развития, инновационной готовности и восприимчивости регионов. Введение системы мониторинга научно-инновационного потенциала регионов предположительно будет способствовать повышению эффективности государственной инновационной политики.

Кроме того, обозначенное противоречие между провозглашаемой важностью инновационного прорыва и инновационной отсталостью от большинства стран мира подчеркивает номинальный характер государственного приоритета инновационного развития России. Обозначить необходимость смены такого характера или корректировки приоритетов, на наш взгляд, под силу экспертному сообществу, в первую очередь, с помощью специальных знаний и креативного потенциала. Но проблема в том, что в условиях устоявшегося политического режима, лица, уполномоченные за принятие решений, либо не нуждаются в проведении внешней экспертизы для решения существующих проблем, либо нуждаются, но исключительно для экспертного «одобрения» принимаемых или принятых решений. Пожалуй, исправить такое положение дел возможно только лишь при смене существующего принципа принятия решений (реально решить проблему / исполнить поручение (поставить галочку)).

Обратимся к некоммерческому блоку, в котором есть те или иные субъекты, способные влиять на принятие управленческих решений в исследуемых процессах. Здесь роль каждого субъекта (организации) различна и зависит, в том числе, от уровня власти (федеральный, региональный). Самыми активными участниками формирования и реализации государственной инновационной политики являются такие крупные субъекты, как Общероссийский народный фронт и его проект «Центр мониторинга технологической модернизации и научно-технического развития», Общественная палата РФ, при этом роль региональных общественных палат разнится от субъекта к субъекту РФ и в целом незначительна. Активность таких крупных субъектов — скорее исключение, чем общее правило для всего некоммерческого общественно-политического блока, остальная часть непартийных политических институтов дистанцирована от участия в принятии политических решений в области науки и инноваций и продолжает поддерживать эту тенденцию.

Вместе с тем, следует обозначить, что в национальной модели государственной инновационной политики России представительство на политической

арене весьма широкое (государство, партии, бизнес-структуры, представители науки, общественные организации и т. д.). Выстроена структура органов власти, в чью компетенцию входят вопросы инноваций. Иными словами, в инновационной сфере институциональный дизайн фактически наличествует. В то же время существующая модель формирования и реализации государственной инновационной политики содержит ряд существенных недостатков, находящих свое отражение в первую очередь во взаимодействии политических институтов, их коммуникации и качестве партнерских отношений. Обусловлено это как культурно-историческим контекстом, так и фрагментарным законодательным регулированием инновационной сферы (разобщенность понятий, отсутствие конкретизации в направлениях государственной инновационной политики, декларативность основных стратегических документов, отсутствие форматов взаимодействия субъектов государственного и негосударственного секторов экономики). Выстроенная структура органов власти и наличие имеющейся инфраструктуры не оказывают желаемого эффекта — перехода экономики на новую ступень инновационного развития (представляется затруднительным назвать хотя бы две-три инновационных компании России международного уровня (не считая разработчиков программного обеспечения)). Во многом это объясняется символическим (номинальным) политическим запросом на такое развитие и слабой настройкой, оптимальной для развития инноваций, социально-политической средой.

Исправить текущее положение дел, по мнению автора, возможно при изменении:

- правового обеспечения инновационной сферы;
- субъектного состава участников разработки и реализации госполитики в сфере инноваций;
- условий для развития и роста инноваций, и, как следствие, повышения заинтересованности всего бизнеса (как крупного, так и малого, и среднего).

Принятие отдельного закона, отражающего порядок формирования и реализации государственной инновационной политики, должно способствовать становлению форматов взаимодействия органов власти разного уровня, науки, бизнеса, соотношений полномочий федеральных и региональных органов власти, установлению ответственности за принимаемые решения и т. д. И, конечно, должны быть предусмотрены меры государственной поддержки и стимулирования инновационной деятельности на различных уровнях. Главной целью такого нормативного акта должно стать построение национальной инновационной системы.

При оценке инновационного потенциала страны, выявлении и ранжировании существующих проблем необходимо совершенствовать механизмы вовлечения ученых в качестве экспертов в принятие государственных решений «верхнего уровня». Привлечение таких субъектов, как малые предприятия научно-технической и инновационной направленности, учитывая их чувствительность к рынку и условия осуществления деятельности, при выявлении текущих проблем будет способствовать определению путей их решений, не оторванных от реальности. Активное взаимодействие региональных властей друг с другом и с федеральным центром, позволит определить реальные проблемы отдельно взятых субъектов, проанализировать их, выявить общие и наиболее важные в целом для страны.

Следует подчеркнуть, что указанные меры будут работоспособными при наличии условий для развития инновационной деятельности, которые могут быть обеспечены путем реформирования системы высшего образования, судебной, правовой систем, обеспечивающих защиту предпринимателей и интеллектуальной собственности и т. д. Между тем уже сейчас влиять на появление первых признаков по-настоящему демократической социально-экономической среды для развития инновационной деятельности в России под силу институтам гражданского общества, которые могут увеличивать свой политический вес, осуществляя общественный контроль в исследуемой сфере, являющийся основой публичной политики и обладающий функциональной и институциональной значимостью [6]. Достигнуть указанного можно быстрее, закрепив в федеральном законодательстве права таких субъектов на осуществление общественного контроля инновационной политики государства. Отсутствие отдельного закона, регулирующего инновационную деятельность в России, не ограничивает гражданское общество в осуществлении общественного контроля в данной сфере, но предположительно тормозит такое взаимодействие с органами власти ввиду отсутствующей конкретизации прав, полномочий госорганов в указанной сфере и т. д.

Сокращение дистанции между заинтересованной в инновационной политике государства общественностью и органами власти возможно в том случае, если первые поверят в работоспособность общественного контроля, а вторые ее обеспечат путем закрепления на законодательном уровне обязательности исполнения органами власти и другими лицами, предусмотренными законом, результатов такого контроля вне зависимости от его формы. Конкретным инструментом повышения гражданской активности населения в исследуемых процессах является привлечение граждан к участию в деятельности общественных советов при органах государственной власти и местного самоуправления. Например, при реформированном Минобрнауки России предусмотрен Общественный совет, деятельность которого безусловно затрагивает инновационную сферу [1]. По мнению авторов, повысить эффективность работы такого совета возможно при соблюдении следующих условий:

- исключение возможности заочного заседания;
- расширение перечня вопросов, по которым необходимо наличие положительного решения Общественного совета, путем включения в него вопросов, затрагиваемых инновационную сферу;
- использование процедур онлайн-голосования при формировании персонального состава Общественного совета при Минобрнауки России, активирующего большее число граждан для участия в исследуемых процессах.

Важно отметить, что все предложенное выше — первые шаги на пути становления демократической модели инновационной политики России как публичной, как «результата взаимодействия государства, институтов гражданского общества и других заинтересованных структур» [3, с. 47]. Но самое главное — это наличие фактического политического запроса на централизованную инновационную политику государства, приоритета в развитии такого направления политики, при наличии которого у России многократно увеличиваются шансы стать высокотехнологичной страной.

Библиографический список

1. Положение об Общественном совете при Министерстве образования и науки Российской Федерации, утвержденное приказом Минобрнауки России от 13.11.2012 г. № 913 // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения: 25.09.2019).

References

1. Polozhenie ob Obshchestvennom sovete pri Ministerstve obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, utverzhdennoe prikazom Minobrnauki Rossii ot 13.11.2012 g. № 913 [Regulation on the Public Council under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, approved by order of the Ministry of Education and Science dated on November 13, 2012 No. 913], SPS "KonsultantPlyus" [Legal reference

2. Голиченко, О. Г. Национальная инновационная система России: состояние и пути развития. М.: Наука, 2006. 396 с.
3. Знаменский, Д. Ю. Государственная научно-техническая политика Российской Федерации: понятие, подходы к исследованию // Социодинамика. 2016. № 6. С. 47–55.
4. Знаменский, Д. Ю. Системно-динамический подход к исследованию процесса формирования и реализации государственной политики // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 104–106.
5. Омельченко, Н. А., Гимазова, Ю. В. О демократическом идолопоклонничестве, химерах русского политического либерализма и демократии в России // NB: Проблемы политики и общества: электрон. журнал. 2013. № 9. С. 153–182 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_9254.html (дата обращения 25.09.2019).
6. Пищулин, О. В. «О критериях эффективности общественного контроля» // Экономика образования. 2014. № 3. С. 85.
7. Национальный доклад об инновациях в России 2017 (подготовлен АО «РВК» — государственный фонд фондов и институт развития венчурного рынка Российской Федерации) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rvc.ru/upload/iblock/c64/RVK_innovation_2017.pdf (дата обращения: 25.09.2019).
2. Golichenko O. G. Natsional'naya innovatsionnaya sistema Rossii: sostoyanie i puti razvitiya. [National innovation system of Russia: state and ways of development], Moscow, Nauka, 2006, 396 p.
3. Znamenskii D. Yu. Gosudarstvennaya nauchno-tekhnicheskaya politika Rossiiskoi Federatsii: ponyatie, podkhody k issledovaniyu [State scientific and technical policy of the Russian Federation: concept, approaches to research], Sotsiodinamika [Sociodynamics], 2016, no. 6, pp. 47–55.
4. Znamenskii D. Yu. Sistemno-dinamicheskii podkhod k issledovaniyu protsessa formirovaniya i realizatsii gosudarstvennoi politiki [A system-dynamic approach to the study of the process of formation and implementation of state policy], Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development], 2014, no. 12, pp. 104–106.
5. Omel'chenko N. A., Gimazova Yu. V. O demokratcheskom idolopoklonnichestve, khimerakh russkogo politicheskogo liberalizma i demokratii v Rossii [On democratic idolatry, chimeras of Russian political liberalism and democracy in Russia], NB: Problemy politiki i obshchestva: elektron. zhurnal [NB: Problems of politics and society: electronic journal], 2013, no. 9, pp. 153–182. Available at: http://e-notabene.ru/pr/article_9254.html (accessed 25.09.2019).
6. Pishchulin O. V. O kriteriyakh effektivnosti obshchestvennogo kontrolya [On criteria of efficiency of public control], Ekonomika obrazovaniya [Economics of education], 2014, no. 3, 85 p.
7. Natsional'nyi doklad ob innovatsiyakh v Rossii 2017 (podgotovlen AO "RVK" — gosudarstvennyi fond fondov i institut razvitiya venchurnogo rynka Rossiiskoi Federatsii) [National report on innovation in Russia 2017 (prepared by JSC RVC — the State Fund of Funds and a Development Institute of the Venture Capital Market of the Russian Federation)]. Available at: http://www.rvc.ru/upload/iblock/c64/RVK_innovation_2017.pdf (accessed 25.09.2019).